2(С)1
Эис 811
511367

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ АББАТА ЖОРЖЕЛЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

МОСКВА.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.
MCMXIII.

Пр. 2010

511367

г.

Ф 23136

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ АББАТА ЖОРЖЕЛЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

ПР.-48 г.

511367

Переводъ Н. СОБОЛЕВСКАГО.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

Уральская Областная
БИБЛИОТЕКА
Фундаментальная

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

9(с)1
Ж 811

Научная библиотека
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

Уральский Индустриальн. Ин-т
им. С. М. КИРОВА
Фундаментальн. библиотека

511367

Пр. 1948

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

Настоящій переводъ представляетъ собою часть VI тома сочиненій аббата Жоржеля, носящаго заглавіе „Mémoires pour servir à l'histoire des evenemens de la fin du XVIII siccle depuis 1760 Jusqu en 1860—1810, par un contemporain impartial".

Мы взяли для перевода ту часть названнаго труда, которая посвящена путешествію автора въ Россію въ царствованіе императора Павла. Обстоятельства, вызвавшія это путешествіе, указаны въ самомъ текстѣ. Конечно, ихъ необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ показаній автора о лицахъ и событіяхъ Павловскаго царствованія и, прежде всего, о самомъ императорѣ. Аббатъ Жоржель ѣхалъ въ Россію въ качествѣ одного изъ представителей Мальтійскаго ордена, который такъ неожиданно нашелъ въ императорѣ Павлѣ пылкаго покровителя. Разумѣется, авторъ былъ склоненъ отнестись въ августѣйшему магистру своего ордена съ полнымъ доброжелательствомъ, что и отразилось отчасти на его отзывѣ о личности Павла Петровича. Но, съ другой стороны, именно эта расположенность аббата Жоржеля къ императору Павлу и придаетъ особенно важное значеніе всему тому, что сказано въ его мемуарахъ объ отрицательныхъ чертахъ Павловскаго правленія. Мы имѣемъ передъ собой не памфлетъ озлобленнаго

человѣка, лично задѣтаго суровостями или несправедливостями этого царствованія, а, наоборотъ, показаніе свидѣтеля, склоннаго скорѣе сказать что либо въ пользу императора Павла, какъ покровителя своего ордена, и если картина, выходящая изъ подъ пера такого свидѣтеля, все же отливаетъ мрачнымъ колоритомъ, то это обстоятельство не можетъ не получить особенной важности въ глазахъ историка. Вотъ почему, очевидно, историки Павловскаго царствованія давно уже обратили вниманіе на мемуары Жоржеля и во многихъ случаяхъ цитировали ихъ въ своихъ работахъ. Помимо отзывовъ автора о лицахъ, окружавшихъ тронъ императора Павла, и о дѣятельности самого императора, мемуары аббата Жоржеля получаютъ, на нашъ взглядъ, немалый интересъ еще въ одномъ отношеніи. Авторъ мемуаровъ сообщаетъ много данныхъ о различныхъ подробностяхъ жизненнаго обихода русскаго общества того времени. Условія путешествія по тогдашнимъ русскимъ почтовымъ трактамъ, цѣны на разнаго рода предметы и продукты, условія жизни въ петербургскихъ гостиницахъ того времени, видъ петербургскихъ улицъ и уличной толпы и другія подобныя тому замѣтки весьма драгоцѣнны для насъ, ибо онѣ въ своей совокупности, рисуютъ намъ будничную, ежедневную жизнь и русской столицы и русскихъ почтовыхъ дорогъ на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ. Конечно, авторъ ограничивается здѣсь лишь тѣми впечатлѣніями, которыя можетъ схватить внимательный туристъ мимоходомъ, на лету; но за то такія впечатлѣнія имѣютъ цѣну живой непосредственности. Это—какъ бы моментальный фотографическій сни-

мокъ отдѣльныхъ картинокъ тогдашней русской дѣйствительности. Подобнаго рода матеріаломъ приходится очень дорожить, ибо онъ не такъ то часто встрѣчается въ историческихъ мемуарахъ того времени.

А. Кизеветтеръ.

Путешествіе въ С.-Петербургъ.

Причина этого путешествія.

Мнѣ было семьдесятъ лѣтъ, когда я совершилъ путешествіе въ тысячу шестьсотъ лье: описаніе того, что я видѣлъ, и достойныхъ упоминанія событій въ тѣхъ странахъ, черезъ которыя я проѣзжалъ,—занимало мои досуги. Когда одиночество становится дѣломъ вкуса и разсчета, то для того, чтобы скрасить часы его, надо въ тиши своего кабинета, такъ сказать, перерабатывать свои мысли, пріобрѣтенныя познанія и наблюденія, чтобы закрѣпить ихъ и передать тѣмъ, кому они могутъ быть полезны.

Такова была моя цѣль: тотъ, кому придется ѣхать въ С.-Петербургъ въ первый разъ, найдетъ въ моей книгѣ свѣдѣнія, которыя устранятъ затрудненія и тревожныя заботы, неразрывно связанныя съ такой длинной дорогой, при климатѣ, столь несоотвѣтствующемъ нашимъ обычаямъ и жизненнымъ привычкамъ. Такъ какъ въ этомъ сочиненіи нѣтъ мѣста фантазіи и блестящему творчеству ума, то стиль его соотвѣтствуетъ непрерывному повѣствованію о вещахъ и событіяхъ, которыя могутъ имѣть интересъ только для тѣхъ, кто хочетъ путешествовать въ этихъ краяхъ, или для тѣхъ, кто желаетъ познакомиться съ ихъ природой и обычаями. Я старался быть всегда

правдивымъ и выражаться ясно. Беря кисть для изображенія историческихъ портретовъ выдающихся личностей,—я руководствовался ихъ поступками. Горечь сатиры никогда не отравляла моего пера, и я никогда не впадалъ въ низкопоклонство. Лучше молчать, чѣмъ кусаться или льстить.

Я выѣхалъ изъ Фрейбурга въ С.-Петербургъ двадцать пятаго сентября 1799 года; я пересѣкъ Шварцвальдъ, Швабію, Баварію, Австрію, Моравію, Верхнюю Силезію, ту часть раздѣленной Польши, которую австрійцы называютъ западной Галиціей, Литву, Самогитію, Курляндію, Ливонію и Ингрію.

Я жилъ въ резиденціи императора Павла I съ середины декабря 1799 года до конца мая 1800 года. Я вернулся назадъ черезъ одиннадцать мѣсяцевъ, при чемъ проѣхалъ по выѣздѣ изъ Курляндіи черезъ Мемель, Кенигсбергъ, Данцигъ, Берлинъ, Дрезденъ, Байретъ, Амбергъ, Ратисбонъ и Аугсбургъ.

Во время этого путешествія вся Европа была потрясена слѣдовавшими одинъ за другимъ ударами французской революціи. Счастливый Бонапартъ деспотически царилъ надъ Франціей подъ титуломъ перваго консула. Этотъ человѣкъ, достигшій нынѣ такой славы, ничѣмъ не выдѣлялся и былъ неизвѣстенъ до того, какъ его назначили во времена Директоріи главнокомандующимъ итальянской арміей; онъ завоевалъ Италію; основалъ четыре Цизальпинскихъ и Лигурійскихъ республики; заключилъ Кампоформійскій миръ. Этотъ новый аргонавтъ овладѣлъ въ двадцать четыре часа городомъ и островомъ Мальтой,—самымъ грознымъ оплотомъ Европы; покорилъ Египетъ съ помощью своей арміи, несмо-

тря на полное пораженіе французскаго флота у береговъ Александріи; удачно выполнилъ трудное отступленіе по пескамъ Сиріи; возвратился во Францію, избѣжавъ тысячи опасностей, чтобы низвергнуть ненавистную Директорію и побѣдить австрійцевъ при Маренго; онъ заставилъ Меласа отдать Піемонтъ, Геную, Миланъ и часть римской Цизальпиніи. Вниманіе всей Европы приковано къ Бонапарту, отъ котораго зависитъ война и миръ. Его экспедиція въ Египетъ явилась причиной путешествія, которое я описываю во всѣхъ подробностяхъ. Взятіе Мальты неизбѣжно вело къ крушенію верховнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Три языка: провансскій, овернскій и французскій не существовали болѣе; итальянскій языкъ находился подъ властью французовъ-республиканцевъ, хозяйничавшихъ въ Піемонтѣ, Ломбардіи, владѣніяхъ Св. Престола и Неаполитанскомъ королевствѣ. Молчаніе гросмейстера Гомпеша, удалившагося въ Тріестъ, и его упорный отказъ оправдать свое непонятное поведеніе на Мальтѣ, чего ждала Европа и требовали всѣ великіе пріоры ордена, побудили или заставили великую пріорію Россійскую предложить гросмейстерство царю Павлу I. Принимая этотъ санъ, государь этотъ спасалъ отъ крушенія корпорацію, покрытую славой въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Великія пріоріи Богемская, Баварская и Германская, проникнутыя чувствомъ благодарности, рѣшили послѣдовать примѣру россійскаго пріора. Ихъ капитулы, созванные для обсужденія этого важнаго вопроса, назначили депутатовъ, которые должны были ѣхать въ Петербургъ, чтобы выразить новому вели-

кому магистру свою готовность признать его главенство.

Великая пріорія Германская, собравшись въ Гейтерсгеймѣ, въ Брезгау, резиденціи принца великаго пріора, назначила депутатомъ великаго рыцаря Пфюрдскаго Блюмберга, столпа германскаго языка, и баденскаго барона, командора Везеля. Въ это время я поселился во Фрейбургѣ, въ Брезгау, изъ любви къ одиночеству. Мнѣ было семьдесятъ лѣтъ; я провелъ восемнадцать лѣтъ въ знаменитомъ обществѣ, крушеніе котораго было настоящимъ бѣдствіемъ; тамъ развилась моя любовь къ литературному труду, сдѣлавшемуся моей главной страстью. Затѣмъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ я вращался въ высшемъ свѣтѣ, подвизаясь на поприщѣ дипломатіи при дворѣ безсмертной Маріи-Терезіи, правившей совмѣстно со своимъ сыномъ императоромъ Іосифомъ II. По выходѣ изъ этого лабиринта дипломатическихъ переговоровъ и интригъ, удостоившись отъ своего государя наградъ, я мирно выполнялъ въ Парижѣ и Версалѣ административныя и церковныя обязанности, какъ главный викарій великаго французскаго братства. Въ силу по-истинѣ страннаго и злосчастнаго стеченія обстоятельствъ я, повинуясь чувству долга и признательности, принялъ близкое участіе въ веденіи знаменитаго процесса, который я хотѣлъ бы предать забвенію. Несмотря на королевскій титулъ августѣйшихъ особъ, возбудившихъ этотъ процессъ, несмотря на упорную, непримиримую и рѣзко выраженную ненависть министра, который ввелъ ихъ въ заблужденіе, воспользовавшись ихъ молодостью, знаменитый обвиняемый вышелъ побѣдителемъ изъ униженій зато-

ченія и уголовной процедуры и былъ торжественно увѣнчанъ руками справедливости.

Уставъ отъ дѣлъ и высокопоставленныхъ особъ, рѣшивъ провести остатокъ своихъ дней среди мирныхъ занятій свободной и независимой жизни и удалившись на лоно родного очага, окруженный родственниками и друзьями, я обрѣлъ очаровательное мѣстожительство. Я наслаждался этимъ земнымъ раемъ, когда демонъ французской революціи изгналъ меня оттуда. Кореннымъ грѣхомъ Національнаго Конвента стала его дѣятельность, направленная противъ духовенства. Мнѣ предстояло выбирать между преступной присягой и изгнаніемъ: я, не колеблясь, избралъ послѣднее. Я нашелъ убѣжище во Фрейбургѣ, столицѣ Брезгау, подъ покровительствомъ мѣстныхъ властей, какъ вдругъ, совершенно неожиданно для себя, я былъ приглашенъ принцемъ, великимъ пріоромъ, и первымъ депутатомъ, великимъ рыцаремъ Пфюрдскимъ, въ Гейтерсгеймъ, гдѣ все еще собирался капитулъ ордена. Я не имѣлъ чести быть знакомымъ ни съ принцемъ, ни съ г.г. депутатами. Когда я прибылъ, мнѣ оказали очень любезный пріемъ и предложили сопровождать депутацію въ С.-Петербургъ; я долженъ былъ помогать составлять письма и докладныя записки, необходимыя для успѣшнаго веденія переговоровъ. Мои лѣта, моя любовь къ уединенію и антипатія ко всякаго рода зависимости, заставили меня колебаться; настойчивыя просьбы, свидѣтельствовавшія о благосклонномъ отношеніи ко мнѣ, и желаніе отплатить за оказанное мнѣ довѣріе побудили меня принять предложеніе: это произошло въ четвергъ, двѣнадцатаго сентября

1799 года. Я остался на нѣсколько дней въ Гейтерсгеймѣ, чтобы познакомиться поближе съ порученіями, данными депутатамъ, и вернулся затѣмъ въ Фрейбургъ, чтобы сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія.

Дорога изъ Кракова въ Брестъ, граница русской Польши.

Переѣздъ изъ Кракова въ Люблинъ. — Люблинъ. — Переѣздъ изъ Люблина въ Брестъ. — Общія замѣчанія относительно Польши. — Терespоль, австрійская граница. — Таможня. — Встрѣча съ депутатами великаго пріора богемскаго.

Мы покинули Краковъ 3-го сентября въ восемь часовъ утра, запасшись провизіей до Люблина. До сихъ поръ каждый изъ нашихъ экипажей везла четверка лошадей: теперь пришлось взять шестерку изъ-за песчаныхъ дорогъ и низкорослости польскихъ лошадей. Мы смогли сдѣлать въ этотъ день всего лишь десять лье; на третью станцію въ Колидзе мы прибыли ночью. Мы хотѣли ѣхать дальше до слѣдующей станціи. Смотритель, не державшій постоялаго двора, въ разговорѣ съ нами замѣтилъ, что намъ придется проѣхать шесть лье по отвратительнымъ дорогамъ и переправиться черезъ двѣ рѣчки на паромѣ; что онъ готовъ дать намъ лошадей, если

его слова не остановятъ насъ. Мы рѣшили не ѣхать далѣе. Тогда онъ предложилъ намъ отправиться въ его домъ и поужинать. Онъ не могъ предоставить намъ ни комнатъ, ни постелей; его супруга приготовила намъ хорошій ужинъ, и мы легли на печкѣ на соломѣ. На слѣдующій день мы тщетно требовали счета: съ насъ ничего не хотѣли брать. Этотъ поступокъ незнакомыхъ людей удивилъ насъ. Мужъ и жена очень хорошо говорили по-нѣмецки. Наконецъ, уѣзжая, мы оставили на столѣ больше, чѣмъ съ насъ могли спросить, и снова двинулись въ путь.

Слѣдующій перегонъ въ шесть лье по пескамъ и изрытымъ ухабами дорогамъ и переправа черезъ двѣ рѣчки отняли у насъ семь часовъ. По прибытіи въ Новоміартъ, довольно крупное мѣстечко, смотритель почтовой станціи заставилъ насъ взять по семи лошадей для каждаго экипажа, указывая намъ, что слѣдующій перегонъ будетъ въ шесть миль или двѣнадцать лье по пескамъ и болотистымъ дорогамъ, и что поэтому онъ имѣетъ право увеличить число коней. Мы ничего не возразили, но потребовали записку съ его собственноручной подписью, въ удостовѣреніе того, что мы прибыли на шестеркѣ: записка эта сослужила намъ службу на слѣдующихъ перегонахъ. Этотъ перегонъ въ двѣнадцать лье мы проѣхали, не останавливаясь, по очень скернымъ дорогамъ. Мы прибыли подъ вечеръ въ Аффашовъ, маленькій городокъ, гдѣ имѣется почтовая станція. Мы хотѣли ѣхать до слѣдующей станціи. Карета баденскаго командора, ѣхавшая впереди насъ, была уже запряжена, и наши лошади были уже готовы, когда въ двадцати шагахъ отъ почтовой станціи на полномъ

ходу одно изъ заднихъ колесъ сломалось. Карета опрокидывается въ мою сторону; Пфюрдскій рыцарь большого креста падаетъ на меня; онъ былъ довольно тяжелъ; паденіе могло бы окончиться печально, если бы моя голова коснулась поднятаго стекла: къ счастью она ударилась объ мягкую стѣнку кареты: я былъ оглушенъ; рыцарь большого креста оцарапалъ себѣ голову, ударившись о крюкъ экипажа: все наше несчастье ограничилось сломаннымъ колесомъ. Мы вернулись въ еврейскую корчму, гдѣ поужинали своей провизіей и легли спать на полу на соломѣ. Новое колесо могло быть готово только на слѣдующій день къ двумъ часамъ пополудни. Починки этого рода всегда обходятся очень дорого. Когда рабочій видитъ, что онѣ неотложны и необходимы, то онъ запрашиваетъ втридорога, и приходится уступать ему. Большимъ неудобствомъ является здѣсь языкъ: часто внутри страны и особенно въ деревняхъ васъ не понимаютъ, и вы ничего не понимаете, если не говорите по-польски: приходится прибѣгать къ помощи евреевъ, которые всѣ говорятъ по-нѣмецки и служатъ переводчиками. Въ городахъ рабочіе или нѣмцы, или же знаютъ нѣмецкій языкъ. Отъ Стахоста намъ предстояло проѣхать семь лье или три мили до Иваниско, крупнаго селенія и почтовой станціи: дороги оказались столь ужасными и опасными благодаря тому, что онѣ пролегали среди дремучихъ сосновыхъ лѣсовъ, что мы поздравили себя съ прибытіемъ въ городъ, гдѣ можно было найти все необходимое, чего мы, конечно, не нашли бы ночью, если бы она застигла насъ въ пути во время этого самаго ужаснаго перегона во

всемъ нашемъ долгомъ путешествіи. Въ виду плохого качества дальнѣйшей дороги и крайне темной ночи мы рѣшили переночевать въ Иваниско; на слѣдующій день мы миновали маленькій городокъ Опатовъ, гдѣ была почтовая станція, а отсюда отправились въ Томинъ; отъ Томина до Рашоста—три мили. Перегонъ отъ Томина до Вислы, которую надо переѣзжать на лодкѣ,—представляетъ сплошное болото, откуда лошади вылѣзаютъ съ трудомъ и гдѣ экипажи готовы опрокинуться при каждомъ оборотѣ колеса: было бы безразсудствомъ ѣхать тутъ ночью. Мы переночевали въ Урзедовѣ, въ отвратительномъ еврейскомъ трактирѣ. На слѣдующій день, около четырехъ часовъ вечера, мы прибыли въ Люблинъ, находившійся въ двѣнадцати лье отъ нашей послѣдней ночевки. Намъ пришлось оставаться здѣсь до одиннадцати часовъ утра слѣдующаго дня, чтобы починить экипажи и запастись провизіей. Мы ночевали въ томъ предмѣстьѣ, черезъ которое въѣхали, въ одной изъ лучшихъ гостиницъ Люблина, какъ намъ сказали. Намъ ничего не дали поѣсть, и въ гостиницѣ не оказалось ни одной постели, но напротивъ жилъ какой-то трактирщикъ, и у него взяли на прокатъ матрацы, которые положили для насъ на полъ. Впрочемъ, двѣ комнаты, въ которыхъ насъ помѣстили, были чисты и хорошо обставлены. Кузнецъ не постыдился спросить пять червонцевъ за желѣзную полосу, длиною въ одинъ футъ и въ два пальца шириною, оканчивавшуюся кольцомъ для подвѣшиванія задней части кузова; съ нимъ пришлось препираться, чтобы заставить его взять три червонца. Я посѣтилъ въ этомъ предмѣстьѣ въ мо-

настырѣ Страннопріимцевъ французскаго священника эмигранта, который прибылъ туда съ семью французскими монахинями, допущенными въ эту обитель.

Самый городъ и предмѣстье, черезъ которое я проѣзжалъ, представляютъ унылое зрѣлище развалившихся церквей и довольно красивыхъ домовъ: это картина опустошеннаго и сожженнаго города. Немощеныя улицы такъ грязны, что не знаешь, гдѣ ступить. Нижнее предмѣстье города, которое мы пересѣкли при отъѣздѣ, населено одними евреями; въ немъ нѣтъ ничего достопримѣчательнаго, кромѣ невылазной грязи и опасности сломать экипажъ въ виду множества большихъ камней, которые разбросаны тамъ и сямъ по дорогѣ, чтобы облегчить пѣшеходамъ переходъ на другую сторону улицы.

Короткіе дни и дурныя дороги подвергали испытанію наше терпѣніе; мы подвигались впередъ очень медленно. По пути изъ Люблина въ Бѣлую мы замѣтили весьма красивые замки; въ этихъ замкахъ обитали нѣкогда польскіе магнаты; они жили тамъ по-царски. Въ настоящее время сохранилось лишь воспоминаніе объ ихъ былomъ величіи. Постепенное разрушеніе замковъ показываетъ, что они не служатъ болѣе резиденціей для своихъ владѣльцевъ. Замокъ князя Сангушко—въ двухъ перегонахъ или восьми лье отъ Люблина, мѣстечко Козгъ, принадлежащее князю Яблонскому,—въ четырнадцати лье отъ Люблина,—замѣчательное зданіями геометрически правильной формы съ колоннадой, окружающей княжескій дворъ,—заняты евреями и смотрителями почтовой станціи. Замокъ графа Потоцкаго въ Радзинѣ, огромномъ мѣстечкѣ,—средото-

чіи многочисленной администраціи, и замокъ князя Чарторійскаго въ Меншезерицѣ показываютъ еще могущество владѣльцевъ этихъ чудныхъ помѣстій. Меншезерицъ поразилъ насъ своей чистотой, представляя рѣзкій контрастъ съ другими городами и селеніями Польши. Это весьма длинное мѣстечко вымощено прекрасными квадратными плитами, которыя старательно подметаются.

Бѣлая, куда мы прибыли черезъ два дня послѣ нашего отъѣзда изъ Люблина, представляетъ маленькій, грязный городокъ, подобно всѣмъ городамъ Польши, но довольно хорошо обстроенный: она принадлежитъ роду князей Радзивилловъ. Францисканцы имѣютъ здѣсь большой домъ и довольно красивую церковь. Мы нашли на большой площади хорошую гостиницу, гдѣ получили сносныя постели и ужинъ. Хозяинъ и хозяйка, не знавшіе ни по-французски, ни по-нѣмецки, посадили ужинать съ нами одного австрійскаго чиновника, говорившаго по-французски, по-нѣмецки и по-польски; онъ служилъ намъ переводчикомъ, за что мы были ему весьма признательны. Мы запаслись въ этой гостиницѣ виномъ и съѣстными припасами и на слѣдующій день, въ воскресенье, отправились въ путь, прослушавъ обѣдню у францисканцевъ. Этотъ день, по отъѣздѣ изъ Бѣлой, былъ однимъ изъ самыхъ злосчастныхъ въ нашемъ путешествіи. Первый перегонъ отъ Бѣлой до Жалезіи въ три мили или шесть лье былъ сдѣланъ безъ всякихъ приключеній въ теченіе четырехъ часовъ. Въ Жалезіи, захолустной почтовой станціи, насъ заставили ждать около двухъ часовъ; пошли за лошадьми въ сосѣднюю деревню. Наконецъ, къ намъ

привели двѣнадцать лошадей и крестьянъ вмѣсто ямщиковъ. Лошади были такъ заморены, что онѣ не могли вытащить нашихъ каретъ со двора: къ нимъ прибавили еще нѣсколько штукъ. Вся эта масса лошадей тащила насъ съ грѣхомъ пополамъ почти три лье, и намъ оставалось еще столько же до станціи. Баденскій командоръ, у котораго были лучшіе кони и довольно хорошій ямщикъ, ѣхалъ впереди. Въ какой-то деревнѣ мы завязли въ грязи съ нашими лошадьми, которыя не могли сдѣлать ни шагу. Мы оставались тамъ цѣлый часъ; было воскресенье; никто не приходилъ къ намъ на помощь. Наконецъ, двое крестьянъ извлекли насъ изъ этой клоаки съ помощью рычаговъ. Не проѣхали мы и одного лье, какъ застряли въ пескахъ; выбившіяся изъ силъ и запаленныя лошади отказались идти: пришлось послать за лошадьми въ ближайшую деревню; ихъ едва нашли. Наконецъ, подъ вечеръ, послѣ цѣлаго часа ожиданія, намъ удалось выбраться оттуда.

Мы замѣтили, что наше затруднительное положеніе мало интересуетъ нашихъ ямщиковъ, и что они не обнаруживаютъ ни усердія, ни желанія вывести насъ изъ него. Они были недовольны, такъ какъ содержательница почтовой станціи въ Жалезіи, заставивъ насъ заплатить прогоны впередъ, какъ это принято въ Польшѣ и Россіи, потребовала также, чтобы мы заплатили за ямщиковъ, говоря, что ямщики всегда получаютъ плату отъ нея и что она беретъ на себя трудъ разсчитаться съ ними. Мы объяснялись съ ней по-нѣмецки, и она заставила насъ прибавить къ обычной таксѣ, говоря, что дорога тяжела, и что она позаботится о томъ, чтобы

насъ везли хорошо. Мы узнали только на ночлегѣ, что эта женщина не дала ямщикамъ ничего кромѣ положеннаго по таксѣ, а излишекъ оставила себѣ; тогда ямщики, не разсчитывая получить отъ насъ ничего болѣе, стали дѣйствовать спустя рукава. Самые недовольные везли карету, гдѣ находился я съ Пфюрдскимъ рыцаремъ большого креста. Пока мы сидѣли въ пескахъ, ожидая лошадей на подмогу, ямщики напились пьяными, чего мы не замѣтили благодаря темнотѣ. Поднялся яростный вѣтеръ, и полилъ холодный дождь; намъ оставалось проѣхать еще цѣлое лье по скверному, узкому шоссе, изрытому опасными ухабами и тянувшемуся между двумя болотами, затопленными водой. Къ счастью, луна, несмотря на дождь, разсѣивала ночную мглу. Хуже всего было то, что мы не могли объясниться съ нашими ямщиками-поляками. Къ счастью, мы встрѣтили еврея, который взялъ на себя роль переводчика. Мы велѣли нашимъ возничимъ ѣхать шагомъ, избѣгая краевъ этого опаснаго шоссе. Послѣ того, какъ главный почтарь, несмотря на эти предосторожности, едва не опрокинулъ насъ два или три раза въ болото, онъ, хотя и былъ предупрежденъ объ опасности, которой избѣжала карета баденскаго командора, заѣхалъ въ такую глубокую яму, что не могъ вытащить оттуда экипажъ съ помощью своихъ лошадей. Баденскій командоръ, не знавшій о нашемъ несчастьи, былъ уже далеко отъ насъ. Пьяные ямщики улеглись подъ каретой и заснули. Погода была отвратительная; рыцарь большого креста рѣшилъ пройти по грязи полмили, оставшіяся до Тересполя, чтобы прислать намъ лошадей. Къ намъ прибыло четыр-

надцать лошадей; всего у насъ оказалось двадцать: всѣ ихъ усилія были тщетны; онѣ не могли извлечь кареты изъ глубокой ямы, въ которой завязли переднія колеса. Тогда прибывшія лошади вернулись обратно, и наши ямщики послѣдовали за ними со своими лошадьми. Очутившись вдвоемъ со слугой Пфюрдскаго рыцаря и не желая проводить ночь на большой дорогѣ, я въ свою очередь оставилъ карету и прибылъ въ Тересполь, забрызганный грязью и измокшій, въ убогую еврейскую корчму: второго слугу послали стеречь карету. На разсвѣтѣ погода была до того скверная, что ни за какія деньги мы не могли заставить пойти вытащить нашу карету. Мы прибѣгли къ помощи мѣстнаго муниципальнаго чиновника, австрійца. Онъ отрядилъ восемь крестьянъ, которымъ пришлось заплатить очень дорого; съ помощью заступовъ имъ удалось высвободить нашу карету: она прибыла, наконецъ, въ девять часовъ утра, запряженная лошадьми, которыхъ мы наняли у евреевъ въ Тересполѣ. Эта ночь была очень тревожной. Оставить на большой дорогѣ ночью карету, въ которой были наши деньги и вещи,—тутъ было отъ чего безпокоиться! Къ счастью, карета прибыла цѣлой и невредимой. Мы были научены горькимъ опытомъ, что не слѣдуетъ платить ямщикамъ до прибытія на станцію и путешествовать ночью по странѣ, гдѣ дороги отвратительны, а рабы-крестьяне не отличаются ни гостепріимствомъ, ни любезностью.

Отъ Кракова до Тересполя страна плоска: не видно ни горъ, ни холмовъ; это широкія равнины, перерѣзанныя сосновыми борами, обширными нивами и изрѣдка лугами и прудами, на которыхъ по-

ставлены водяныя мельницы; на всемъ протяженіи страны, почти вплоть до самой Вислы, мы встрѣтили лишь двѣ небольшія рѣчки. Нѣтъ ни одного родника; пьютъ лишь мутную и нездоровую колодезную воду. Все богатство этого края, несмотря на песчаную почву, состоитъ въ зерновыхъ хлѣбахъ; это житница сѣверныхъ странъ. Изъ Данцига, куда рожь доставляютъ водою по Вислѣ, она идетъ въ Россію, Швецію, Данію и даже въ Голландію. Стада овецъ здѣсь многочисленны. Крестьяне одѣваются въ однѣ недубленыя овчины: это одежда какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Нигдѣ не видно шляпъ; цвѣтная шапка, опушенная мѣхомъ — обычный головной уборъ у жителей обоего пола. Сапоги служатъ обувью какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ; это является необходимостью по причинѣ грязи, наводняющей города, деревни и дороги. Въ Польшѣ села и деревушки весьма многочисленны и занимаютъ большое пространство: по одному селенію можно судить обо всѣхъ. Всѣ дома деревянные и крыты соломой; они имѣютъ лишь одинъ этажъ. Стѣны этихъ домовъ сдѣланы изъ длинныхъ сосновыхъ бревенъ, положенныхъ одно на другое, между которыми настланъ мохъ; скрѣпы обмазаны глиной. Окна представляютъ дыры въ одинъ или два квадратныхъ фута, прорѣзанныя въ бревнахъ. Стекла этого подобія оконъ малы, неправильной формы, скорѣе бурыя, чѣмъ бѣлыя, и соединяются маленькими гибкими планками.

Жилище крестьянина внутри отдѣлено отъ хлѣва, гдѣ помѣщается скотина, лишь плетнемъ или жалкой досчатой перегородкой; въ нѣкоторыхъ избахъ люди

помѣщаются вперемежку со скотомъ. Въ селахъ и деревняхъ великое множество свиней бродитъ на свободѣ или валяется въ грязи, посреди которой стоятъ польскія хижины. Эти многочисленныя деревушки безъ церквей принадлежатъ къ приходу священника сосѣдняго села, гдѣ находятся приходскій храмъ, домъ священника и замокъ помѣщика. Замокъ этотъ выстроенъ обыкновенно изъ кирпича. Въ Польшѣ—сплошные пески и совсѣмъ нѣтъ каменоломенъ.

Когда Польша была еще королевствомъ и въ то же время республикой конфедератовъ, когда король избирался высшимъ духовенствомъ и знатью, когда pacta conventa были еще въ силѣ, а liberum veto составляло привиллегію знати, то единственными землевладѣльцами были помѣщики-дворяне; крестьянинъ былъ холопомъ и находился въ безусловной зависимости отъ своего барина, безъ разрѣшенія котораго онъ не могъ ни жениться, ни отлучаться, ни наниматься въ услуженіе къ другимъ лицамъ. Доходы помѣщика исчислялись и исчисляются до сихъ поръ по количеству крестьянъ. Здѣсь, какъ и въ Россіи, говорятъ еще о помѣстьѣ въ сто, тысячу, десять тысячъ душъ. Крестьянинъ платитъ подушную подать. Его ежегодныя поземельныя повинности находятся въ соотвѣтствіи съ количествомъ земли, которое помѣщикъ оставляетъ въ его пользованіи. Въ большинствѣ помѣстій крестьянинъ былъ принужденъ въ продолженіе трехъ, четырехъ, пяти и даже шести дней въ недѣлю работать на барщинѣ для помѣщика, когда тотъ велъ самостоятельное хозяйство. На барщину выѣзжали съ однимъ или двумя

плугами и такимъ же количествомъ лошадей и мужчинъ или женщинъ. Послѣ раздѣла Польши крестьяне были обложены налогомъ въ пользу казны, котораго они не платили ранѣе, и господа принуждены были уменьшить число дней барщины; нѣкоторые изъ нихъ надѣлили землей крестьянъ, и послѣдніе стали владѣть ею подъ условіемъ уплаты оброка и отбыванія барщины. Въ то же самое время эти крестьяне не являются больше крѣпостными, въ виду того, что теперешніе государи требуютъ рекрутъ для войскъ и военной службы. Князь Александръ Любомірскій первый подалъ примѣръ этого человѣчнаго и благодѣтельнаго дѣянія въ своемъ прекрасномъ Опольскомъ помѣстьѣ, въ двѣнадцати лье отъ Люблина: счастье своихъ подданныхъ онъ предпочелъ всѣмъ богатствамъ.

571367

Однимъ изъ источниковъ дохода помѣщиковъ служатъ трактиры или корчмы, которые вездѣ, какъ мы уже замѣтили, снимаютъ за довольно дорогую плату евреи. Если изрѣдка встрѣчаются польскіе трактиры, иногда въ селахъ, а иногда и въ открытомъ полѣ, то это объясняется тѣмъ, что польскій шляхтичъ-землевладѣлецъ, вмѣсто того, чтобы сдавать кабакъ, извлекаетъ изъ него доходы самъ. Въ городахъ гостиницы содержатъ или свободные поляки, или иностранцы, пріобрѣтшіе за плату право гражданства.

Польша такъ же, какъ Литва и Самогитія, которыя мы пересѣкли, полны евреевъ; это плодовитое племя приноситъ съ собой всюду самую омерзительную грязь; они живутъ лишь торговлей и ростовщичествомъ; это купцы, трактирщики, комиссі-

онеры, маклеры и мѣнялы. Когда какой-нибудь видный иностранецъ прибываетъ въ польскій городъ, то они осаждаютъ его. Часто они оказываются для него полезнѣе поляковъ, которые не отличаются ни предупредительностью, ни готовностью къ услугамъ, ни гостепріимствомъ. Имъ платятъ за ихъ хлопоты, но мы замѣтили, что они берутъ меньше поляковъ.

Отъ Кракова до Тересполя—двадцать девять миль или пятьдесятъ восемь лье; изъ-за сѣверныхъ дорогъ, непредвидѣнныхъ случайностей, починокъ кареты, намъ пришлось оставаться въ пути цѣлую недѣлю.

Тересполь представляетъ крупное мѣстечко, гдѣ австрійское правительство имѣетъ таможню и администрацію: это—граница Западной Галиціи. Тересполь отдѣленъ заставой отъ территоріи Бреста, перваго города въ русскихъ владѣніяхъ.

Мы наняли лошадей у евреевъ, чтобы доѣхать до Бреста, гдѣ находится почтовая станція. По прибытіи къ австрійской заставѣ намъ пришлось показать свои паспорта. Когда мы миновали эту заставу, то очутились на лѣвомъ берегу одного изъ рукавовъ Буга, отдѣляющаго Польшу отъ Литвы или, говоря языкомъ, усвоеннымъ послѣ раздѣла, отдѣляющаго Западную Галицію отъ русской Литвы. Когда мы прибыли къ русской заставѣ, охраняемой двумя казаками, вооруженными длинными пиками, передъ нами открыли ворота и остановили насъ, требуя наши паспорта: ихъ отнесли офицеру, находившемуся въ кордегардіи. Черезъ четверть часа насъ пропустили въ сопровожденіи солдата, который повелъ насъ на брестскую таможню, находившуюся

на разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ заставы; этотъ солдатъ несъ наши паспорта. Переѣхавъ по деревяннымъ мостамъ черезъ всѣ рукава и главное теченіе Буга, мы въѣхали въ Брестъ около одиннадцати часовъ утра въ понедѣльникъ 11 октября.

Насъ предупреждали, что русскіе таможенные порядки отличаются весьма большой строгостью: обычно чемоданы и экипажи осматриваются крайне тщательно. Особенно строго воспрещены запечатанныя письма. Чиновники, которымъ мы передали свои паспорта, видя, что мы посланы депутатами къ императору, обошлись съ нами вѣжливо; мы получили отъ нихъ обратно провѣренные паспорта, и они сказали намъ, что въ виду возложенной на насъ миссіи они явятся сами на почтовую станцію для обычнаго осмотра. Они прибыли туда черезъ четверть часа послѣ насъ; они спросили, нѣтъ ли у насъ запечатанныхъ писемъ и подлежащихъ оплатѣ пошлиною товаровъ; мы отвѣтили, что у насъ есть запечатанныя письма только къ императору и его министрамъ; что наши чемоданы содержатъ лишь бѣлье и платье. Мы сунули имъ въ руку два червонца: они повѣрили намъ на слово и удалились. Тѣмъ, у кого найдутъ запечатанныя письма, грозитъ большой штрафъ, а иногда даже тяжкія тѣлесныя наказанія. Таможенные чиновники, которымъ удается захватить ихъ, щедро награждаются: отсюда строгость ихъ осмотровъ и обысковъ. Два мотива лежатъ въ основѣ этихъ каръ. Доходы отъ почтовой корреспонденціи принадлежатъ казнѣ; и они значительны, такъ какъ доставка писемъ стоитъ страшно дорого: самое

простое письмо, полученное изъ-за границы, обходится въ шесть франковъ. Вторая причина заключается въ томъ, что правительство интересуютъ всѣ извѣстія, какъ посылаемыя за границу, такъ и получаемыя оттуда. Сыскъ доведенъ до крайности. Вамъ возвращаютъ ваши письма распечатанными съ разорванной почтовой печатью. Отъ васъ даже не скрываютъ, что ваше письмо прочитано. Книги, брошюры и даже музыкальныя ноты подвергаются самому суровому осмотру. Русскіе самодержцы полагаютъ, что излишекъ знаній и свѣта можетъ поколебать безгласное повиновеніе народа, который желаютъ держать въ цѣпяхъ рабства. Несмотря на эти крайнія мѣры и безпрестанно возобновляемые указы, я могъ убѣдиться въ томъ, что съ помощью золота можно преодолѣть всѣ препятствія и перешагнуть черезъ всѣ заставы.

Смотритель почтовой станціи въ Брестѣ далъ намъ помѣщеніе, но не далъ ѣсть; мы расположились у него въ двухъ комнатахъ безъ постелей. Мы послали за трактирщикомъ, который приготовилъ намъ хорошій обѣдъ, взявъ по два рубля съ каждаго, безъ вина и кофе, и полтора рубля за обѣдъ для слуги. Вино, которое приходится доставать у торговцевъ евреевъ, стоило четыре, пять, шесть и восемь польскихъ флориновъ за бутылку; польскій флоринъ равняется пятнадцати вѣнскимъ крейцерамъ. Въ Польшѣ можно найти только бѣлыя венгерскія или франконскія вина, да и то поддѣльныя; но вода и пиво такъ отвратительны, что поневолѣ довольствуешься этимъ скернымъ виномъ.

Смотритель почтовой станціи, у котораго мы по-

мѣстились, былъ богатый еврей; но богатство не дѣлало его жилища опрятнѣе. Онъ объявилъ намъ, что изъ-за дурныхъ дорогъ онъ можетъ везти насъ только въ томъ случаѣ, если въ каждую карету будетъ запряжено по восьми лошадей. Кофе, который мы пили у него, стоилъ два польскихъ флорина или тридцать крейцеровъ за чашку.

Мы разсчитывали пуститься въ путь послѣ обѣда, но намъ объявили о прибытіи графа Колловата и графа Сентъ-Жульена, депутатовъ великаго пріора богемскаго, возвращавшихся изъ Санктъ-Петербурга. Г.г. депутаты великаго пріора германскаго, не задумываясь, отложили свой отъѣздъ до слѣдующаго дня: имъ было важно побесѣдовать съ двумя богемскими депутатами относительно пребыванія послѣднихъ при дворѣ гросмейстера и исхода ихъ депутаціи. Г.г. Колловатъ и Сентъ-Жюльенъ съ большой готовностью отвѣчали на всѣ предложенные имъ вопросы, они дали весьма полезныя свѣдѣнія относительно характера лицъ, съ которыми намъ предстояло вести переговоры, и относительно поведенія, котораго слѣдовало держаться, чтобы угодить тѣмъ; ибо они не скрывали, что для этого надо взвѣшивать каждое слово и каждый шагъ; что часто достаточно бездѣлицы, чтобы лишиться благоволенія и впасть въ немилость. Они предупредили насъ, что дороги въ Литвѣ и Самогитіи, которыя намъ предстояло проѣхать до Курляндіи и Ливоніи, были еще хуже тѣхъ, которыми мы только что ѣхали; что намъ предстоитъ пересѣчь безконечные болотистые лѣса и опасныя топи, гдѣ легко сломать экипажи, и что въ случаѣ несчастья часто по близости не ока-

зывается необходимой помощи. Они прибавили, что мы вынуждены будемъ брать отъ десяти до двѣнадцати лошадей для каждой кареты, чтобы не завязнуть въ грязи, что низкорослость и слабость почтовыхъ лошадей требуетъ этого излишняго расхода; что всѣ эти неудобства заставили ихъ принять рѣшеніе взять лошадей у виленскихъ евреевъ; что они были довольны ими и совѣтуютъ намъ поступить такъ же. Тогда мы приняли рѣшеніе договориться съ тѣми же еврейскими ямщиками, которые должны были вернуться въ Вильно. У нихъ было четырнадцать крѣпкихъ коней, они взялись доставить насъ въ Вильно за пятьдесятъ дукатовъ, выговоривъ себѣ два дуката на чай, если мы будемъ довольны ими.

Смотритель почтовой станціи хотѣлъ воспротивиться этому соглашенію. Виленскіе евреи уговорили его, уплативъ ему прогоны за перегонъ, который мы должны были сдѣлать на его лошадяхъ.

Графъ Колловатъ, глава депутаціи великаго пріора богемскаго,—генералъ-лейтенантъ австрійской арміи. Гросмейстеръ—императоръ пожаловалъ ему большой крестъ и въ то же время назначилъ его замѣстителемъ генерала ордена при вѣнскомъ дворѣ съ жалованіемъ въ тысячу дукатовъ. Графъ Сентъ-Жюльенъ—генералъ маіоръ, отличившійся въ итальянскихъ кампаніяхъ. Будучи взятъ въ плѣнъ въ послѣднюю кампанію и привезенъ въ Парижъ, онъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, какія-то полномочія отъ своего двора для переговоровъ о предварительныхъ условіяхъ мира съ французскимъ министерствомъ. Подписанныя имъ статьи договора были отвергнуты, и враждебныя дѣйствія снова начались на берегахъ Инна и въ Италіи.

Брестъ—большой и многолюдный городъ; у насъ не было ни малѣйшаго желанія осматривать его; улицы наводнены грязью. Здѣсь стоитъ гарнизонъ, и живетъ русскій военный генералъ. Тутъ тьма евреевъ, какъ и во всѣхъ польскихъ городахъ. Въ нѣсколькихъ лье отъ Бреста Павелъ I помѣстилъ въ аббатствѣ отцовъ траппистовъ, изгнанныхъ изъ швейцарскаго Вальсента, которые не могли найти убѣжища въ Германіи. Этотъ государь, хотя и исповѣдывалъ греческую религію, милостиво принялъ ихъ, удостоилъ своимъ благоволеніемъ отца аббата, пожаловалъ ему дома и помѣстья для двухъ обителей, мужской и женской. Принцесса Луиза Кондэ была монахиней въ этой колоніи. Но этимъ пожалованіемъ недовольны архіепископъ могилевскій и епископъ виленскій, и это заставляетъ опасаться, что рано или поздно имъ удастся возстановить императора противъ этой благочестивой и святой колоніи и добиться ея изгнанія изъ его государства.

Дорога изъ Бреста въ Ригу (въ Ливоніи) черезъ Вильно (въ Литвѣ) и Митаву (въ Курляндіи).

Переѣздъ изъ Бреста въ Вильно. — Зишевицъ. — Русскія бумажныя деньги.—Переѣздъ изъ Вильно въ Митаву.—Ковно. — Кайданы, опасный переѣздъ черезъ рѣку. — Шадовъ. — Шавли. — Князь Зубовъ.— Генералъ маркизъ Отишанъ.—Генералъ лейтенантъ графъ Ланжеронъ.—Въѣздъ въ Курляндію. — Гостиница въ милѣ отъ Митавы.—Митава.—Замокъ прежнихъ государей.—Людовикъ XVIII въ Митавѣ.—Дворъ Людовика XVIII.—Аудіенція у короля Франціи.—Графиня де-Марсонъ. — Аудіенція у королевы, герцога и герцогини Ангулемскихъ. —Предмѣстье Риги.—Переправа черезъ Двину въ ледоходъ.—Рига.—Набережная, гдѣ разгружаются суда.—Мѣняльныя лавки.—Великій князь Иванъ.

Мы покинули Брестъ 12-го ноября въ два часа пополудни. Въ этотъ день мы сдѣлали только четыре мили. Въ слѣдующіе дни наши ямщики евреи дѣлали по семи миль въ день, когда насъ не задерживала починка экипажей. Мы запаслись въ Брестѣ виномъ и съѣстными припасами. Наши евреи, не предупреждая насъ, оставили по выѣздѣ изъ Бреста почтовый трактъ, чтобы избѣжать столкновеній со смотрителями станцій. Когда мы замѣтили это, они увѣрили насъ, что избранная ими дорога короче и лучше: пришлось имъ повѣрить и предоставить везти насъ, какъ они хотѣли. Тѣмъ не менѣе мы нашли во время этого переѣзда лишенные растительности пески, весьма дурныя дороги, трясины и дремучіе лѣса, высокія и старыя сосны. Мы боялись каждую

минуту опрокинуться и сломать экипажъ, но у нашихъ евреевъ были хорошія лошади, и они осторожно везли насъ.

Во время этого мучительнаго переѣзда мы видѣли лишь то, что представлялось нашимъ взорамъ съ момента нашего въѣзда въ Польшу: грязныя села и деревушки съ деревянными домами, крытыми соломой, и отвратительныя корчмы.

Маленькій городокъ Зишевицъ, названный такъ по фамиліи графа, которому онъ принадлежитъ, поразилъ насъ своимъ необычайнымъ видомъ; замокъ помѣщика находится въ четверти лье отъ города; къ нему ведетъ аллея. Всѣ дома деревянные, но они опрятны и даже изящны; всѣ они построены одинаково; большая, широкая и прямая улица оканчивается обширной, покрытой травой площадью, окаймленной окрашенными и хорошо построенными одноэтажными домами. Каждый изъ нихъ, хотя и не имѣетъ ничего общаго съ гостиницей, отмѣченъ какимъ-нибудь животнымъ, нарисованнымъ въ натуральную величину. Когда мы проѣзжали черезъ этотъ городокъ, тамъ стоялъ полкъ красныхъ гусаръ; какъ люди, такъ и кони были весьма красивы. Здѣсь квартировалъ русскій кавалерійскій генералъ.

Мы снова выѣхали на почтовый трактъ, не доѣзжая двухъ станцій до Вильно; мы встрѣтили тутъ графа Дитриштейна, австрійскаго генералъ-маіора, возвращавшагося изъ Петербурга со своей супругой и свитой. Карета, въ которой онъ находился съ графиней и двумя слугами, сидѣвшими на козлахъ, была запряжена десятью лошадьми. Слѣдовавшая за нею карета, гдѣ сидѣли восемь человѣкъ, была за-

пряжена шестнадцатью конями, и они едва тащили ихъ по пескамъ и грязи. Графъ ѣздилъ въ Петербургъ на свадьбу эрцгерцога съ великой княжной Александрой Павловной. Онъ впалъ въ немилость у Павла I, который, не считаясь съ исключительными обстоятельствами этого брака, приказалъ ему немедленно оставить Санктъ-Петербургъ и Россійскую имперію. Я остановилъ на минуту его экипажъ, чтобы передать письма изъ Вѣны, которыя я взялся доставить ему.

Наконецъ, черезъ недѣлю, въ теченіе которой было сдѣлано сто семь лье, мы прибыли въ Вильно 19-го ноября въ три часа пополудни. Мы надѣялись, что въ столицѣ великаго княжества Литовскаго намъ удастся найти хорошую гостиницу и избавиться отъ грязныхъ корчмъ. Мы ѣздили больше часа по этому большому городу, наводненному грязью, прежде чѣмъ нашли кровъ. Наконецъ, евреи, осаждавшіе наши экипажи, при чемъ каждый изъ нихъ хотѣлъ быть нашимъ коммиссіонеромъ, нашли намъ прекрасный домъ, гдѣ швейцаръ весьма любезно принялъ насъ. Здѣсь останавливался встрѣченный нами графъ Дитриштейнъ. Это не была гостиница: домъ этотъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ отеля Виттикова, польскаго вельможи, державшаго тамъ швейцара, уполномоченнаго сдавать въ наемъ комнаты проѣзжимъ. Мы нашли большое помѣщеніе, состоявшее изъ передней, гостиной, спальной и задней комнаты для прислуги. Комнаты были прекрасныя, такъ же какъ и гостиная. Здѣсь имѣлись стулья, кушетки, столы и зеркала, но не было никакихъ постелей. Швейцаръ объявилъ намъ, что онъ не можетъ намъ

дать ни матрацовъ, ни одѣялъ, ни простынь, ни столоваго бѣлья, ни ѣды,—словомъ, ничего, что можно разсчитывать найти въ гостиницѣ. Наши коммиссіонеры—евреи достали намъ свѣчей и дровъ; лакей, получивъ на чай, съ большой готовностью затопилъ у насъ печи. Пришелъ трактирщикъ и предложилъ намъ свои услуги. Онъ подалъ намъ обѣдъ въ наше помѣщеніе, при чемъ взялъ съ насъ по полтора рубля съ каждаго безъ вина, кофе и десерта. Евреи снабдили насъ сноснымъ бѣлымъ виномъ по четыре польскихъ флорина за бутылку. Чашка кофе стоила тридцать крейцеровъ. Кушетки служили намъ постелями. Мы провели здѣсь и слѣдующій день, чтобы починить свои экипажи, запастись провизіей и договориться насчетъ лошадей. Для каждаго экипажа требовалось по восьми почтовыхъ лошадей. Намъ оставалось еще до Митавы, гдѣ мы должны были остановиться, чтобы представиться Людовику XVIII,—сорокъ пять миль или девяносто лье, и насъ предупредили, что вплоть до самой Курляндіи дороги еще хуже и опаснѣе тѣхъ, по которымъ мы ѣхали. Намъ посовѣтовали взять еврейскихъ или русскихъ ямщиковъ до Митавы или Риги, увѣряя, что почтовыя лошади едва ли вывезутъ насъ,—такъ плохи были дороги, по которымъ намъ предстояло ѣхать. Наши ямщики евреи предложили довезти насъ до Митавы за восемьдесятъ дукатовъ; мы предлагали имъ шестьдесятъ. Ихъ отказъ заставилъ насъ обратиться къ русскимъ ямщикамъ; послѣдніе пожелали ѣхать до самаго С.-Петербурга; мы сошлись на ста червонцахъ. Мы рѣшили отдать имъ предпочтеніе передъ почтарями для

остальной части нашего пути въ виду тѣхъ выгодъ, которыя мы получали, имѣя тринадцать крѣпкихъ коней и четырехъ ямщиковъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы везти насъ какъ можно скорѣе, и въ томъ, чтобы заботиться о цѣлости нашихъ экипажей.

Мы могли себя поздравить съ этой сдѣлкой; правда, мы дѣлали только шесть—семь миль или двѣнадцать—четырнадцать лье въ день; почтовыя лошади могли бы везти насъ лучше только въ томъ случаѣ, если бы мы ѣхали и днемъ и ночью,—настолько убійственны и испорчены были дороги. Къ тому же,—и это еще болѣе укрѣпило насъ въ нашемъ рѣшеніи,—по прибытіи въ Ригу мы принуждены были бы взять русскихъ ямщиковъ, ибо насъ предупреждали, что возвращеніе въ Вѣну эрцгерцога съ его супругой заняло всѣхъ почтовыхъ и крестьянскихъ лошадей; для каждой перепряжки требовалось сто шестьдесятъ коней.

Вильно, столица великаго княжества Литовскаго и мѣстопребываніе епископа, показался мнѣ значительнымъ и многолюднымъ городомъ: онъ замѣчателенъ лишь грязью, покрывающею его улицы, и шестнадцатью тысячами евреевъ, которые водворились тамъ. Городъ кишитъ іудейскимъ племенемъ: они полезны, такъ какъ всѣ знаютъ по-нѣмецки, а нѣкоторые и по-французски и играютъ роль переводчиковъ. Они пристаютъ къ иностранцамъ съ размѣномъ дукатовъ. Путешественники, которые должны остаться на нѣкоторое время въ Россіи, сдѣлаютъ очень хорошо, если обмѣняютъ свои дукаты въ Вильно на бумажныя деньги: они получаютъ при

этомъ большую выгоду. Во всей Россіи и въ Санктъ-Петербургѣ бумажныя деньги имѣютъ такой курсъ, что смотрители почтовыхъ станцій, содержатели гостиницъ и купцы предпочитаютъ ихъ золотымъ. Одни лишь голландскіе червонцы имѣютъ обращеніе въ областяхъ, входящихъ въ составъ русскихъ владѣній; императоръ велитъ чеканить ихъ въ своемъ государствѣ. Имъ предпочитаютъ бумажныя деньги, потому что послѣднія имѣютъ опредѣленную и неизмѣнную цѣнность, тогда какъ цѣнность червонца поднимается и падаетъ. Мы раскаялись дорогой, и особенно въ Санктъ-Петербургѣ, что не размѣняли дукатовъ въ Вильно: въ Ригѣ, гдѣ совершается размѣнъ, онъ менѣе выгоденъ, и мы замѣтили, что дукатъ теряетъ въ своей цѣнности по мѣрѣ приближенія къ столицѣ. Въ Вильно дукатъ стоилъ пять рублей и отъ десяти до тринадцати копѣекъ бумажными деньгами. Въ Ригѣ намъ давали за него лишь четыре рубля восемьдесятъ копѣекъ; въ Нарвѣ онъ ходилъ по четыре рубля пятьдесятъ, самое большее шестьдесятъ копѣекъ; въ рублѣ сто копѣекъ.

Мы ночевали двѣ ночи въ Вильно: швейцаръ, не давшій намъ ни дровъ, ни свѣчей, ни постелей, ни бѣлья, потребовалъ съ насъ шесть дукатовъ. Дрова въ Вильно крайне дороги; небольшой возъ стоитъ дукатъ, а между тѣмъ вокругъ Вильно тянутся необозримые лѣса. Мы видѣли великолѣпныя сосны, которыя гнили, валяясь на землѣ; намъ обходилось два рубля въ день топливо для одной печки, а у насъ было ихъ три.

У меня были порученія къ Визитандинамъ, находившимся въ Вильно. Грязь, по которой мнѣ при-

шлось ѣхать, чтобы попасть туда, отбила у меня всякую охоту осматривать городъ. Я открылъ тамъ нѣсколько красивыхъ улицъ и хорошо построенныхъ домовъ. Въ Вильно нашелъ убѣжище епископъ Ренскій изъ Бретани. Онъ жилъ здѣсь на пенсію въ пятьсотъ дукатовъ, получаемую имъ отъ Павла I взамѣнъ пенсіи, которую выдавалъ ему покойный король польскій Станиславъ Понятовскій.

Мы могли покинуть Вильно только на третій день послѣ обѣда: наши русскіе ямщики все утро и до двухъ часовъ дня возились съ запряжкой лошадей. Они запрягаютъ въ дышло четверку, которой правитъ кучеръ, сидящій на козлахъ; затѣмъ двухъ лошадей впереди, съ ямщикомъ, сидящимъ верхомъ на правой лошади. Въ этотъ день мы сдѣлали всего на всего три мили или шесть лье, да и то пришлось зажечь фонарь, чтобы доѣхать въ восемь часовъ вечера до еврейской корчмы. Дорога, которой мы ѣхали, была такъ же ужасна, какъ и раньше.

Переѣздъ отъ Деболетцка, второй станціи послѣ Вильно, до маленькаго городка Зимора безпокоенъ и опасенъ. По выѣздѣ изъ Зимора, гдѣ стоялъ полкъ гренадеръ, мы попали на покрытую болотами дорогу, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются выбоины со стоячей водой и обломки сломанныхъ экипажей. Насъ предупреждали объ опасностяхъ, которымъ намъ предстояло подвергаться на протяженіи болѣе двухъ лье. Чтобы избѣжать такой ужасной дороги, намъ посовѣтовали взять проводника, который, сдѣлавъ крюкъ въ цѣлое лье, помогъ намъ избѣжать всѣхъ опасностей. Этотъ проводникъ провелъ насъ черезъ луга, поля и заросли, гдѣ не было ни слѣда

дороги. Наконецъ, послѣ того какъ мы долго колесили, сомнѣваясь въ надежности нашего проводника, который часто исчезалъ, отыскивая выходъ, мы очутились вечеромъ на большой дорогѣ. Намъ оставалось еще цѣлое лье до еврейской корчмы, затерявшейся среди бора. Мы устроились такъ, какъ вообще устраиваются въ этихъ краяхъ. На слѣдующій день утромъ мы прибыли въ Ковно—пограничный городъ на Мемелѣ *), отдѣляющемъ его отъ прусской Польши.

Мы пообѣдали тамъ довольно скверно и очень дорого въ польской гостиницѣ. Въ Ковно стоитъ гарнизонъ. Улицы показались намъ чище, чѣмъ въ Вильно. При въѣздѣ мы должны были предъявить наши паспорта начальнику караула, который велѣлъ отнести ихъ коменданту. Во всѣхъ областяхъ, подчиненныхъ Россіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоятъ войска, даже въ деревняхъ, требуютъ при въѣздѣ и выѣздѣ паспортъ. При въѣздѣ начальникъ караула отправляетъ его къ начальнику гарнизона, который смотритъ его, визируетъ и присылаетъ назадъ съ солдатомъ, которому приходится давать на чай. При выѣздѣ еще разъ надо показать его начальнику караула, который провѣряетъ, визированъ ли онъ начальникомъ гарнизона. Эти формальности, повторяющіяся на каждомъ шагу, очень надоѣдаютъ и задерживаютъ. Этотъ фактъ даетъ яркое представленіе о крайнихъ предосторожностяхъ, которыя принимаетъ русское правительство при въѣздѣ и выѣздѣ иностранцевъ.

При выѣздѣ изъ Ковно мы переѣхали по деревянному мосту Вилію, которая впадаетъ въ Мемель

*) Такъ нѣмцы называютъ нижнее теченіе Нѣмана.

ниже города; тутъ между нашими ямщиками и евреемъ, приставленнымъ къ шлагбауму, возникло препирательство. Наши проводники утверждали, что, будучи русскими и не везя товаровъ, они не обязаны платить. Такъ какъ споръ затягивался, то мы предпочли уплатить, чтобы не ждать разрѣшенія его, что заставило бы насъ потерять часъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ Ковно сломалась желѣзная цѣпь, на которой былъ подвѣшенъ одинъ изъ ремней отъ кузова нашего экипажа. Наши ямщики замѣнили ее довольно прочнымъ канатомъ; они надѣялись, что съ этимъ канатомъ мы доѣдемъ до Митавы. Но вслѣдъ затѣмъ экипажъ получилъ такой сильный толчекъ, что онъ упалъ въ канаву и разорвалъ канатъ пополамъ, выбираясь оттуда. Къ счастью, это случилось въ тотъ моментъ, когда мы подъѣзжали къ предмѣстью маленькаго городка Кайданы, въ двухъ перегонахъ отъ Ковно. Предмѣстье отдѣлено отъ города рѣкой, которую переѣзжаютъ на паромѣ. Чтобы попасть на паромъ, надо спуститься съ очень крутого берега этой быстрой рѣки. Затормозили всѣ четыре колеса, выпрягли лошадей; пришлось кромѣ того придерживать экипажъ веревками; а чтобы подняться на противоположный берегъ, запрягали поперемѣнно въ каждый экипажъ всѣхъ нашихъ двѣнадцать лошадей. Починка обоихъ экипажей задержала насъ на четыре часа въ скверной еврейской корчмѣ. Мы отправились къ экипажному мастеру, у котораго былъ магазинъ всевозможныхъ экипажей. Мы были поражены при видѣ его; цѣны были выставлены на всѣхъ экипажахъ; стоили они отъ ста рублей и до тысячи

двухсотъ и полторы тысячи рублей. Экипажный мастеръ говорилъ по-нѣмецки; онъ намъ разсказалъ, что торгуетъ экипажами, и что торговля эта идетъ хорошо. Тутъ было нѣсколько городскихъ и парадныхъ экипажей, остальные экипажи, и ихъ было больше всего, были дорожные. Въ этотъ день мы ночевали, проѣхавъ лишь три мили.

На слѣдующій день около двухъ часовъ пополудни, въ тотъ моментъ, когда мы, пообѣдавъ, хотѣли садиться въ экипажи, наши ямщики, всегда внимательные и бдительные, замѣтили, что одна оглобля у нашего экипажа сломана. Это случилось въ деревнѣ Пизаголѣ, почтовой станціи. Мѣстный кузнецъ, вслѣдъ за смотрителемъ почтовой станціи недовольный тѣмъ, что у насъ свои ямщики, отказалъ намъ въ своихъ услугахъ. Наши смышленые русскіе ухитрились съ помощью шеста, бичевокъ и веревокъ поправить бѣду; они починили экипажъ такъ, что онъ могъ доѣхать до первой станціи. Чтобы не перегружать экипажа и не сломать его среди отвратительной дороги, мы съ Пфюрдскимъ рыцаремъ рѣшили взять до первой станціи почтовый тарантасъ. Смотритель почтовой станціи прислалъ намъ скверную телѣжку съ настланной для сидѣнья соломой; сидѣть въ ней вдвоемъ было неудобно. Мы уже готовы были ѣхать, когда замѣтили, что колеса въ телѣжкѣ сломаны, и что, вѣроятно, на ней далеко не уѣдешь. Мы потребовали другую; намъ въ этомъ отказали. Наши ямщики уговорили насъ сѣсть въ нашъ экипажъ, увѣряя насъ, что онъ въ состояніи двигаться безъ приключеній, и что они отвѣчаютъ за это. Мы положились на нихъ и благополучно доѣхали до Шадова. Шадовъ—

порядочное мѣстечко, гдѣ мы нашли довольно хорошую польскую харчевню, состоявшую, впрочемъ, только изъ одной комнаты съ большой печью, въ которой готовили кушанье. Служанка-нѣмка приготовила намъ ужинъ изъ нашей провизіи; для спанья намъ дали кровати, покрытыя соломой, безъ простынь, одѣялъ и даже безъ перинъ. Въ то время, какъ намъ готовили ужинъ, пришелъ мѣстный священникъ очень почтеннаго и безконечно добродушнаго вида; онъ говорилъ по-французски и очень любезно упрашивалъ насъ идти къ нему, говоря, что почтетъ за честь, если мы соблаговолимъ поужинать и переночевать у него; онъ добавилъ, что имѣетъ удобную квартиру, и что доходы его даютъ ему возможность быть гостепріимнымъ; что онъ имѣлъ честь принимать у себя Іосифа II, когда тотъ ѣхалъ въ Санктъ-Петербургъ, и одного генералиссимуса Мы выразили ему свою признательность и съ большимъ трудомъ заставили его помириться съ нашимъ отказомъ. Наконецъ, уступая его настоятельнымъ просьбамъ и не желая его обидѣть, мы согласились воспользоваться постелями, которыя онъ любезно предложилъ намъ. Онъ прислалъ намъ матрацы, подушки, одѣяла и простыни. Этотъ гостепріимный священнослужитель бывалъ во Франціи; фамилія его была Понятовскій; онъ сказалъ, что не знаетъ, принадлежитъ ли онъ къ тѣмъ Понятовскимъ, отъ которыхъ происходилъ послѣдній польскій король Станиславъ, что этотъ монархъ, не признавая ихъ оффиціально, не отрекался отъ нихъ; что онъ взялъ одного изъ его братьевъ къ себѣ въ секретари и своими милостями обезпечилъ благосостояніе ихъ семьи.

По пріѣздѣ мы велѣли осмотрѣть оглоблю; оказалось, что можно продолжать путь. Ксендзъ признался намъ, что кузнецъ и слесарь только напортятъ, если имъ довѣрить починку оглобли.

На слѣдующій день, выѣхавъ съ фонарями въ шесть часовъ утра, мы сдѣлали лишь пять съ половиной миль или одиннадцать лье до Шавли: это одинъ изъ главныхъ городовъ Самогитіи и центръ значительнаго помѣстья, принадлежавшаго ранѣе польской коронѣ и составляющаго нынѣ императорское имѣніе. Екатерина II во время послѣдняго раздѣла или послѣдняго насильственнаго захвата подарила это помѣстье своему фавориту князю Зубову, высокому, широкоплечему мужчинѣ, бывшему гвардейскому поручику, котораго она сдѣлала своимъ оффиціальнымъ фаворитомъ. Этотъ князь выстроилъ въ Шавляхъ замокъ-дворецъ. Земли эти давали ему пятнадцать тысячъ червонцевъ чистаго дохода, а его управляющій получалъ жалованья десять тысячъ рублей.

Князь Зубовъ былъ самымъ богатымъ, могущественнымъ и неограниченнымъ владыкой изъ всѣхъ фаворитовъ императрицы. Онъ былъ четырнадцатымъ оффиціальнымъ фаворитомъ, не считая тѣхъ, которыхъ называли замѣстителями. Екатерина щедрой рукой доставляла ему все, что онъ желалъ, а онъ съ каждымъ днемъ становился все ненасытнѣе. Онъ давнымъ давно зарился на одно изъ самыхъ лучшихъ польскихъ помѣстій, которое по своимъ размѣрамъ, доходамъ и исключительнымъ достоинствамъ представляло прекраснѣйшее владѣніе близъ Украйны, на границѣ Молдавіи: оно принадлежало

князю Александру Любомірскому. Это прекрасное помѣстье во время послѣдняго раздѣла отошло къ Россіи. Зубовъ велѣлъ предложить князю Любомірскому продать ему свое имѣніе. Въ виду отказа послѣдняго оно было секвестровано. Императрица пріобрѣла его на свое имя за пять милліоновъ рублей. Земля стоила больше, но пришлось подчиниться волѣ фаворита, который самъ назначилъ эту цѣну. Онъ готовился вступить во владѣніе этимъ помѣстьемъ, полученнымъ въ видѣ царскаго подарка, какъ вдругъ умерла Екатерина. Павелъ I оставилъ это помѣстье за собой. Князь Зубовъ сосланъ въ деревню въ имѣніе своего брата, гдѣ онъ живетъ въ простой избѣ. Всякія попытки доставить ему лучшее помѣщеніе были безплодны. Павелъ I считаетъ своимъ долгомъ подвергнуть его тяжкимъ испытаніямъ и заставить такимъ образомъ искупить наслажденія, скандализировавшія всю Европу *). Замѣтили, что Екатерина съ наступленіемъ старости увеличивала подарки, которыми она осыпала своихъ фаворитовъ. Поглощенная любовью къ славѣ и чувственностью, она старалась какъ можно больше дать своимъ фаворитамъ взамѣнъ утраченной ею молодости и исчезнувшихъ женскихъ прелестей.

Когда мы проѣзжали черезъ Шавли, тамъ находилась квартира главнокомандующаго и генералъ-лейтенанта отъ инфантеріи: въ Шавляхъ стояли два полка пѣхоты и гусары. Подъ начальствомъ главнокомандующаго находилась на границѣ Самогитіи со стороны прусской Польши дивизія въ двадцать тысячъ человѣкъ, составляющая часть наблюдательной

*) Не совсѣмъ точно. Ред.

арміи въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, главная квартира которой находилась въ Гродно. Эта дивизія въ двадцать тысячъ человѣкъ была сначала ввѣрена главнокомандующему графу Віомениль, къ которому у меня были письма изъ Вѣны. Пріѣхавъ, я узналъ, что генералъ этотъ только что отбылъ въ Швейцарію, чтобы принять командованіе надъ русской арміей, которая отступала по всей линіи послѣ несчастныхъ дней 25 и 26 сентября, и что онъ былъ замѣщенъ въ Шавляхъ главнокомандующимъ маркизомъ Отишанъ, которому былъ подчиненъ генералъ-лейтенантъ графъ Ланжеронъ, командовавшій пѣхотной дивизіей. Такъ какъ я имѣлъ честь быть знакомымъ съ обоими французскими генералами, то я отправился ихъ повидать. Графъ Отишанъ жилъ въ замкѣ. Они любезно приняли меня; я провелъ съ ними вечеръ. Они откровенно говорили со мной о своемъ положеніи и оказали мнѣ важную услугу, дѣлая точныя и подробныя замѣчанія насчетъ характера Павла I и лицъ, пользующихся его довѣріемъ. Императоръ, которому они посылали свои донесенія, часто собственноручно отвѣчалъ имъ, свидѣтельствуя свое уваженіе. Я поздравилъ ихъ съ высокой милостью. Они не скрыли отъ меня, что какой-нибудь пустякъ могъ вызвать опалу, и что они ходятъ по зыбучимъ пескамъ

Я съ сожалѣніемъ разстался съ этими господами и очень поздно вернулся на самый скверный ночлегъ, какой только выпалъ намъ за время нашего путешествія. Гостиница съ виду была недурная, а между тѣмъ мы не могли получить другой комнаты, кромѣ той, въ которой спалъ трактирщикъ-еврей со своей от-

вратительной семьей. Охапка соломы, брошенная на скверную кровать, служила мнѣ постелью. Постели г.г. депутатовъ были не лучше.

Экипажъ, у котораго была сломана оглобля, былъ наканунѣ отвезенъ къ кузнецу, обѣщавшему починить его къ восьми часамъ утра; мы смогли выѣхать только въ два часа пополудни. Ему надо было сдѣлать двѣ желѣзныя полосы въ три фута длины на восьми желѣзныхъ кольцахъ. Пришлось ждать, удовлетвориться его плохой работой и заплатить за нее очень дорого.

Мы могли сдѣлать въ тотъ день только три мили по ужаснымъ дорогамъ. На слѣдующій день мы разстались съ Самогитіей и территоріей старой Польши и въѣхали въ Курляндію черезъ Кальви, первую курляндскую станцію. Въ Кальви нѣтъ больше еврейскихъ корчмъ, онѣ всѣ сосредоточены въ Польшѣ. Курляндцы, послѣдователи Лютера, очень трудолюбивы; они не выносятъ евреевъ; съ послѣдними намъ не пришлось болѣе встрѣчаться до С.-Петербурга. Начиная съ Кальви проведено шоссе, содержимое въ большомъ порядкѣ; оно отмѣчено верстовыми столбами въ двѣнадцать—четырнадцать футовъ вышины, съ красными и бѣлыми полосами. Цифры, написанныя на столбахъ, указываютъ, сколько верстъ сдѣлано и сколько остается проѣхать отъ такого-то до такого-то мѣста. Отъ Кальви до Митавы тридцать двѣ версты; семь верстъ составляютъ милю или два лье.

Дороги, по бокамъ которыхъ сдѣланы канавы для стока воды, были все еще грязны. Край показался намъ хлѣбороднымъ. Деревни и села не такъ бѣдны,

какъ въ Польшѣ: большое количество домовъ построены изъ кирпича и крыты черепицей. Не желая пріѣзжать въ Митаву ночью, мы переночевали на разстояніи доброй мили или въ восьми верстахъ отъ этого города въ благоустроенной гостиницѣ. Тамъ мы нашли чистую комнату, хорошія постели и хорошій ужинъ. Хозяева говорили по-нѣмецки. Нашъ завтракъ на слѣдующее утро состоялъ изъ кофе со сливками и молочнаго хлѣба; взяли съ насъ четыре червонца.

Мы пріѣхали въ Митаву въ девять часовъ утра 2 декабря. Наканунѣ намъ рекомендовали гостиницу „Чернаго Орла“ близъ замка, гдѣ было хорошо и не такъ дорого, какъ въ С.-Петербургской гостиницѣ, на площади.

Въ день нашего пріѣзда въ Митаву улицы были еще покрыты грязью. На слѣдующую ночь былъ первый зимній морозъ и такой сильный, что улицы высохли и дороги окрѣпли.

Митава, столица герцогства Курляндскаго и Семигалліи, представляетъ городъ средней величины, довольно хорошо обстроенный; многіе дома деревянные, но отличаются чистотой; нѣкоторые выстроены изъ кирпича. Члены муниципалитета—лютеране; у католиковъ здѣсь одна церковь. Замокъ, бывшій ранѣе резиденціей герцоговъ Курляндскихъ—стоитъ на краю города на рижской дорогѣ, на лѣвомъ берегу рѣчки Гросбахъ (Большой ручей). Этотъ замокъ, окруженный рвомъ, наполненнымъ водой, представляетъ большой квадратъ съ четырьмя фасадами и дворомъ посрединѣ. Онъ построенъ по типу современныхъ зданій и имѣетъ очень внушительный видъ:

часть его, пострадавшая отъ пожара, выстроена заново. С.-Петербургскій дворъ, присоединившій по праву сильнаго два герцогства—Курляндію и Семигаллію—къ своей имперіи, повидимому, хочетъ обратить этотъ замокъ въ казарму. Внутренніе покои велики, обширны и достойны царственной особы: въ этотъ моментъ замокъ служилъ убѣжищемъ Людовику XVIII, великодушно предоставленнымъ ему Павломъ I, куда онъ укрылся со всѣмъ своимъ теперешнимъ дворомъ. Когда мы проѣзжали черезъ Митаву, въ замкѣ находились королева, герцогъ и герцогиня Ангулемскіе. При королѣ состояли его главный духовникъ, кардиналъ де-Монморанси, камергеры герцоги д'Омонъ и де-Флёри, князь де-Піенъ, сынъ герцога д'Омона; герцогъ де-Гишъ, графъ д'Авари—капитаны гвардіи; графъ Коссе Бриссакъ—капитанъ швейцарской сотни; маркизъ де-Жокуръ, маркизъ де-Лашапель и графъ де-Сенъ-Пріестъ, со слугами и ливрейными лакеями. Павелъ I пожелалъ, чтобы въ Митавѣ, резиденціи короля, находились для его охраны сто гвардейцевъ изъ арміи Кондэ: они держатъ караулъ только внутри дворца; русскому полку митавскаго гарнизона поручена внѣшняя охрана.

Фрейлинами королевы были графиня Туръ д'Овернь съ дочерью, а маркизъ де Несль состоялъ при ней адъютантомъ; при герцогѣ и герцогинѣ Ангулемскихъ состояли герцогъ и герцогиня де-Серанъ съ дочерью графиней Генріеттой де-Шуази. Король и королева съ придворными обѣдали въ четыре часа.

Король получаетъ отъ русскаго императора кромѣ

помѣщенія и отопленія двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями ежегодно, что соотвѣтствуетъ шестистамъ тысячамъ французскихъ ливровъ. Кромѣ того онъ получаетъ восемьдесятъ четыре тысячи ливровъ отъ испанскаго двора. Королева отъ того же двора имѣетъ десять тысячъ ливровъ въ мѣсяцъ,—она отдаетъ это содержаніе на общія нужды, оставляя себѣ по сто луидоровъ въ мѣсяцъ. Придворныя дамы и кавалеры кромѣ стола, освѣщенія и отопленія получаютъ по сто луидоровъ въ годъ.

Таково было въ это время положеніе двора, который до революціи игралъ, благодаря своему великолѣпію, первую роль въ Европѣ.

Въ день нашего пріѣзда въ Митаву я отправился одинъ во дворецъ, чтобы передать письмо и посылки, которыя я взялся доставить изъ Вѣны, и одновременно переговорить съ лицами, при содѣйствіи которыхъ депутаты могли удостоиться чести быть представленными королю, королевѣ, герцогу и герцогинѣ Ангулемскимъ. Графъ д'Авари, съ которымъ я имѣлъ честь быть знакомымъ, сдѣлалъ съ присущей ему любезностью всѣ необходимые шаги. Мнѣ сказали, въ которомъ часу депутація должна представиться на слѣдующій день. Г.г. депутаты, которыхъ я сопровождалъ, отправились утромъ въ замокъ, чтобы сдѣлать сначала визиты придворнымъ и фрейлинамъ.

Послѣ обѣдни король принялъ депутацію въ залѣ для аудіенцій; его окружили придворные; на лицѣ его отражалось душевное спокойствіе; бесѣда его съ двумя депутатами объ ихъ семьяхъ и возложенной на нихъ миссіи была очень интересна,—въ ней скво-

зили доброта и любезность. Людовикъ XVIII очень образованъ и уменъ; несчастье,—хорошій учитель, особенно для королей,—лишило его той чопорности, за которую его упрекали въ Версалѣ. Онъ былъ просто одѣтъ въ голубую королевскую одежду съ краснымъ воротникомъ, въ скромную форму, установленную, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, для всего двора. Его величество изволилъ вспомнить, что онъ видѣлъ меня въ Версалѣ; своими вопросами онъ далъ мнѣ смѣлость разсказать о себѣ и объ ея сіятельствѣ графинѣ де-Марсанъ, воспитательницѣ королевскихъ дѣтей, которая поручила мнѣ сообщить его величеству объ ея вѣрноподданническихъ чувствахъ и о томъ нетерпѣніи, съ какимъ она ждетъ момента возвращенія его во Францію, которое заставитъ ее забыть бѣдствія революціи и осуществитъ желаніе всѣхъ благонамѣренныхъ французовъ.

Графиня де-Марсанъ, рожденная княжна де-Роганъ, сестра князя Субизскаго, была давнымъ давно вдовой графа де-Марсанъ,—князя Лоренскаго дома, утвердившагося во Франціи. Эта княжна, будучи воспитательницей королевскихъ дѣтей, обнаружила выдающіяся качества, добродѣтели и сильный характеръ. Особенно любила она графа Прованскаго—нынѣ Людовика XVIII. Этотъ монархъ сохранилъ къ ней любовь, уваженіе и признательность, которыя дѣлаютъ честь его сердцу: онъ довольно долго и съ видимымъ увлеченіемъ говорилъ со мной о ней, изливая свою душу. Графиня де-Марсанъ, которая всегда удостаивала меня своей благосклонностью и довѣріемъ, какъ только узнала о моемъ отъѣздѣ въ

С.-Петербургъ, отправила ко мнѣ въ Вѣну письмо черезъ вѣрныя руки съ порученіями въ Митаву и къ Павлу I. Ея письмо, которое я храню, выражаетъ ея любовь къ королю и ея признательность Павлу I. Княжна, неизмѣнно ровная, неизмѣнно сохранившая величіе духа передъ лицомъ несчастій, повѣдала мнѣ, что она живетъ въ Ратисбонѣ, гдѣ она нашла убѣжище только милостями русскаго императора. Когда я познакомился съ нею, она имѣла болѣе трехсотъ тысячъ ливровъ дохода и большую часть ихъ отдавала бѣднякамъ; я видѣлъ, какъ она, переодѣвшись, отправлялась къ бѣднымъ, чтобы вырвать ихъ изъ когтей нищеты и снабдить всѣмъ необходимымъ. Одинъ только священникъ изъ Сентъ-Рошъ, ея парижскаго прихода, получалъ отъ нея отъ тысячи до полуторы тысячи луидоровъ въ годъ для неимущихъ.

Она покинула Францію въ 1789 году, оставивъ тамъ три прекрасныхъ имѣнія, значительную обстановку и великолѣпный домъ въ Парижѣ на новой улицѣ Св. Августина, стоившій сто тысячъ экю. Она уѣхала во Фландрію, гдѣ состояла придворной дамой и владѣла обширными помѣстьями, приносившими ей двѣсти тысячъ ливровъ дохода. Она выписала къ себѣ въ Брюссель епископовъ и лицъ высшаго круга, съ которыми дѣлилась доходами. Изгнанная изъ Фландріи и принужденная блуждать по Голландіи, Вестфаліи и герцогству Брауншвейгскому, она нашла, наконецъ, въ семьдесятъ восемь лѣтъ убѣжище въ Ратисбонѣ, не будучи ни на минуту увѣрена въ своемъ послѣднемъ пристанищѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться

война. Въ этомъ послѣднемъ городѣ, лишенная всего, чѣмъ она владѣла, она существуетъ только щедротами русскаго императора. Тамъ живетъ она уединенно и экономно, отдавая набожности все то время, которое не посвящаетъ доступной для нея при ея настоящемъ положеніи благотворительности: это живой портретъ стойкой женщины, нарисованной намъ Священнымъ Писаніемъ.

Послѣ аудіенціи короля мы отправились въ назначенный часъ на аудіенцію къ королевѣ: она приняла насъ благосклонно, съ интересомъ говорила съ г.г. депутатами объ ихъ путешествіи, разсказала о случившемся съ нею при переправѣ черезъ болота въ Литвѣ. Затѣмъ она обратилась ко мнѣ, чтобы разспросить о графинѣ де-Марсанъ и о кардиналѣ де-Роганъ. Послѣ того, какъ мы покинули покои ея величества, насъ провели къ герцогу и герцогинѣ Ангулемскимъ. Они приняли г.г. депутатовъ съ благородной привѣтливостью. Лицо герцогини Ангулемской показалось намъ исполненнымъ величія и красоты: когда я ее увидѣлъ, меня охватилъ благоговѣйный трепетъ,—я вспомнилъ объ ея несчастьяхъ, опасностяхъ, которымъ она подвергалась, находясь въ рукахъ цареубійцъ, и о Провидѣніи, спасшемъ этотъ августѣйшій отпрыскъ лучшаго и несчастнѣйшаго изъ монарховъ. Но я долженъ признаться здѣсь, что когда герцогъ де Серанъ представилъ меня этой августѣйшей принцессѣ, я замѣтилъ волненіе, отразившееся на ея лицѣ. Я былъ пораженъ; аудіенція была поспѣшно закончена; размышляя объ этомъ, я пришелъ къ тому заключенію, что мое присутствіе напомнило ей процессъ, въ которомъ я принималъ ближай-

шее участіе; счастливый исходъ этого процесса для высокопоставленнаго обвиняемаго очень задѣлъ ея мать королеву, которая, считая себя оскорбленной, заставила короля выступить обвинителемъ. Если бы я могъ это предвидѣть, я изъ уваженія воздержался бы отъ появленія на аудіенціи.

Въ промежутокъ между представленіемъ королевской фамиліи я сдѣлалъ визиты въ замкѣ знакомымъ мнѣ лицамъ; я видѣлся съ графомъ де-Сенъ-Пріестомъ, который былъ посломъ въ Константинополѣ, когда я былъ французскимъ консуломъ при вѣнскомъ дворѣ, и съ которымъ я состоялъ въ перепискѣ. Разговоръ съ нимъ былъ для меня очень полезенъ. Этотъ посолъ, освѣдомленный относительно политики европейскихъ кабинетовъ, ввелъ меня въ курсъ дѣлъ с.-петербургскаго кабинета. Сообщенныя имъ свѣдѣнія бросали яркій свѣтъ на этотъ кабинетъ и помогали мнѣ скорѣе и лучше постичь его духъ. Г. де-Сенъ-Пріестъ объявилъ мнѣ, что я долженъ обѣдать вмѣстѣ съ г.г. депутатами за королевскимъ столомъ. Возвратясь, я узналъ, что герцогъ д'Омонъ, приглашая ихъ, не упомянулъ обо мнѣ. Одновременно съ этимъ я получилъ записку отъ графа Сенъ-Пріеста, который сообщалъ мнѣ о своей ошибкѣ, и кромѣ того приглашеніе отъ графа д'Авари отобѣдать съ нимъ въ его покояхъ. Онъ говорилъ, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ и хочетъ поговорить со мною на свободѣ. Это свиданіе съ глазу на глазъ, во время котораго графъ д'Авари, близкій другъ короля, повѣдалъ мнѣ много интереснаго, усилило мою преданность королю.

Мы воспользовались нашимъ пребываніемъ въ

Митавѣ, чтобы починить свои экипажи. Мы были довольны нашей гостиницей и провели тамъ двое сутокъ. Съ трехъ господъ и съ трехъ слугъ взяли всего десять червонцевъ, включая сюда и плату за экипажъ, возившій насъ во дворецъ.

Г.г. депутаты, очарованные пріемомъ, оказаннымъ имъ при митавскомъ дворѣ, покинули эту столицу четвертаго декабря въ восемь часовъ утра. Морозъ настолько усилился, что разобрали мостъ, перекинутый черезъ Гросбахъ; пришлось переправляться на паромѣ между льдинами, загромождавшими рѣку.

Дорога до Риги оказалась довольно хорошо укатанной. Этотъ перегонъ равенъ шести съ половиной милямъ или двѣнадцати лье; хотя, начиная съ Курляндіи, дорога отмѣчена верстовыми столбами, но тѣмъ не менѣе вплоть до самой Риги прогоны все еще платятъ по числу миль.

Въ четыре часа дня мы въѣхали въ рижское предмѣстье, находящееся по сю сторону Двины, которая отдѣляетъ его отъ города. Было еще свѣтло. Двина имѣетъ въ этомъ мѣстѣ цѣлую четверть лье въ ширину. Мы надѣялись, что намъ удастся переправиться на другой берегъ; но деревянный мостъ оказался сломаннымъ льдинами. Намъ понадобилась лодка, но ни одинъ лодочникъ ни за что не хотѣлъ перевезти наши экипажи, такъ какъ приближалась ночь, и многочисленныя льдины въ соединеніи съ опаснымъ противнымъ вѣтромъ заставили бы употребить болѣе трехъ часовъ на переѣздъ. Пришлось рѣшиться переночевать въ предмѣстьѣ. Лодочники взялись перевезти насъ на другой день между восемью и девятью часами утра. Мы нашли хорошую гостиницу,

хорошія постели и хорошій ужинъ. На слѣдующій день пятаго числа, въ восемь часовъ утра, мы были на берегу Двины; толпа путниковъ и масса экипажей ждали здѣсь, подобно намъ; лодочники согласились перевезти наши экипажи, но они отказались перевезти коней, говоря, что мы найдемъ почтовыхъ лошадей на другомъ берегу. Наши ямщики, обязавшіеся доставить насъ въ С.-Петербургъ, сумѣли уговорить лодочниковъ, пообѣщавъ имъ червонецъ на чай. На нашихъ глазахъ въ большую лодку съ парусами и веслами поставили наши экипажи и по парѣ лошадей: восемь остальныхъ лошадей были поставлены въ другую лодку. Эта опасная нагрузка продолжалась около часу: насъ предупредили, что переѣздъ займетъ болѣе трехъ часовъ. Мы оставили трехъ нашихъ слугъ съ экипажами и русскими ямщиками и велѣли перевезти насъ на маленькихъ лодкахъ, которыя легче могли проскользнуть среди льдинъ. Эта переправа стоила намъ рубль. Въ полчаса насъ перевезли на тотъ берегъ. Мы тотчасъ же отправились въ Лондонскую гостиницу, которую намъ указали. Взглянувъ на наше помѣщеніе и заказавъ обѣдъ, мы вернулись на берегъ Двины. Мы увидѣли лодки подъ парусами, боровшіяся съ вѣтромъ и льдинами и принужденныя лавировать; онѣ почти не подвигались впередъ. Набережная была полна народу, покупателей и продавцовъ всевозможныхъ съѣстныхъ припасовъ и рабочихъ, нагружавшихъ или разгружавшихъ суда. На этой набережной находятся мѣняльныя лавки. Эти лавки представляютъ интересъ для иностранца. Подъ деревяннымъ навѣсомъ или, вѣрнѣе сказать, въ сараѣ видны

столы, на которыхъ сложены кучи червонцевъ, талеровъ, серебряныхъ рублей и мѣдныхъ монетъ по пяти и по двѣ копѣйки и бумажныхъ денегъ. Здѣсь мѣняютъ золото и серебро на мѣдь и ассигнаціи. Бумажныя деньги разнаго достоинства: въ пять, десять, двадцать пять, пятьдесятъ, сто и двѣсти рублей—различаются цвѣтомъ. Мѣняютъ также бумажныя деньги на золото, серебро или мѣдь. Этихъ мѣняльныхъ лавокъ очень много; большая часть мѣнялъ—русскіе; попадаются и евреи. Промыселъ этотъ, должно быть, прибыленъ, такъ какъ въ городѣ также есть нѣсколько мѣняльныхъ лавокъ. Меня увѣрили, что эти мѣнялы не умѣютъ ни читать, ни писать и не знаютъ цифръ; тѣмъ не менѣе они считаютъ очень ловко и быстро; они пользуются деревяннымъ квадратомъ съ натянутой на немъ мѣдной проволокой, на которой нанизаны крошечные шарики; первая мѣдная палочка обозначаетъ единицы, вторая—десятки, третья—сотни, четвертая—тысячи и такъ далѣе. Во мгновеніе ока съ помощью этихъ шариковъ они дѣлаютъ самыя сложныя вычисленія. У русскихъ купцовъ не существуетъ другого способа счета.

Рига, столица Ливоніи, всегда была торговымъ городомъ: ея мѣстоположеніе почти у самаго устья Двины, въ трехъ лье отъ Балтійскаго моря, чрезвычайно облегчаетъ ей сношенія съ Россіей, Швеціей, Даніей, Германіей и океаномъ. Послѣ Полтавской битвы Рига, такъ же, какъ Ливонія, Эстонія и Ингрія, отошла отъ Швеціи къ Россіи. Городъ этотъ сохранилъ свои привилегіи и старинное муниципальное правленіе. Нѣмецкій языкъ до сихъ поръ

еще преобладаетъ здѣсь, такъ же, какъ и лютеранство Аугсбургскаго исповѣданія. Впрочемъ, всѣ вѣроисповѣданія, даже католичество, разрѣшены, и каждое имѣетъ свою церковь и свое духовенство.

Рига показалась мнѣ многолюдной; улицы, хотя и узкія, отлично распланированы; дома по большей части построены хорошо. Фасадъ ратуши красивъ, внутри она представляетъ изъ себя массу комнатъ, въ которыхъ помѣщаются канцеляріи муниципалитета и полиціи. Залъ, гдѣ засѣдаетъ магистратъ, красивъ и великолѣпно отдѣланъ. Бургомистръ Шварцъ, котораго мы тамъ встрѣтили, принялъ насъ вѣжливо и любезно; онъ говорилъ одинаково хорошо какъ по-французски, такъ и по-нѣмецки; мы были очень признательны ему за его учтивость и предупредительность. Церковь Св. Петра, лютеранскій соборъ, заслуживаетъ осмотра. Особенно славится ея органъ. Рига окружена укрѣпленіями; она имѣетъ сильный гарнизонъ и военнаго губернатора. У магистрата особая стража, которую содержитъ городъ; эта стража тоже носитъ военную форму. Предмѣстье Риги со стороны Россіи довольно велико. Его улицы многочисленны, дома деревянные, но построены искусно и почти всѣ выкрашены. Если бы это предмѣстье не прилегало къ Ригѣ, то его можно было бы принять за хорошенькій городокъ.

Рига торгуетъ преимущественно льномъ для корабельныхъ канатовъ и снастей; въ этомъ городѣ существуютъ большіе склады льна. Грузятъ также строевой лѣсъ и доски для судовъ.

Въ Ригѣ до сихъ поръ еще показываютъ мѣсто, гдѣ былъ заключенъ несчастный князь Иванъ съ

отцомъ и матерью, послѣ того какъ во время регентства, учрежденнаго покойной императрицей Анной, онъ, еще совсѣмъ дитя, былъ низвергнутъ съ престола Елизаветой, которой эта революція дала корону. Иванъ, сынъ принцессы Анны, племянницы императрицы Анны, и принца Ульриха, герцога Брауншвейгскаго, былъ провозглашенъ императоромъ въ 1740 году согласно завѣщанію покойной императрицы. Молодой императоръ былъ сначала заключенъ въ Рижской крѣпости, затѣмъ въ фортѣ Дюнамюндъ, потомъ въ Ранненбургѣ, а подъ конецъ въ Шлиссельбургѣ, гдѣ онъ былъ безчеловѣчно убитъ въ началѣ царствованія Екатерины II. Это царствованіе, давшее Екатеринѣ названіе *Сѣверной Семирамиды*, началось съ убійства Петра III, ея мужа, а чтобы лучше укрѣпить тронъ, она приказала убить князя Ивана, въ пользу котораго недовольные русскіе вельможи могли устроить революцію. *)

Наши экипажи переправились черезъ Двину только въ три часа пополудни; намъ пришлось задержаться, чтобы починить оглобли у экипажа баденскаго командора. Мы были довольны Лондонской гостиницей, въ которой остановились; съ насъ взяли за двѣ ночи, обѣдъ, ужинъ и завтракъ двадцать пять рублей. Мы купили тамъ вина и съѣстныхъ припасовъ, ибо насъ предупредили, что въ виду того, что мы ѣхали не на почтовыхъ, на русскихъ постоялыхъ дворахъ, гдѣ мы будемъ останавливаться, мы найдемъ не больше припасовъ, чѣмъ въ еврейскихъ

*) Эта неточная передача исторіи Ивана Антоновича любопытна, какъ указаніе на то, какъ представляли себѣ тогда по слухамъ судьбу его. Примѣч. ред.

корчмахъ въ Польшѣ. Если бы мы ѣхали на почтовыхъ, мы могли бы найти ѣду и кровъ у почтовыхъ смотрителей, у которыхъ вообще можно хорошо устроиться, но они принимаютъ только лицъ, ѣдущихъ на почтовыхъ.

Отъ Риги до С.-Петербурга перегоны считаются верстами; каждая верста обозначена столбомъ. Есть перегоны въ одиннадцать, четырнадцать, восемнадцать, двадцать, двадцать двѣ, двадцать четыре и двадцать пять верстъ; семь верстъ составляютъ нѣмецкую милю или два французскихъ лье. Почтовому смотрителю уплачиваютъ двѣ копѣйки съ версты за лошадь и копѣйку государственной пошлины въ паспортную контору,—такимъ образомъ каждая почтовая лошадь обходится въ три копѣйки съ версты.

Дорога отъ Риги до С.-Петербурга.

Дорога отъ Риги до С.-Петербурга.—Переѣздъ черезъ полузамерзшую рѣку.—Встрѣча съ эрцгерцогомъ и эрцгерцогиней.—Вольмаръ.—Валкъ.—Дерптъ.—Ладожское озеро.—Финскій заливъ.—Нарва.—Наруская или Плуза.—Достопамятная побѣда Карла XII, короля Швеціи, подъ Нарвой.—Крѣпость Ивангородъ.—Опасный переѣздъ черезъ Лугу.—Ямбургъ.—Царское Село.—Царское шоссе.—Пріѣздъ въ С.-Петербургъ.—Лондонская гостиница.—Утренній визитъ коменданту.—Наше помѣщеніе.—Буфетчикъ.—Наемная карета въ четверку лошадей.

Отъ Риги до С.-Петербурга считаютъ пятьсотъ шестьдесятъ шесть верстъ или восемьдесятъ одну милю, или сто шестьдесятъ два лье. Дорога отмѣче-

на столбами и чинится прилегающими къ ней деревнями. Маленькіе столбики, поставленные напротивъ большихъ, отмѣчающихъ версты, указываютъ эти деревни и число верстъ, состоящихъ на ихъ попеченіи.

Послѣ двухъ дней пребыванія въ Ригѣ, мы выѣхали оттуда 6 декабря, въ одиннадцать часовъ утра. Песокъ на дорогахъ окрѣпъ отъ мороза; лѣтомъ эти дороги должны быть очень тяжелы; этотъ край представляетъ изъ себя цѣлое море песку. Въ этотъ день мы проѣхали только двадцать верстъ. Мы были очень довольны нашими ямщиками; но ежедневно приходилось останавливаться около полудня на цѣлыхъ два часа, чтобы дать лошадямъ отдохнуть и задать имъ кормъ. Это были лучшіе часы дня,—въ четыре часа уже смеркалось и разсвѣтало только въ восемь часовъ утра. Этотъ способъ путешествія гораздо медленнѣе ѣзды на почтовыхъ и связанъ съ лишними расходами на ночлегъ и притомъ на очень скверный ночлегъ. Въ первый разъ по выѣздѣ изъ Риги мы остановились въ трактирѣ, стоявшемъ особнякомъ; хозяинъ, ливонецъ, служилъ въ Пруссіи; онъ говорилъ по-нѣмецки. Русскіе постоялые дворы менѣе грязны и отвратительны, чѣмъ польскіе, но найти тамъ можно не больше удобствъ, чѣмъ въ послѣднихъ.

На другой день съ разсвѣтомъ мы были на берегу рѣки, по которой плавали большія льдины и которую надо было переѣзжать на паромѣ; мы тамъ застали много телѣгъ и путниковъ, ожидавшихъ паромщиковъ, жившихъ на другомъ берегу. Ихъ напрасно звали болѣе часу; непріятно было терять

время безъ всякой пользы. Наконецъ, паромщики показались; они употребили болѣе получаса, чтобы отвалить среди льда. Наши экипажи переправились одинъ за другимъ. Морозъ былъ жестокій.

Сойдя съ парома, мы встрѣтились съ первыми багажными подводами эрцгерцога. Его самого съ супругой мы встрѣтили между Роппомъ и Легердорфомъ, въ семидесяти восьми верстахъ отъ Риги. Его свита показалась намъ очень многочисленной: для каждой перепряжки требовалось двѣсти лошадей, экипажи были запряжены десятью—двѣнадцатью лошадьми. Эрцгерцогъ сидѣлъ въ экипажѣ вдвоемъ съ эрцгерцогиней, своей супругой. Впереди нихъ и сзади ѣхали австрійскіе и русскіе дамы и вельможи: русскіе до границы, а австрійскіе до Вѣны. Мы почтительно остановились; августѣйшіе супруги милостиво поклонились намъ. Эрцгерцогиня показалась намъ миловидной и интересной.

Наши ямщики, несмотря на короткіе дни, дѣлали отъ тридцати шести до сорока верстъ въ день. Проѣзжая черезъ Ливонію, мы замѣтили, что тамъ много деревень и селъ. Дома деревянные и такъ же, какъ и въ Польшѣ, одноэтажные и крытые соломой. Передъ нашими глазами смѣнялись тучныя нивы, топи, сосновые и березовые лѣса.

Въ ста четырехъ верстахъ отъ Риги находится маленькій городокъ Вольмаръ. Одноэтажные деревянные дома имѣютъ красивыя окна и выглядятъ довольно нарядно. Мы нашли бы тамъ хорошія постели и ужинъ, но было всего четыре часа дня и еще свѣтло; должна была взойти луна. Мы колебались нѣсколько минутъ, но, переговоривъ съ наши-

ми ямщиками, проѣхали еще двѣнадцать верстъ до русскаго постоялаго двора, гдѣ было не такъ плохо, какъ на предыдущихъ дорогахъ.

На другой день мы вынуждены были остановиться засвѣтло въ маленькомъ городкѣ Валкѣ, находящемся между почтовыми станціями Гульпенъ и Тейглицъ, въ десяти верстахъ отъ послѣдней: рессоры у экипажа баденскаго командора сломались; къ счастью, у самаго въѣзда въ городъ мы нашли очень хорошую гостиницу, гдѣ говорили по-нѣмецки; мы получили тамъ вкусный ужинъ и хорошія постели. Кузнецъ жилъ недалеко отъ этой гостиницы; онъ былъ нѣмецъ и хорошій работникъ: проработавъ всю ночь, онъ кончилъ починку къ восьми часамъ утра.

Одиннадцаго декабря мы пріѣхали въ Дерптъ, хорошенькій городокъ, въ двухстахъ тридцати верстахъ отъ Риги; улицы его широкія и дома хорошо построены, хотя, по большей части, они деревянные и лишь нѣкоторые изъ кирпича. Мы остановились напротивъ дома бургомистра у нѣкаго Баумгарлэна, гдѣ говорили по-нѣмецки. Мы устроились тамъ со всѣми удобствами; у насъ были отличныя постели и хорошій столъ; все это стоило только три червонца. Мы запаслись провизіей и виномъ до Нарвы.

Проснувшись, мы увидѣли, что земля покрыта снѣгомъ,—это былъ первый снѣгъ; до 11 декабря не было снѣга,—для сѣвера вещь необыкновенная.

До прибытія въ Нарву мы нѣкоторое время ѣхали берегомъ Ладожскаго озера. Вблизи этого озера, изобилующаго рыбою, находится очень многолюдное русское село огромныхъ размѣровъ: тамъ насчиты-

ваютъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ душъ,—всѣ обитатели его рыбаки. Мы ночевали на постояломъ дворѣ, гдѣ всю ночь смѣняли другъ друга ватаги рыбаковъ, пившихъ водку и пиво. Нашъ сонъ на соломѣ часто прерывали ихъ пѣсни и пьяные крики.

Въ Шодлеѣ,—деревнѣ, въ тридцати семи верстахъ отъ Нарвы, слѣва открывается видъ на Финскій заливъ и побережье на пять—шесть верстъ. Эта ширь, эти волны, которыя бьются о берегъ и рокоча убѣгаютъ почти до открытаго моря, представляютъ величественную картину. Мы не замѣтили ни одного судна; время для навигаціи было неподходящее.

Передъ Нарвой мы ночевали на стоявшемъ въ полѣ постояломъ дворѣ, гдѣ расположились на соломѣ въ маленькой комнаткѣ. Русскій полковникъ съ женою и слугами занялъ двѣ комнаты, предназначенныя для проѣзжающихъ. Какъ только онъ узналъ, кто мы, онъ пришелъ и очень любезно предложилъ намъ одну изъ своихъ комнатъ; онъ говорилъ по-французски и по-нѣмецки. Онъ ѣхалъ изъ суворовской арміи въ С.-Петербургъ. Мы сидѣли за ужиномъ, и у насъ все уже было устроено для спанья. Русскій полковникъ согласился выпить рюмку вина; мы его поблагодарили за его любезность и предупредительность. Хозяйка, съ которой мы хотѣли расплатиться червонцами, предпочла получить мѣдныя деньги и бумажки.

Въ субботу четырнадцатаго декабря, съ наступленіемъ сумерекъ, мы въѣхали въ Нарву. Наши ямщики не могли найти гостиницы, которую намъ указали, и мы попали нечаянно въ самую лучшую

гостиницу за все время нашего путешествія. Насъ провели въ большую, хорошо меблированную и натопленную залу. Нашъ хозяинъ, по имени Георгъ Кауфманъ, и его жена говорили по-нѣмецки; намъ подали очень хорошій ужинъ. Насъ угостили превосходной рыбой, которая называется угремъ: она имѣетъ заостренную голову, длина ея шесть дюймовъ, а ширина два дюйма,—эта рыба очень тонкаго вкуса. Намъ подали рейнское и французское вино, которое г.г. депутаты нашли очень хорошимъ. Постели наши были божественны. На другой день послѣ завтрака мы должны были заплатить четыре червонца.

Мы снова двинулись въ путь пятнадцатаго, въ восемь часовъ утра. Отъ мороза и снѣга дороги стали очень скользкими. Чтобы выѣхать изъ Нарвы, надо было спуститься въ экипажахъ съ крутой горы. Нашъ хозяинъ посовѣтовалъ намъ сѣсть въ экипажи у городской заставы; онъ вызвался проводить насъ тропой, гдѣ было много лѣстницъ,—до того былъ крутъ спускъ. Мы ожидали нашихъ экипажей добрую четверть часа; пришлось въ виду крутого спуска затормозить всѣ четыре колеса и придерживать экипажи канатами.

За городской заставой, гдѣ мы дожидались нашихъ экипажей, течетъ Наруская или Плуза,—рѣка хорошо извѣстная изъ біографіи Карла II, короля Швеціи. Она отдѣляетъ Нарву отъ крѣпости, которую называютъ Ивангородъ.

Нарва, столица Эстоніи—укрѣпленный городъ, съ крѣпостнымъ валомъ, со рвомъ, наполненнымъ водой, равелинами, построенными въ видѣ рога и вѣнца. Когда мы проѣзжали черезъ Нарву, ея гарни-

зонъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ гренадеръ. Въ двухъ верстахъ отъ Нарвы, вверхъ по теченію, находится водопадъ, заслуживающій вниманія иностранцевъ; нашъ хозяинъ хотѣлъ проводить насъ туда, но мы предпочли ѣхать дальше.

Мѣстоположеніе Нарвы представляетъ большой интересъ для того, кто читалъ исторію Карла XII; въ Нарвѣ этотъ удивительный монархъ съ восемью тысячами шведовъ аттаковалъ русскую армію въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ.

Крѣпость Ивангородъ, отдѣленная отъ Нарвы рѣкой и деревяннымъ мостомъ, принадлежала въ моментъ Нарвской битвы русскимъ. Русскіе захватили это мѣсто, находившееся на границѣ Ингріи; они построили тамъ укрѣпленіе, съ четырьмя башнями, на холмѣ, возвышавшемся надъ Нарвой, чтобы наблюдать за дѣйствіями шведскаго гарнизона и защищать мостъ въ случаѣ нападенія. Эта крѣпость сохранилась въ цѣлости даже послѣ того, какъ Нарва была завоевана русскими; караулъ ея состоитъ изъ пикета, который мѣняется ежедневно.

По выѣздѣ изъ Нарвы мы попали на болотистую дорогу; чтобы экипажи не вязли, она завалена сосновыми бревнами въ три, четыре и пять дюймовъ толщиной, положенными такъ близко другъ отъ друга, что толчки не очень чувствительны. Въ то время, какъ мы проѣзжали, промежутки между бревнами были наполнены снѣгомъ, и морозъ дѣлалъ эту дорогу менѣе тяжелой. Эти мѣста на протяженіи пятнадцати—двадцати верстъ представляютъ сплошное болото; мало жилищъ и воздѣланныхъ полей, нескончаемые березовые и сосновые лѣса. Въ Нарвѣ

насъ предупредили, что насъ можетъ задержать рѣка, которая протекаетъ близъ города Ямбурга въ двадцати двухъ верстахъ отъ Нарвы, если ледъ еще не настолько окрѣпъ, чтобы можно было переѣхать черезъ нее въ экипажѣ. Дѣйствительно, подъѣхавъ къ берегу, мы увидали, что невозможно переѣхать ее по льду противъ Ямбурга; рѣка стала, но среди остановившихся нагроможденныхъ льдинъ оставались огромныя полыньи, дѣлавшія переѣздъ въ экипажѣ очень опаснымъ. Луга (названіе этой рѣчки, пересѣкающей многолюдное большое село съ красивой греческой церковью и изящными деревянными домами съ большими окнами)—Луга, запруженная высокой плотиной, была малодоступна: пѣшеходы переходили ее по льду, но для экипажей путь еще не былъ расчищенъ, — не были сколоты бугры, образуемые огромными льдинами въ два фута толщиной. Толпа крестьянъ изъ деревни, черезъ которую мы только что проѣзжали, и города Ямбурга стояла на обоихъ берегахъ; они предлагали сравнять льдины и перенести экипажи на рукахъ. Одни просили двадцать рублей съ экипажа, другіе—пятнадцать. Нѣмцы, находившіеся въ этой толпѣ, сказали намъ, что переправа въ этомъ мѣстѣ слишкомъ опасна и дорога. Они и крестьяне, повидимому, бывшіе подъ ихъ началомъ, предложили намъ переправить экипажи за десять рублей, если мы согласимся послать ихъ въ другое мѣсто тремя—четырьмя верстами ниже. Чтобы заставить насъ согласиться, они сказали, что путь уже расчищенъ, и что наканунѣ тамъ переправлялся графъ де Коссэ-Бриссакъ, ѣхавшій изъ Митавы въ С.-Петербургъ. Наши русскіе ям-

щики держались того же мнѣнія,—мы согласились; экипажи, сопровождаемые тремя нашими слугами, отправились къ мѣсту новой переправы. Г.г. депутаты и я пошли въ Ямбургъ по льду черезъ рѣку въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ паромъ. Переправа эта заняла восемь—десять минутъ; было уже темно. Насъ проводили къ трактирщику-нѣмцу, давно живущему въ Ямбургѣ. Намъ сначала отказали, такъ какъ хозяевъ не было дома; явилась ихъ мать, также нѣмка, и оказала намъ болѣе радушный пріемъ: она предложила намъ, какой могла, ночлегъ и ужинъ. Она послала за своимъ зятемъ, уроженцемъ Ліона, говорившимъ по-французски, по-нѣмецки и по-русски; онъ завѣдывалъ въ Ямбургѣ фабрикой, изготовлявшей фланель и полубумажныя и полушерстяныя одѣяла. Намъ дали три маленькихъ комнаты, скверныя постели и кой-какой ужинъ. Наши экипажи, съ которыми мы разстались въ четыре часа и которыхъ не было еще въ девять часовъ, причинили намъ много безпокойства; наконецъ, въ половинѣ десятаго они прибыли. Они подвергались величайшей опасности: чтобы достичь берега рѣки, надо было спуститься съ очень крутой горы; лошадей отпрягли, сто человѣкъ крестьянъ съ помощью канатовъ задерживали сзади экипажъ, при чемъ всѣ четыре колеса были заторможены. Крестьяне, спускавшіе экипажъ Пфюрдскаго рыцаря, чувствуя, что ихъ тянетъ внизъ, отпустили канатъ, и экипажъ, предоставленный самому себѣ, спустился съ ужасающей быстротой среди камней; крайняя быстрота помѣшала ему разбиться, и онъ докатился одинъ до середины замерзшей рѣки. Переправа стоила три чер-

вонца, такъ какъ надо было дать на чай крестьянамъ, которые помогали лошадямъ втащить экипажи на другой берегъ. Мать нашего хозяина старалась насъ развлечь, она была болтлива и знала много смѣшныхъ анекдотовъ; зять изо всѣхъ силъ старался намъ угодить; они разложили передъ нами образцы своихъ фабричныхъ издѣлій; господа депутаты купили фланели и одѣялъ на семь—восемь червонцевъ. Мы заплатили за все, включая сюда и бургонское, доставленное зятемъ, пять червонцевъ.

Ямбургъ—маленькій городокъ съ красивой греческой церковью; здѣсь имѣется три общественныхъ зданія, построенныхъ изъ кирпича, гдѣ помѣщаются судъ и школы; они хорошо построены; площадь окружена кирпичными домами, похожими одинъ на другой, гдѣ находятся лавки, съ крытой галлереей. Всѣ эти зданія, построенныя въ царствованіе Екатерины II, въ забросѣ, ихъ не ремонтируютъ, и кончится тѣмъ, что они придутъ въ полное разрушеніе. Богослуженіе по католическому обряду разрѣшено въ Ямбургѣ; церковь находится въ частномъ домѣ; есть священникъ для города и окрестностей; живетъ онъ только случайными доходами. Вблизи Ямбурга находится нѣмецкая колонія, основанная Екатериной II, которая надѣлила ее землями, предоставивъ двадцать лѣтъ льготы.

Наши ямщики, уставшіе отъ длиннаго путешествія такъ же, какъ и мы, обѣщали доставить насъ во вторникъ семнадцатаго въ С.-Петербургъ. Мы выѣхали изъ Ямбурга въ понедѣльникъ въ три часа утра; свѣтила луна. Намъ оставалось еще сто двадцать пять верстъ; въ этотъ день мы сдѣлали восемьдесятъ.

На другой день мы остановились въ десять часовъ утра въ Царскомъ Селѣ, въ двадцати верстахъ отъ С.-Петербурга. Снѣгъ валилъ хлопьями, но такъ какъ по этой дорогѣ много ѣздятъ, то мы нашли проторенный путь. Наши ямщики оставили почтовый трактъ и поѣхали другой дорогой, четырьмя-пятью верстами короче. Царское Село—городокъ съ красивыми деревянными домами, здѣсь есть греческая церковь съ золотымъ куполомъ, крытая зеленой черепицей. Мы остановились позавтракать въ то время, какъ лошади отдыхали, на хорошемъ съ виду постояломъ дворѣ. Комната во второмъ этажѣ, гдѣ насъ приняли, была очень чистая и оклеенная обоями. Передъ иконой Богородицы теплилась лампада. Въ то время какъ мы завтракали, пришли попы дать молитву роженицѣ. Мы думали, что попали въ еврейскую синагогу; пробыли мы тамъ два часа; съ насъ взяли четыре рубля: два за ѣду и два за помѣщеніе. Это была слишкомъ дорогая плата за плохой завтракъ и двухчасовое пребываніе, но говорятъ, что русскіе любятъ драть съ иностранцевъ. Спорить съ ними безполезно и опасно: приходится платить и молчать. Въ Царскомъ Селѣ находится домъ, принадлежащій императорской фамиліи, построенный императрицей Елизаветой; называется онъ домикомъ Екатерины II; это было ея любимое убѣжище, когда, освободившись отъ придворнаго этикета, она желала провести нѣсколько дней со своими приближенными.

Въ полдень мы выѣхали изъ Царскаго Села; дорога отсюда въ С.-Петербургъ—настоящее царское шоссе: она широка и хорошо укатана. Изъ-за по-

крывшаго ее снѣга не было видно, насколько прочно укрѣплена она на песчаномъ грунтѣ; мраморные столбики указываютъ версты. Съ правой стороны шоссе тянутся дачи, которыя, благодаря своей разнообразной архитектурѣ, показались намъ загороднымъ дворцомъ съ его службами.

Впослѣдствіи мы узнали, что эти дома принадлежатъ русскимъ вельможамъ, которые создали великолѣпные сады на той почвѣ, гдѣ могутъ расти только сосны, березы и ольхи, и построили прелестные дома; они не уступаютъ своей роскошью царскимъ дворцамъ: эта улица достойна императорскаго города.

Въ два часа мы подъѣхали къ с.-петербургской заставѣ. Эта уединенная застава походитъ на тріумфальную арку; отъ нея до города триста или четыреста туазъ; у этой заставы стоитъ караулъ, которому каждый проѣзжающій и уѣзжающій обязанъ показаться, сообщить свое имя и сказать, откуда и куда онъ ѣдетъ. Границы города, обозначенныя невысокой стѣной и рвомъ, полнымъ воды, сходятся у этой заставы такъ же, какъ и у всѣхъ остальныхъ. Намъ предложили выйти изъ экипажа, чтобы пойти показать наши паспорта и указать мѣсто, гдѣ мы будемъ жить. Офицеръ, завѣдывавшій почтой, не зналъ ни по-французски, ни по-нѣмецки, но молодой офицеръ—письмоводитель канцеляріи говорилъ по-французски и служилъ намъ переводчикомъ; насъ долго разспрашивали о цѣли нашего путешествія; наконецъ, послѣ получасового разговора насъ отпустили, объявивъ намъ, что на слѣдующій день утромъ мы должны представиться коменданту, которому будутъ отосланы наши паспорта.

Самыя лучшія меблированныя комнаты въ С.-Петербургѣ—Демута, на каналѣ Мойки, Лондонская гостиница, на площади напротивъ Адмиралтейства, Гродненская гостиница и гостиница на Морской, которую содержитъ французъ Гюгэ. Мы остановились въ Лондонской гостиницѣ, такъ какъ она была вблизи дворца и на хорошей улицѣ. Наши ямщики, не знавшіе улицъ, заставили насъ довольно долго плутать; наконецъ, въ восемь часовъ вечера мы устроились. При въѣздѣ въ городъ, въ трехстахъ или четырехстахъ туазахъ отъ заставы, мы переѣхали по красивому гранитному мосту каналъ, называемый Фонтанкой. Съ этого моста слѣва открывается видъ на Кронштадтскій заливъ и на обширныя верфи на его берегу, гдѣ находятся большіе склады лѣса для постройки судовъ.

Владѣлецъ Лондонской гостиницы — Демутъ имѣетъ управляющаго, который сдаетъ хорошо обставленныя комнаты, снабжаетъ постелями и бѣльемъ, топитъ печи, но ѣсть не даетъ. Буфетчикъ французъ живетъ въ гостиницѣ въ первомъ этажѣ, и съ нимъ уславливаются насчетъ стола.

Вечеромъ въ день нашего пріѣзда управляющій гостиницей, справившись о томъ, какъ зовутъ насъ и нашихъ слугъ, и о томъ, кто мы такіе, объявилъ намъ, что на другой день въ семь часовъ утра, передъ парадомъ, который бываетъ въ восемь, мы должны представиться коменданту. Комендантъ живетъ во дворцѣ. Этотъ часъ показался намъ очень неподходящимъ для подобнаго визита, но управляющій увѣрялъ насъ, что визитъ этотъ строго предписанъ, и что онъ подвергнется наказанію, если мы, несмотря

на его предупрежденіе, не появимся тамъ, что комендантъ былъ уже освѣдомленъ о нашемъ пріѣздѣ начальникомъ караула той заставы, черезъ которую мы въѣхали, и что онъ самъ уже послалъ свѣдѣнія о насъ. Мы прибыли такъ поздно и были такъ утомлены нашимъ долгимъ путешествіемъ, что намъ показалось очень затруднительнымъ встать ранѣе шести часовъ на другой день, чтобы быть у г. коменданта до свѣта, но пришлось подчиниться этому весьма странному обычаю. Мы пріѣхали во дворецъ въ наемномъ экипажѣ: въ семь часовъ мы были въ передней г. коменданта; часовой, съ которымъ говорилъ нанятый нами слуга, отвѣтилъ, что генерала нельзя видѣть. Мы настаивали, ссылаясь на приказъ, объявленный намъ наканунѣ; слуги дремали на стульяхъ, а адъютантъ спалъ на диванѣ совсѣмъ одѣтый; передняя освѣщалась лампой. Разговоръ разбудилъ адъютанта; онъ вскочилъ и подошелъ къ намъ; онъ говорилъ по-французски; мы сказали ему, кто мы, и сообщили о полученномъ нами приказѣ. Онъ поспѣшно вошелъ въ комнату коменданта, который, какъ намъ сказали, спалъ крѣпкимъ сномъ; черезъ полчаса адъютантъ ввелъ насъ туда. Генералъ былъ въ халатѣ; онъ принялъ насъ необычайно любезно и предупредительно и разсыпался въ извиненіяхъ, прибавляя, что приказъ касается только русскихъ офицеровъ; что такое строгое и необыкновенное предписаніе, если бы примѣненіе его не было ограничено, дало бы иностранцамъ превратное понятіе о русской любезности, что онъ очень огорченъ этимъ недоразумѣніемъ. Онъ предупредилъ насъ объ эпидеміяхъ, свирѣпствовав-

шихъ въ С.-Петербургѣ, рекомендовалъ необходимыя мѣры предосторожности и испытанныя лѣкарства. Его пріемъ и бесѣда вознаградили насъ за наше слишкомъ раннее пробужденіе. Генералъ-лейтенантъ Свѣчинъ (такъ звали коменданта) въ тотъ же день отдалъ намъ визитъ. Когда мы по возвращеніи передали управляющему слова коменданта, онъ сталъ увѣрять насъ, что если бы онъ не сообщилъ намъ императорскаго указа, касающагося всѣхъ гостиницъ С.-Петербурга, то былъ бы строго наказанъ за это.

Когда мы прибыли наканунѣ въ гостиницу, намъ поставили три кровати въ одной натопленной комнатѣ, такъ какъ было поздно и очень холодно; по возвращеніи отъ коменданта мы уговорились съ управляющимъ относительно нашего помѣщенія и съ буфетчикомъ относительно ѣды.

Намъ отвели большое и прекрасное помѣщеніе, состоявшее изъ трехъ комнатъ, кромѣ меблированнаго кабинета для господъ, комнаты для прислуги и столовой; съ насъ взяли сто тридцать рублей въ мѣсяцъ за шесть комнатъ и шесть постелей,—плата за все была разъ навсегда установлена, торговаться было нельзя. За отопленіе и свѣчи — отдѣльная плата; дрова на каждую печь стоятъ тридцать копѣекъ въ день и шестьдесятъ, если топить два раза въ день, что необходимо въ сильные морозы. Рубль состоитъ изъ ста копѣекъ; онъ бываетъ бумажный или мѣдный и соотвѣтствуетъ флорину или восьми вѣнскимъ крейцерамъ и тремъ франкамъ; за червонецъ иногда даютъ пять рублей кредитными билетами или мѣдью, иногда меньше; серебряный рубль стоитъ около че-

тырехъ франковъ, за червонецъ даютъ только три серебряныхъ рубля.

Буфетчикъ принесъ карточку, гдѣ были обозначены цѣны разныхъ кушаній. Обѣдъ, состоящій изъ супа, варенаго мяса, второго блюда жаркого и четвертаго блюда, стоитъ полтора рубля съ человѣка безъ вина, дессерта и кофе; буфетчикъ даетъ столовое бѣлье и серебряные приборы; порція кофе съ молокомъ и маленькимъ хлѣбцемъ стоитъ шестьдесятъ копѣекъ, шоколадъ—восемьдесятъ копѣекъ, чай—пятьдесятъ копѣекъ, чашка чернаго кофе послѣ обѣда—двадцать пять копѣекъ. Буфетчикъ держитъ вина на всякія цѣны; ихъ можно доставать также въ ренсковыхъ погребахъ: самое простое вино стоитъ восемьдесятъ копѣекъ бутылка, въ которой только четыре стакана. Когда желаютъ получить обыкновенное хорошее вино, за него приходится платить полтора и два рубля. Бургонское стоитъ четыре рубля, бордо—три рубля, шампанское—пять рублей, рейнское—пять рублей; за все платятъ ассигнаціями или мѣдью. Когда ужинаютъ, то платятъ порціонно. Одинъ только баденскій командоръ ужиналъ за рубль. Мы ежедневно давали нашимъ слугамъ по полтора рубля на человѣка и столько же нанятому слугѣ. Господа депутаты наняли экипажъ съ четверкой лошадей по таксѣ за сто пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ; пара лошадей съ экипажемъ стоитъ сто рублей, шестерка—двѣсти; при экипажахъ, запряженныхъ четверкой и шестеркой, состоятъ кучеръ и форейторъ, при парныхъ экипажахъ—одинъ кучеръ. Въ концѣ мѣсяца каждому изъ возницъ даютъ на чай два—три рубля.

Въ С.-Петербургѣ, согласно старинному обычаю, количество лошадей соотвѣтствуетъ титулу и званію: князья, посланники, фельдмаршалы, придворные вельможи имѣютъ право запрягать въ карету шестерку, куда бы они ни ѣхали,—во дворецъ, въ гости или на прогулку; генералъ-лейтенанты и генералъ-майоры—имѣютъ право ѣздить на четверкѣ. Не титулованныя особы могутъ ѣздить только на парѣ. Въ прежнее время въ Россіи придавали большое значеніе тому, чтобы имѣть право ѣздить на четверкѣ или на шестеркѣ. Съ лицами, которыя могли появляться лишь на парѣ, мало считались: на нихъ смотрѣли, какъ на людей низшаго класса; въ Россіи всякій принадлежитъ къ какому-нибудь классу; насчитывается восемь классовъ. Надо принадлежать къ первымъ четыремъ или пяти, чтобы быть принятымъ въ хорошемъ обществѣ.

Манія четверокъ и шестерокъ почти прошла: народъ привыкъ видѣть вельможъ и посланниковъ на парѣ лошадей; выѣздъ на шестеркѣ сохраненъ для парада и публичныхъ катаній. Однако, титулованныя женщины очень держатся за свой старинный обычай. Императоръ и императрица, великіе князья и великія княгини появляются обыкновенно на шестеркѣ, изрѣдка на восьми лошадяхъ. Ихъ узнаютъ по придворной ливреѣ, зеленой и красной съ золотомъ, и по верховымъ, ѣдущимъ спереди и по бокамъ. Намъ сочли долгомъ сообщить всѣ эти подробности въ моментъ нашего пріѣзда. Господа депутаты, —одинъ— рыцарь большого креста, другой—командоръ,—имѣли: первый—чинъ генералъ-лейтенанта, второй — генералъ-майора, съ правомъ выѣзжать на четверкѣ и

носить бѣлое перо на шляпѣ,—знакъ отличія, принадлежащій въ С.-Петербургѣ только титулованнымъ лицамъ; полковники и всѣ младшіе чины лишены этого права.

Пребываніе въ С.-Петербургѣ.

Визиты.—Посланникъ императора графъ Кобенцль.—У фельдмаршала графа Салтыкова, замѣстителя великаго магистра.—Командоръ Гуссэ.—Гатчина.—Фельдмаршалъ графъ Салтыковъ.—Рыцарь де Литта, бывшій замѣститель великаго магистра.—Образованіе Свящ. Совѣта ордена въ С.-Петербургѣ.—Публичная аудіенція данная депутаціи великой германской пріоріи.—Иностранные послы въ С.-Петербургѣ.—Герцогъ де Серра Капріола, посолъ Неаполитанскаго короля.—Баронъ Штедингъ шведскій посланникъ.—Поведеніе русскихъ министровъ.—Петербургская жизнь.—Депутація великой Баварской пріоріи.—Рыцарь де Брей.—Рыцарь Флашландъ.—Монаршая милость къ нему.—Его опала.—Командоръ де Гуссэ, его вліяніе.—Наши успѣхи.—Формальности отъѣзда.—Людовикъ XVIII, рыцарь большого креста ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.—Павелъ I, рыцарь св. Лазаря.—Назначеніе французскихъ принцевъ и нѣкоторыхъ вельможъ командоровъ рыцарями большого креста. — Массовое назначеніе рыцарями св. Лазаря по выбору Павла I. Мѣстоположеніе С.-Петербурга.—Основаніе и начало С.-Петербурга.—Петръ I.—Казнь стрѣльцовъ.— Кронштадтскій заливъ.— Крѣпость.—Домикъ Петра Великаго.—Адмиралтейство.—Первый дворецъ Петра I.—Васильевскій островъ.—Постройки на лѣвомъ берегу Невы.—С.-Петербургъ въ царствованіе Елизаветы и Екатерины II.—Царскій Зимній дворецъ.—Эрмитажъ.—Мраморный дворецъ.—Новый Михайловскій дворецъ.

Князь Бѣлозерскій.—Зданіе Императорской Академіи Художествъ. 200 учениковъ ея.—Графъ Шуазель Гуфье.—Г. Глауберъ.—Зданіе Академіи Наукъ и ея достопримѣчательности.—Зданіе 12 коллегій.—Мостъ черезъ Неву.—Бронзовая конная статуя Петра Великаго.—Исаакіевскій или Мраморный соборъ.—Русскія лавки.—Живорыбные садки.—Мороженая рыба.—Зданіе Государственнаго банка.—Мальтійскій дворецъ.—Его часовня.

Мое пребываніе въ этой императорской резиденціи длилось около шести мѣсяцевъ; я имѣлъ возможность изучить какъ внѣшній видъ ея, такъ и внутреннюю жизнь. Я считалъ своимъ долгомъ набросать замѣтки и сообщить нѣкоторыя подробности относительно порученія, даннаго господамъ депутатамъ, спутникомъ которыхъ я имѣлъ честь быть. Подробное описаніе С.-Петербурга представитъ интересъ для тѣхъ читателей, которые не знакомы съ этимъ городомъ, и для тѣхъ, кто поѣдетъ туда изъ любопытства или по дѣламъ. Чтобы придать больше цѣны этимъ подробностямъ, я не позволю себѣ ни отступленія отъ истины, ни вымысла, ни лживыхъ повѣствованій. Я буду писать одну правду, я разскажу то, что я видѣлъ, и такъ, какъ я видѣлъ; моя главная цѣль—дать ясное представленіе тѣмъ, кто, живя очень далеко отъ Россіи, желаетъ имѣть точныя свѣдѣнія о городѣ, ставшемъ однимъ изъ первыхъ въ Европѣ, и о дворѣ, вліяніе котораго на дѣла континента является нынѣ рѣшающимъ. Гг. депутаты великой пріоріи германской не успѣли еще устроиться въ Лондонской гостиницѣ, какъ уже поспѣшили сообщить о своемъ пріѣздѣ и просить посланника гер-

манскаго императора и замѣстителя императора—великаго магистра назначить имъ день и часъ для ихъ первыхъ визитовъ; они были приняты въ тотъ же день графомъ Кобенцлемъ, посланникомъ вѣнскаго двора, а на слѣдующій день—фельдмаршаломъ графомъ Салтыковымъ—замѣстителемъ великаго магистра. Я имѣлъ честь сопровождать ихъ.

Графъ Кобенцль принялъ депутацію крайне любезно и предупредительно; ему было передано письмо отъ принца, великаго пріора германскаго. Онъ обѣщалъ оказать услуги вездѣ, гдѣ его посредничество могло быть полезно, и пригласилъ насъ обѣдать на другой день. Этотъ посланникъ познакомился съ Пфюрдскимъ рыцаремъ на Расштадтскомъ конгрессѣ; онъ соблаговолилъ вспомнить, что часто видѣлъ меня въ Вѣнѣ, когда, будучи еще очень молодымъ, онъ подъ руководствомъ князя Кауницъ, друга его отца, дѣлалъ первые шаги на поприщѣ дипломатіи. У графа Кобенцля на дворцовой площади былъ великолѣпный особнякъ, покои котораго были достойны царственной особы; онъ жилъ тамъ на широкую ногу. У него останавливался только что женившійся эрцгерцогъ австрійскій.

Фельдмаршалъ графъ Салтыковъ оказалъ гг. депутатамъ самый радушный пріемъ; ему были переданы письма, присланныя великимъ пріоромъ и собраніемъ ордена, вмѣстѣ съ копіями секретнаго наказа для императора—великаго магистра. Черезъ него надо было узнать о днѣ и часѣ публичной аудіенціи, назначенной Его Величествомъ. Фельдмаршалъ далъ намъ возможность встрѣтиться у него съ командоромъ Гуссэ, вице-канцлеромъ Лондона, который за-

вѣдывалъ всей Мальтійской канцеляріей. Этотъ французскій рыцарь пользовался полнымъ довѣріемъ императора—великаго магистра, его замѣстителя, Священнаго Совѣта и перваго министра графа Ростопчина: къ послѣднему поступали всѣ доклады, и согласно его отзывамъ и мнѣніямъ рѣшались всѣ дѣла ордена. Фельдмаршалъ сообщилъ намъ, что дворъ находится еще въ Гатчинѣ въ императорскомъ дворцѣ, и что онъ поспѣшитъ доложить Его Величеству о прибытіи депутаціи и обѣщалъ передать намъ его волю.

Гатчина находится въ сорока верстахъ отъ С.-Петербурга. Дворецъ этотъ былъ подаренъ Павлу его матерью, когда онъ былъ еще великимъ княземъ; онъ украсилъ его, особенно сады. Это былъ самый любимый его загородный дворецъ: онъ проводилъ тамъ часть лѣта и осени.

Фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, шестидесятилѣтній старикъ, сумѣлъ сохранить благоволеніе императора. Довѣріе, которымъ онъ пользовался при дворѣ, гдѣ паденія такъ часты, оставалось непоколебимымъ. Чрезвычайно осторожный въ своихъ поступкахъ, онъ тщательно избѣгалъ всего, что могло возбудить зависть министровъ или вліятельнѣйшихъ придворныхъ. Императоръ, котораго онъ воспиталъ, сохранилъ къ нему уваженіе и благоволеніе; онъ пожаловалъ ему главнѣйшіе ордена Россійской имперіи и разрѣшилъ обращаться къ нему непосредственно по всѣмъ личнымъ и служебнымъ дѣламъ. Надо предполагать, что графъ—талантливый полководецъ, пожинавшій лавры, такъ какъ онъ дослужился до старшаго военнаго чина. Онъ получаетъ большіе доходы и живетъ, окру-

женный великолѣпіемъ, въ прекрасномъ особнякѣ, находящемся на набережной Невы.

Когда Павелъ I основалъ огромное число командорствъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго для своихъ русскихъ подданныхъ, возстановилъ великую россійскую католическую пріорію и во время взятія Мальты объявилъ себя покровителемъ ордена, рыцарь де Литта, итальянецъ, былъ посланъ въ С.-Петербургъ, какъ чрезвычайный посолъ, чтобы благодарить императора и изъявить согласіе въ качествѣ делегата великаго магистра на возстановленіе католической пріоріи русской Польши. Въ то же время братъ рыцаря де Литта былъ посланъ папой Піемъ VI нунціемъ къ Павлу I. Умный, высокій и красивый рыцарь де Литта понравился Павлу I. Это онъ уговорилъ императора объявить себя покровителемъ ордена, а когда великій магистръ Гомпешъ уѣхалъ въ Тріестъ послѣ постыдной сдачи Мальты Бонапарту, рыцарь де Литта утвердилъ великую россійскую пріорію и предложилъ гросмейстерство Павлу I, такъ какъ Гомпешъ обезчестилъ свое имя и постъ. Императоръ, всегда оказывавшій предпочтеніе этому ордену, соблаговолилъ принять эту высокую должность и прославилъ свое имя. Рыцарь де Литта, по почину котораго устроено было все это, сталъ необходимымъ человѣкомъ при организаціи совѣта и канцеляріи великаго магистра и учрежденія въ С.-Петербургѣ гросмейстерства, вслѣдствіе чего ему было легко внушить Павлу I мысль назначить его своимъ замѣстителемъ по дѣламъ ордена. Этотъ высокій постъ давалъ г. де Литта большія преимущества; такимъ образомъ, онъ становился первымъ ми-

нистромъ великаго магистра и работалъ наединѣ съ Его Императорскимъ Величествомъ, пожелавшимъ именоваться соотвѣтственно своему новому титулу.

У каждаго изъ восьми языковъ ордена былъ префектъ, который подъ названіемъ *столпа* состоялъ членомъ Священнаго Совѣта; языки провансскій, овернскій и французскій были упразднены французской революціей, а другіе запрещены, такъ что рыцарь де Литта посовѣтовалъ императору взамѣнъ отсутствующихъ столповъ совѣта назначить наслѣдника и высшихъ сановниковъ имперіи. Онъ призвалъ въ С.-Петербургъ нѣсколькихъ французскихъ рыцарей для завѣдыванія подъ его началомъ канцеляріей и казною ордена. Рыцарь де Гуссэ сталъ во главѣ канцеляріи, а рыцарь де Витри завѣдывалъ общей казной; г. де Литта заставилъ дать себѣ командорство съ окладомъ въ десять тысячъ рублей въ русской пріоріи, брата своего, нунція—назначить старшимъ духовникомъ ордена въ Лондонѣ съ окладомъ въ десять тысячъ рублей; рыцари де Гуссэ и де Витри получили каждый командорства съ окладомъ въ тысячу рублей; рыцарь де Литта получилъ, кромѣ того, отъ папы освобожденіе отъ обѣта безбрачія и женился на русской княжнѣ—очень богатой вдовѣ, занимавшей одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ при императрицѣ.

Эта новая организація, созданная очень быстро и толково, весьма понравилась Павлу I. Его замѣститель достигъ вершины благоволенія. Министры и русскіе вельможи, занимавшіе первыя мѣста, завистливымъ окомъ глядѣли на это внезапное возвышеніе и необычайное вліяніе иностранца. Графъ Ростоп-

чинъ, будучи простымъ камергеромъ въ тридцать четыре года, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и великимъ канцлеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго; онъ задался цѣлью низвергнуть рыцаря де Литта, въ которомъ видѣлъ опаснаго соперника; въ силу одного того, что рыцарь былъ иностранцемъ, Ростопчину была обезпечена поддержка всѣхъ вельможъ имперіи. Безпрестанно повторяемыя клеветы достигли желанной цѣли,—рыцарь де Литта впалъ въ немилость и былъ сосланъ въ имѣніе своей жены,—его замѣстилъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ; командоръ де Гуссэ, секретарь опальнаго замѣстителя, былъ назначенъ вице-канцлеромъ ордена, съ окладомъ въ пять тысячъ рублей. Графъ Ростопчинъ—великій канцлеръ ордена, будучи солидаренъ съ новымъ замѣстителемъ, управлялъ всѣми дѣлами ордена; графъ Салтыковъ, не любившій кропотливой работы, сохранилъ за собой только почетный постъ и право сноситься съ великимъ магистромъ для того, чтобы осыпать милостями командоровъ и рыцарей, которыхъ онъ хотѣлъ отличить.

Опала рыцаря де Литта вызвала немилость къ его брату—нунцію; послѣдній былъ высланъ изъ предѣловъ имперіи; санъ старшаго духовника ордена былъ пожалованъ архіепископу Могилевскому—митрополиту католическихъ церквей подчиненныхъ Россіи.

Таково было положеніе дѣлъ въ орденѣ Св. Іоанна Іерусалимскаго, когда мы пріѣхали въ С.-Петербургъ.

Императоръ со всѣмъ дворомъ вернулся изъ Гатчины нѣсколько дней спустя послѣ нашего пріѣзда.

Фельдмаршалъ Салтыковъ далъ знать депутаціи великой германской пріоріи, что императоръ назначилъ депутаціи публичную аудіенцію въ воскресенье утромъ 29 декабря: она состоялась со всей пышностью блестящей церемоніи. Командоръ де Мезоннефъ, церемоніймейстеръ ордена, пріѣхалъ въ гостиницу за гг. депутатами въ великолѣпной придворной каретѣ, запряженной шестеркой лошадей въ богатой упряжи, въ сопровожденіи берейтора и двухъ гайдуковъ на подножкахъ и четырехъ пѣшихъ герольдовъ, бѣжавшихъ впереди; всѣ они были въ парадныхъ ливреяхъ; впереди ѣхали два гвардейскихъ гусара, а сзади шли лакеи.

При выходѣ изъ кареты у подножья дворцовой лѣстницы гг. депутаты увидѣли почетный караулъ, поставленный шпалерами до залы, гдѣ происходила аудіенція. Зала была великолѣпно декорирована. Императоръ съ короной на головѣ, въ одѣяніи великаго магистра со всѣми знаками ордена, возсѣдалъ на тронѣ, горѣвшемъ золотомъ и драгоцѣнными камнями; справа отъ него находились великій князь Александръ, Священный Совѣтъ и рыцари большого креста, слѣва—командоры въ парадныхъ костюмахъ; у стѣнъ залы стояли рыцари.

Великій рыцарь Пфюрдскій — первый депутатъ, котораго велъ церемоніимейстеръ и сопровождалъ Баденскій командоръ, приблизившись къ трону, сдѣлалъ три глубокихъ поклона. Его рѣчь, содержаніе которой было заранѣе извѣстно и одобрено, длилась отъ четырехъ до пяти минутъ; онъ сказалъ ее громко и явственно; рѣчь эта имѣла успѣхъ; затѣмъ онъ подалъ вѣрительныя грамоты въ золо-

томъ ларцѣ, которыя несъ баронъ Баденскій командоръ. Павелъ I далъ ему поцѣловать свою руку и передалъ грамоты великому канцлеру ордена, графу Ростопчину, который отвѣтилъ на рѣчь отъ имени великаго магистра.

По окончаніи церемоніи депутація съ такой же пышностью была доставлена обратно въ гостиницу. Согласно обычаю придворнымъ ливрейнымъ лакеямъ дали двѣсти рублей на чай, а берейтору подарили золотые часы.

Послѣ этой аудіенціи гг. депутаты сдѣлали визиты министрамъ, придворнымъ, посланникамъ и посламъ.

Въ это время графъ Кобенцль,—рыцарь Золотого Руна, большого креста ордена Св. Этіена Венгерскаго и рыцарь большого креста ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго,—былъ чрезвычайнымъ германскимъ посломъ.

Баронъ Штедингъ, рыцарь шведскаго ордена, былъ шведскимъ посланникомъ.

Рыцарь Витвортъ былъ чрезвычайнымъ англійскимъ посломъ.

Баронъ Бломъ былъ полномочнымъ посломъ Даніи.

Я не помню фамилію португальскаго посла.

Герцогъ де Серра Капріола былъ полномочнымъ посломъ короля неаполитанскаго.

Остальные европейскіе дворы имѣли въ С.-Петербургѣ только консуловъ; мадридскій дворъ воевалъ съ Россіей.

Всѣ эти посланники и послы часто приглашали депутацію къ обѣду и гостепріимно открыли передъ

нею двери своихъ домовъ. Всѣ были неизмѣнно любезны и предупредительны, а въ особенности графъ Кобенцль, баронъ Штединг'ъ и герцогъ де Серра Капріола.

Домъ послѣдняго былъ мѣстомъ ежедневныхъ свиданій всѣхъ пословъ и находившихся въ С.-Петербургѣ иностранцевъ: онъ принималъ гостей всякій вечеръ, и кто желалъ, оставался ужинать.

Герцогиня была русская; вокругъ нея собиралось пріятное общество, очарованное ея умомъ и привѣтливостью; игра чередовалась съ разговорами. Въ домѣ герцога, со вкусомъ украшенномъ и богато обставленномъ, было все необходимое для многолюдныхъ раутовъ. Самъ герцогъ дѣлалъ свой домъ необыкновенно привлекательнымъ, благодаря своей живости, любезности и прямодушію.

Баронъ Штединг'ъ, одинъ изъ тѣхъ людей, на которыхъ можно положиться, какъ на каменную стѣну, и вполнѣ достойный благоволенія и довѣрія своего короля,—велъ широкій образъ жизни; столъ у него былъ прекрасный. Онъ отличался прямотой, вѣжливостью и сердечностью. Обладая гибкимъ умомъ, онъ умѣлъ бесѣдовать со всякимъ; меня онъ удостоивалъ особой дружбы, и воспоминаніе о немъ будетъ всегда дорого моему сердцу.

Во всей Европѣ, пожалуй, одни только министры русскаго Императора не приглашаютъ къ своему столу пословъ или знатныхъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ С.-Петербургъ. Экономія ли это, безпечность или презрѣніе? Или, быть можетъ, они думаютъ, что показываясь рѣже, они внушаютъ этимъ болѣе высокое мнѣніе о себѣ?

Графъ Ростопчинъ—министръ иностранныхъ дѣлъ, можно сказать, неприступенъ: съ нимъ сносятся по дѣламъ только письменно или же черезъ вице-канцлера имперіи. Депутація нѣсколько разъ тщетно пыталась добиться пріема у него. Считается за милость, когда онъ соблаговолитъ отвѣтить на адресованныя къ нему письма. За его столомъ бываютъ только нѣсколько лицъ, къ которымъ онъ дружески относится, или же тѣ, у которыхъ онъ хочетъ вывѣдать ихъ образъ мыслей, такъ какъ въ этомъ его главный талантъ.

Одинъ только фельдмаршалъ Салтыковъ угостилъ депутацію обѣдомъ два раза за шестимѣсячное пребываніе въ С.-Петербургѣ. Эти парадные обѣды отличаются невѣроятной роскошью и пышностью. Послѣ четырехъ блюдъ встаютъ изъ-за стола и переходятъ въ другую залу, гдѣ подается восхитительный дессертъ, самыя тонкія вина, чудные ликеры, рѣдкостные фрукты; столъ богатъ и красиво накрытъ и переполненъ тѣмъ, что можетъ удовлетворить вкусъ и порадовать глазъ.

Вечерніе визиты въ С.-Петербургѣ начинаются лишь съ восьми часовъ послѣ спектакля; продолжаются они до одиннадцати-двѣнадцати часовъ ночи, ужинаютъ только въ это время. Имѣются французскіе, нѣмецкіе и русскіе театры.

Депутація великой Баварской пріоріи, опередившая насъ на мѣсяцъ, находилась еще въ С.-Петербургѣ. Состояла она изъ рыцаря Флашланда, графа д'Арко и графа Прейсингъ—командора. Рыцарь де Брей, делегатъ отъ Баваріи, не принятый императоромъ, былъ секретаремъ депутаціи. Рыцарь де Брей былъ

французъ; за его заслуги передъ орденомъ Мальтійскій гросмейстеръ пожаловалъ его крестомъ. Онъ вкрался въ довѣріе графа Монтжеласа, который устроилъ его назначеніе въ С.-Петербургъ. Чтобы вознаградить его за полученный отказъ, его назначили посломъ въ Лондонъ. Рыцарь де Брей образованъ, трудоспособенъ и обладаетъ характеромъ, за который его уважаютъ и любятъ во всѣхъ странахъ міра.

Рыцарь большого креста Флашландъ принадлежалъ къ одной изъ первыхъ Эльзасскихъ фамилій; умный и очень любезный придворный, онъ командовалъ Мальтійской флотиліей. Удостоенный довѣрія великаго магистра, выказалъ въ нѣсколькихъ случаяхъ дипломатическіе таланты; онъ былъ членомъ двухъ великихъ пріорій—германской и баварской и имѣлъ командорства. Онъ возстановилъ Мальтійскій орденъ, уничтоженный въ Баваріи, и умѣло подготовилъ сближеніе и даже завязалъ дружескія сношенія между С.-Петербургомъ и Мюнхенскимъ дворомъ. По прибытіи ко двору Павла I онъ удостоился самыхъ высокихъ милостей и дружбы императора. Павелъ I отличилъ его и, повидимому, любилъ вести съ нимъ интимные разговоры; онъ имѣлъ честь ежедневно обѣдать и ужинать въ Гатчинѣ съ императоромъ и императрицей. Павелъ I осыпалъ его почестями и милостями; подарилъ ему великолѣпную шубу въ двѣ тысячи рублей, пожаловалъ орденъ Александра Невскаго и далъ два командорства: одно—въ баварской пріоріи, другое—въ Германіи. Когда мы пріѣхали, отъ этого благоволенія не осталось и слѣда; его смѣнила самая суровая опала. Причина

этой немилости дѣлаетъ честь прямодушію рыцаря Флашланда. Онъ присутствовалъ въ качествѣ замѣстителя на одномъ засѣданіи Священнаго Совѣта, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ императора. Послѣдній спросилъ его мнѣніе. Рыцарь, не высказывая неодобренія, позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько незначительныхъ замѣчаній. Императоръ приказалъ ему изложить ихъ письменно. Я читалъ этотъ докладъ, онъ написанъ въ почтительномъ правдивомъ тонѣ; онъ не порицаетъ принятыхъ формъ дѣлопроизводства, но даетъ понять, что впослѣдствіи возможно будетъ лучше приспособить ихъ къ уставу ордена. Эти откровенныя замѣчанія были истолкованы въ дурную сторону врагами рыцаря большого креста. Командоръ де Гуссэ, заставившій принять настоящія формы послѣ того, какъ рыцарь де Литта получилъ отставку, рѣшилъ, что замѣчанія рыцаря Флашланда бросаютъ на него тѣнь; ему было легко убѣдить фельдмаршала Салтыкова и графа Ростопчина въ томъ, что Флашландъ зарится на мѣсто намѣстника и хочетъ втереться въ довѣріе императора во всемъ, что касается дѣлъ ордена.

Этотъ тріумвиратъ такъ хорошо построилъ свои баттареи, что подорвалъ довѣріе Павла I къ рыцарю, и съ этого времени императоръ не желалъ ни видѣть его, ни говорить съ нимъ. Немилость была такъ велика, что онъ не могъ получить отъ императора даже прощальной аудіенціи, а когда онъ былъ занесенъ Людовикомъ XVIII въ списокъ лицъ, которыхъ тотъ предлагалъ въ рыцари св. Лазаря, Павелъ I собственноручно вычеркнулъ его. Эта немилость отразилась на его товарищахъ по депутаціи:

имъ предписано было уѣхать, не представляясь великому магистру-императору. Графъ д'Арко былъ прежде посломъ императора великаго магистра и главнымъ сборщикомъ въ великой баварской пріоріи

Мы сказали выше, что рыцарь де Литта, а послѣ того, какъ онъ впалъ въ немилость, командоръ де Гуссэ положили въ С.-Петербургѣ прочныя основы Іерусалимскому ордену св. Іоанна, и что Павелъ I, объявивъ себя покровителемъ ордена, принялъ санъ великаго магистра. Титулъ покровителя, конечно, болѣе подходилъ къ его императорскому достоинству, но великая душа Павла I несомнѣнно видѣла въ этомъ новомъ санѣ только болѣе вѣрный и скорый путь къ возстановленію любимаго ордена, основанія котораго рушились со всѣхъ сторонъ. Русскій императоръ, отдѣленный отъ римской церкви расколомъ Фотія, ставъ великимъ магистромъ религіознаго и военнаго ордена и подчинившись главенству папы, казался удивленной Европѣ необычайнымъ явленіемъ Возможно, что политическія соображенія оказали вліяніе на рѣшеніе Павла I. Если бы оправдалась надежда на обратное завоеваніе Мальты, то этотъ островъ, находящійся на Средиземномъ морѣ, далъ бы великому магистру—русскому императору могучія средства для того, чтобы оказывать давленіе на оттоманскій дворъ. Положеніе главы всей европейской знати значительно склоняло въ пользу русскихъ императоровъ чашу политическихъ вѣсовъ континента, чего они всегда добивались.

Для успѣшнаго выполненія миссіи депутаціи, къ которой я имѣлъ честь принадлежать, было очень важно заслужить благоволеніе командора де Гуссе—

вице-канцлера ордена; онъ былъ довѣреннымъ фельдмаршала Салтыкова и графа Ростопчина. Оба эти вельможи, незнакомые съ уставами ордена, принуждены были сноситься съ вице-канцлеромъ, который, такимъ образомъ, имѣлъ весьма большое вліяніе, такъ какъ императоръ съ большимъ интересомъ относился ко всему, касающемуся ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Богемская депутація не могла на него пожаловаться; баварская депутація была недовольна имъ; германская—не должна забывать его предупредительности и существенныхъ услугъ, которыя онъ ей оказывалъ. Руководясь тѣмъ, что я узналъ объ его характерѣ и вліяніи, которымъ онъ пользовался, я посовѣтовалъ гг. депутатамъ оказать ему самое широкое довѣріе и убѣдить его, что они желаютъ слѣдовать только его совѣтамъ. Довѣріе это ему польстило; онъ начерталъ намъ планъ дѣйствій для осуществленія возложенной на гг. депутатовъ миссіи. Согласно его плану, мы должны были представить отъ имени великой германской пріоріи докладныя записки. По наказу великаго пріора и капитула этотъ довольно пространный и значительный трудъ былъ въ теченіе десяти дней написанъ начерно, переписанъ и переданъ, согласно обычаю, вице-канцлеру.

Немного времени спустя, мы узнали, что послѣ доклада вице-канцлера императоръ любезно далъ согласіе на исполненіе всѣхъ нашихъ просьбъ, и что важнѣйшіе пункты, требовавшіе санкціи Св. Совѣта, будутъ немедленно посланы ему съ самымъ благопріятнымъ отзывомъ. Дѣйствительно, знаки императорскаго благоволенія не замедлили обнару-

житься. гг. депутаты не позволили себѣ ни одной просьбы, ни одного шага для достиженія милостей для себя лично. Но желая показать свою благосклонность, Павелъ I призвалъ Пфюрдскаго рыцаря въ свой кабинетъ и тамъ, въ присутствіи великаго канцлера, пожаловалъ его красной лентой и орденомъ св. Александра Невскаго; и послѣ того, какъ онъ сталъ кавалеромъ этого ордена, Его Величество сказалъ ему: „я назначаю васъ моимъ посломъ по дѣламъ Мальтійскаго ордена при царствующихъ особахъ германской имперіи, гдѣ есть командорства великой нѣмецкой пріоріи, съ окладомъ въ тысячу червонцевъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ велѣлъ передать великому рыцарю орденъ св. Александра Невскаго съ императорской грамотой для принца—великаго пріора. Командоръ Баденскій былъ сдѣланъ рыцаремъ большого креста и получилъ крестъ для своего женатаго племянника Карла, Баденскаго барона. Грамоты на пожалованные ордена были отосланы на казенный счетъ. Въ то же время Его Императорское Величество пожаловалъ мнѣ грамоту, которая пріобщала меня къ верховному ордену св. Іоанна Іерусалимскаго, разрѣшала мнѣ носить крестъ и давала право на полученіе пенсіи въ сто червонцевъ черезъ посредство главнаго сборщика великой германской пріоріи. Эта милость, о которой я и не думалъ просить, была оказана мнѣ по очень лестнымъ и почетнымъ для меня мотивамъ.

Священный Совѣтъ, собравшійся 25-го января, на которомъ присутствовалъ великій рыцарь въ качествѣ столпа нѣмецкаго языка, утвердилъ эти пожалованія и санкціонировалъ все, что было предостав-

лено великой германской пріоріи на основаніи докладныхъ записокъ, представленныхъ гг. депутатами.

Не прошло и шести недѣль со дня нашего пріѣзда, какъ наша миссія увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Гг. депутаты надѣялись лично сообщить объ успѣхахъ капитулу своей великой пріоріи и они думали, что ихъ отъѣздъ совпадетъ съ отъѣздомъ баварской депутаціи, которой было предписано уѣзжать. Они предполагали просить о прощальной аудіенціи какъ разъ въ то время, какъ графъ Ростопчинъ объявилъ имъ отъ имени императора, что Его Величество желаетъ, чтобы они уѣзжали одновременно съ баварской депутаціей. Это приказаніе доставило имъ большое удовольствіе.

Они должны были выполнить формальности, требуемыя придворнымъ этикетомъ, чтобы послѣ аудіенціи получить разрѣшеніе уѣхать; надо было записаться у гофмаршала и затѣмъ являться въ назначенные дни во дворецъ, чтобы представиться. Въ эти дни императоръ, идя съ императрицей къ обѣднѣ, проходитъ черезъ залъ, гдѣ собираются русскіе вельможи, иностранные посланники и послы, депутаты и т. д.; если на обратномъ пути императоръ не проходитъ вновь черезъ залъ, чтобы дать поцѣловать свою руку, или не зоветъ въ кабинетъ тѣхъ лицъ, которыя явились проститься, тогда нужно записываться такимъ образомъ до трехъ разъ; если въ третій разъ императоръ не появляется послѣ обѣдни, отпускъ считается полученнымъ и можно уѣзжать; это и случилось съ баварской депутаціей. Согласно другой формальности,—строго

предписываемой законами имперіи и касающейся одинаково какъ русскихъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ, желающихъ покинуть С.-Петербургъ, чтобы водвориться въ другомъ мѣстѣ или оставитъ предѣлы русскаго государства,—надо три раза сдѣлать публикацію объ отъѣздѣ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: это—мѣра предосторожности, установленная для того, чтобы никто не могъ выѣхать, не уплативъ долговъ. Никому не присылаютъ паспорта и не даютъ почтовыхъ лошадей до представленія трехъ газетъ съ публикаціей объ отъѣздѣ. Никто не освобождается отъ соблюденія этой формальности, развѣ только въ случаѣ особаго разрѣшенія самого императора или при наличности порукъ со стороны состоятельнаго и имѣющаго постоянное жительство лица.

Когда г. г. депутаты готовились уѣхать, вице-канцлеръ де Гуссэ предупредилъ ихъ по приказанію свыше, что они не должны объявлять о своемъ отъѣздѣ въ Вѣдомостяхъ, что отъѣздъ ихъ отсроченъ, и что надо ждать новаго приказанія; вмѣстѣ съ тѣмъ гг. депутатамъ было сообщено, что имъ дарована особая милость, и прощальная ауді-енція состоится, когда настанетъ время отъѣзда, въ кабинетѣ Его Императорскаго Величества, гдѣ великій рыцарь принесетъ ему присягу, какъ посолъ и главный сборщикъ, и гдѣ Баденскій командоръ получитъ большой крестъ и золоченый нагрудный щитъ Мальтійскаго креста,—знакъ отличія рыцарей большого креста.

Мы думали, что отъѣздъ былъ отложенъ для посвященія въ рыцари-командоры св. Лазаря, въ

число которыхъ долженъ былъ быть принятъ великій рыцарь баронъ Пфюрдскій, какъ членъ Священнаго Совѣта.

Въ эту эпоху Павелъ I, казалось, желалъ умножить нити, связывавшія его съ Людовикомъ XVIII; онъ послалъ ему большой Мальтійскій крестъ и просилъ дать себѣ взамѣнъ ленту св. Лазаря. Французскій монархъ поспѣшилъ прислать Павлу I знаки этого ордена съ графомъ де Коссэ-Бриссакъ, командоромъ св. Лазаря; императоръ соблаговолилъ показать ихъ однажды одному приближенному, котораго онъ удостоивалъ своимъ довѣріемъ, со словами: „Это всегда напоминаетъ мнѣ о несчастномъ другѣ“...

Эти слова дѣлаютъ честь чувствительной душѣ Павла I. Государь назначилъ графа де Коссэ-Бриссака командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго съ окладомъ въ пятьсотъ червонцевъ, впредь до полученія имъ соотвѣтствующаго командорства въ католической русской пріоріи.

Спустя нѣкоторое время императоръ послалъ королю Людовику XVIII четыре большихъ креста для принцевъ королевскаго дома и одиннадцать крестовъ почетныхъ командоровъ для одиннадцати вельможъ по выбору короля. Четыре большихъ креста для графа д'Артуа—брата короля, герцога Ангулемскаго, герцога Бурбонскаго и герцога Ангіенскаго; принцъ Кондэ имѣлъ уже большой крестъ, состоя великимъ пріоромъ великой русской католической пріоріи. Одиннадцать командорскихъ крестовъ получили: герцогъ д'Омонъ, графъ д'Авари, герцогъ д'Аркуръ, герцогъ де Куаньи, герцогъ де Гишъ, виконтъ д'Агуль, графъ де Лашатръ, виконтъ де Клермонъ-

Тоннеръ, баронъ де Ларошфуко, маркизъ де Жокуръ и графъ д'Эскаръ.

Людовикъ XVIII въ отвѣтъ на это выраженіе дружбы прислалъ Павлу I ордена св. Лазаря для обоихъ его сыновей, великихъ князей Александра и Константина, и для двадцати лицъ по указанію Его Императорскаго Величества. Императоръ составилъ списокъ, который послалъ королю; этотъ списокъ включалъ членовъ Священнаго Совѣта, старшихъ военныхъ чиновъ имперіи и четырехъ министровъ. Думали, что рыцарь Флашландъ, будучи намѣстникомъ и принадлежа къ Священному Совѣту, получитъ этотъ орденъ. Король приказалъ графу де Коссэ передать императору свою просьбу объ этомъ; но императоръ исключилъ Флашланда изъ списка по причинамъ, о которыхъ мы говорили выше.

Государь пожелалъ самъ торжественно надѣть орденъ св. Лазаря на своихъ сыновей въ присутствіи графа де Коссэ-Бриссака. Ордена и грамоты, присланные Людовикомъ XVIII, были переданы двадцати рыцарямъ-командорамъ по указанію императора съ письмомъ къ каждому, подписаннымъ имъ собственноручно, въ которомъ онъ говоритъ, что съ удовольствіемъ посылаетъ этотъ орденъ отъ имени короля Франціи.

Мы надѣялись, что нашъ отъѣздъ послѣдуетъ за этимъ пожалованіемъ. Гг. депутаты неоднократно ходатайствовали о разрѣшеніи уѣхать передъ замѣстителемъ, великимъ магистромъ и великимъ канцлеромъ ордена. Имъ постоянно отвѣчали одно и то же, что надо ждать момента, когда Его Императорское Величество соблаговолитъ назначить нашъ отъѣздъ,

и что настойчивыя просьбы могутъ ему не понравиться. Мы откроемъ тайную причину этого, сообщенную намъ за нѣсколько дней до нашего отъѣзда.

Я рѣшилъ воспользоваться нашимъ продолжительнымъ пребываніемъ и послѣ выполненія миссіи и окончанія работъ депутаціи познакомиться съ С.-Петербургомъ, изучить его внутренній міръ, раздобыть свѣдѣнія объ управленіи и политикѣ этой обширной имперіи такъ же, какъ и о характерѣ вельможъ, стоящихъ вмѣстѣ съ императоромъ у кормила власти.

С.-Петербургъ построенъ на шестидесятомъ градусѣ, почти у устья Невы, впадающей въ Кронштадтскій заливъ, который сообщается съ Финскимъ заливомъ, а черезъ него съ Балтійскимъ моремъ и океаномъ. Желая быть правдивымъ и точнымъ, я буду излагать только личныя впечатлѣнія, вынесенныя мною отъ наблюденія красотъ и недостатковъ этой величественной столицы. Она отражаетъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ видомъ, если такъ можно выразиться, характеръ Петра Великаго.

Петръ I, ставшій послѣ смерти своего брата единоличнымъ правителемъ государства Московскаго, отправился путешествовать, чтобы получить возможность цивилизовать свой еще дикій народъ. Стрѣльцы—свирѣпое и недисциплинированное войско, привыкли свергать царей съ престола и руководить ими. Петръ I, окруженный преданными ему солдатами, которыхъ онъ сформировалъ въ полки, собралъ стрѣльцовъ, обезоружилъ ихъ и всѣхъ обезглавилъ; онъ самъ отрубилъ нѣсколько головъ; большое бревно служило плахой; каждый стрѣлецъ клалъ на него свою го-

лову, которая тотчасъ же отрубалась мощною рукою царя. Говорятъ, что стрѣлецъ Орловъ, подойдя, чтобы положить свою голову подъ топоръ рядомъ съ отрубленными головами, лежавшими на этомъ бревнѣ, сталъ отодвигать ихъ. «Что ты дѣлаешь?»—спросилъ его царь. «Приготовляю себѣ мѣсто»,—отвѣчалъ тотъ хладнокровно. Отвѣтъ этотъ спасъ его. Отъ него произошли Григорій и Алексѣй Орловы. Первый—оффиціальный фаворитъ Екатерины II, второй—убійца Петра III.

Послѣ разгрома стрѣльцовъ Петръ I сталъ неограниченнымъ властелиномъ: онъ царствовалъ надъ обширными странами, но государству Московскому не хватало того духа, который вноситъ жизнь въ государственное тѣло. Петръ Великій, геній котораго провидѣлъ великую судьбу Россіи, занялся, какъ только утвердился на тронѣ, заложеніемъ фундамента этой будущей славы. Послѣ того, какъ онъ овладѣлъ Ливоніей, Эстоніей и Ингріей, побѣдивъ шведовъ, у него зародился планъ созданія флота, который могъ бы выйти въ океанъ черезъ Балтійское море и въ Средиземное море черезъ Черное. У него не было ни кораблей, ни матросовъ, ни судостроителей. Кронштадтскій заливъ показался ему подходящимъ для выполненія этого плана; прекрасная рѣка Нева, которая впадаетъ туда, облегчала эту задачу.

Нева была широка и глубока у своего устья; онъ рѣшилъ устроить верфь для постройки военныхъ и торговыхъ судовъ. Для того, чтобы обезпечить осуществленіе этого плана и стать хозяиномъ теченія Невы, онъ построилъ, около 1703 года, крѣпость на

правомъ берегу этой рѣки, на островѣ, образуемомъ двумя большими рукавами Невы. Въ настоящее время стѣны этой крѣпости сложены изъ гранита.

Петръ заложилъ тамъ церковь въ честь апостоловъ Петра и Павла, ставшую впослѣдствіи соборомъ. И теперь еще осматриваютъ, какъ достопримѣчательность, маленькій деревянный домикъ, выстроенный Петромъ I на правомъ берегу Невы; Петръ жилъ въ немъ, когда наблюдалъ за работами по постройкѣ крѣпости; этотъ баракъ,—названіе, котораго онъ заслуживаетъ вслѣдствіе своихъ крошечныхъ размѣровъ и убогой постройки,—вполнѣ удовлетворялъ творца самой обширной имперіи Европы. Желая сохранить зданіе, ставшее знаменитымъ въ Россіи, его обнесли каменной оградой съ крышей, чтобы защитить отъ непогоды и продлить, насколько возможно, его существованіе. Это—памятникъ величайшей простоты этого монарха-завоевателя и законодателя. До него московскіе цари не приковывали къ себѣ вниманія Европы; въ царствованіе Людовика XIV о нихъ едва знали. Мы читаемъ даже въ лѣтописяхъ того времени, что короли Польши покоряли ихъ иногда и диктовали имъ законы. Нашъ вѣкъ увидѣлъ обратную сторону медали.

Послѣ того, какъ сооруженіе крѣпости было окончено, Петръ I построилъ на лѣвомъ берегу большой Невы Адмиралтейство; это—масса зданій, занимающихъ весьма большое пространство, среди которыхъ возвышается четырехугольная башня, увѣнчанная колокольней, оканчивающейся вызолоченнымъ шпилемъ; на концѣ его находится флюгеръ въ видѣ корабля. Адмиралтейство съ сѣверной стороны омы-

вается Невой, а со всѣхъ остальныхъ сторонъ опоясано крѣпостной стѣной съ бастіонами по бокамъ, окруженной рвами, палисадами и валами для защиты сооруженныхъ здѣсь верфей; на нихъ можно строить одновременно шесть военныхъ судовъ, спуская послѣднія въ Неву, по которой они доходятъ до Кронштадта, минуя заливъ, носящій то же названіе. Я видѣлъ, какъ тамъ было выстроено и спущено на воду одно судно въ сто тридцать пушекъ и два—въ шестьдесятъ.

По окончаніи этихъ двухъ сооруженій, царь повелѣлъ построить въ 1711 году деревянный дворецъ на лѣвомъ берегу Невы, на мѣстѣ, называемомъ въ настоящее время Лѣтнимъ садомъ. Тамъ онъ жилъ до самой смерти. Дворецъ этотъ существуетъ и понынѣ.

Сначала думали, что создатель русскаго флота хотѣлъ ограничиться сооруженіемъ Адмиралтейства и верфей для постройки кораблей. Но, по возвращеніи изъ своего путешествія, онъ рѣшилъ построить городъ по образцу Амстердама. Петръ велѣлъ заложить его на островѣ, называемомъ Васильевскимъ и образуемомъ большой и малой Невой.

Тамъ были проложены улицы, вырыты каналы и выстроены деревянные дома. По двумъ большимъ каналамъ, пересѣченнымъ нѣсколькими малыми, тотчасъ же стали ходить суда. Мѣсто, гдѣ выросъ новый городъ, представляло сплошное болото, поросшее березой и ольхой. Его, насколько это было возможно, осушили съ помощью подземныхъ каналовъ, изливающихся въ Неву. Петръ I, видя, что его первоначальный планъ—создать новый Амстердамъ—не мо-

жетъ осуществиться, велѣлъ засыпать каналы, которые превратились въ улицы. Постепенно въ слѣдующія царствованія тамъ были построены очень красивые каменные дома и Васильевскій островъ сталъ однимъ изъ лучшихъ кварталовъ С.-Петербурга.

Этотъ неудавшійся планъ обезкуражилъ бы обыкновеннаго человѣка, но препятствія удваиваютъ силы настоящаго генія. Тогда у царя зародился планъ созданія большого города, пересѣченнаго Невой. Оба берега этой величественной рѣки были на большомъ разстояніи неприступны по причинѣ болотъ. На этой зыбкой почвѣ Петръ I рѣшилъ построить городъ, который могъ бы по своей величинѣ и красотѣ соперничать съ самыми знаменитыми городами Европы. Онъ велѣлъ осушить и сдѣлать доступными болота на лѣвомъ берегу Невы за Адмиралтействомъ. Чтобы сдѣлать почву пригодной для постройки дворцовъ и прочныхъ зданій, онъ приказалъ вырыть массу подземныхъ каналовъ со сводами, по которымъ должна была стекать вода отъ дождей и снѣговъ во время оттепели и изливаться въ Неву стоячая вода изъ осушенныхъ болотъ. По его приказанію были намѣчены большія и широкія улицы, прямыя, какъ стрѣлы, и онъ заставилъ русскихъ вельможъ возводить тамъ постройки. Петръ пригласилъ иностранцевъ, главнымъ образомъ рабочихъ, поселиться здѣсь; велѣлъ вырыть четыре большихъ канала, пригодныхъ для доставленія воды во всѣ кварталы новаго города и раздвинулъ его границы, намѣченныя широкимъ рвомъ, наполненнымъ водой, предвидя, что это обширное пространство застроится въ будущемъ до-

мами его подданныхъ или иностранцевъ. Для привлеченія послѣднихъ онъ положилъ въ основу своего правленія самую широкую вѣротерпимость и всевозможныя льготы. Для того, чтобы въ будущемъ населеніе С.-Петербурга было пропорціонально его размѣрамъ, онъ рѣшилъ сдѣлать его царской резиденціей. Изъ уваженія къ памяти Петра сохраняютъ до сихъ поръ деревянный дворецъ, въ которомъ онъ жилъ до самой смерти. Въ С.-Петербургѣ строили дома для того, чтобы угодить царю. Петру доставляло радость видѣть, что намѣченныя имъ улицы населяются. Таково происхожденіе С.-Петербурга, таковы причины, вызвавшія его возникновеніе на этомъ мѣстѣ. По мнѣнію Петра I мѣстоположеніе С.-Петербурга представляло большія выгоды для русскаго флота и онъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ.

С.-Петербургъ постепенно украшался при преемникахъ Петра Великаго и особенно въ царствованіе Елизаветы и Екатерины II. Деревянные дома по большей части исчезли; красивые каменные дома, поставленные на гранитномъ фундаментѣ, блещутъ богатствомъ старинной и современной архитектуры; роскошные дворцы и великолѣпные особняки воздвигнуты повсюду. Набережныя Невы, каналовъ Мойки, Екатерининскаго, св. Николая и Фонтанки, обложенныя гранитомъ съ тротуарами для пѣшеходовъ, представляютъ картину, дѣлающую С.-Петербургъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ міра. Въ діаметрѣ онъ имѣетъ больше трехъ лье, его окружность, включая Неву, ея рукава и каналы, равна семи—восьми лье. Есть кварталы, гдѣ находятся исключительно деревянные дома или обширные пустыри; пустые участки видны даже на самыхъ населенныхъ

и лучше всего обстроенныхъ улицахъ, но съ каждымъ днемъ они исчезаютъ даже въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ. Въ настоящее время строятъ очень красивыя казармы, которыя по своей необыкновенной архитектурѣ могутъ служить украшеніемъ города. Подробное описаніе замѣчательныхъ зданій, дворцовъ, домовъ и т. д., которые находятся въ С.-Петербургѣ, составило бы цѣлый томъ; это перечисленіе мало дало бы тѣмъ, кто не видѣлъ города, и не далъ бы ничего тѣмъ, кто жилъ въ немъ.

Ограничусь описаніемъ главныхъ достопримѣчательностей. Царскій Зимній дворецъ находится на лѣвомъ берегу Невы рядомъ съ Адмиралтействомъ и по одной линіи съ нимъ, это — громадное и величественное зданіе. Мѣсто, на которомъ оно сооружено, принадлежало раньше Апраксинымъ, которые построили тамъ дворецъ. Графъ Апраксинъ подарилъ его императорской фамиліи. Въ 1754 году императрица Елизавета велѣла сломать его и построить теперешній дворецъ, оконченный только въ 1762 году послѣ ея смерти. Это великолѣпное зданіе представляетъ прямоугольникъ, одной стороной выходящій на Неву, другой—къ Адмиралтейству и на Дворцовую площадь. Длина его четыреста пятьдесятъ футовъ, ширина—триста пятьдесятъ футовъ, вышина семьдесятъ футовъ. Онъ имѣетъ просторный нижній этажъ; во второмъ этажѣ живутъ императоръ съ императрицей и царская семья; третій этажъ гораздо ниже второго. Съ боковъ и въ серединѣ—коллонада; колоннъ слишкомъ много, и онѣ какъ бы собраны въ кучу, особенно со стороны рѣки. Надъ колоннами идетъ итальянская галлерея со статуями и вазами. Внутри пріемные по-

кои очень богато обставлены. Чтобы увеличить этотъ дворецъ, выстроены по одной съ нимъ линіи три маленькихъ дворца, которые соединены съ нижнимъ этажемъ царскаго дворца крытыми галлереями, поддерживаемыми большими арками, для облегченія движенія экипажей и пѣшеходовъ. Одинъ изъ этихъ маленькихъ дворцовъ, такъ называемый Эрмитажъ, заключаетъ большую коллекцію книгъ, картинъ и гравюръ; въ немъ находится также придворный театръ. Здѣсь можно видѣть библіотеки Вольтера и Дидро, равно какъ и чудныя картины, которыя Екатерина II купила въ самыхъ знаменитыхъ галлереяхъ Парижа и, преимущественно, въ Орлеанскомъ дворцѣ.

Вельможи построили по одной линіи вдоль набережной великолѣпные дома разнообразной архитектуры. Екатерина II рядомъ съ этими домами воздвигла памятникъ, носящій печать ея великолѣпія; это такъ называемый Мраморный дворецъ. Это—прямоугольникъ въ три этажа. Длинный фасадъ этого дворца, поставленнаго на хорошо отшлифованный гранитный фундаментъ, съ большими окнами и четырехгранными колоннами изъ сѣраго мрамора, выходитъ на набережную. Въ этомъ зданіи нѣтъ ни простого камня, ни дерева; всѣ внутреннія скрѣпы—желѣзныя. Потолки—сводчатые; крыша—изъ мѣдныхъ листовъ, положенныхъ на своды; всѣ стекла оконъ вдѣланы въ мѣдную золоченую оправу; всѣ замки изъ золоченой бронзы. Обстановка и внутренняя отдѣлка не уступаютъ наружному богатству. Екатерина жила въ этомъ дворцѣ, когда желала уединиться въ обществѣ своихъ фаворитовъ; въ настоя-

щее время здѣсь останавливаются иностранные принцы.

Таврическій дворецъ, находящійся на набережной Невы, былъ выстроенъ Екатериной II для ея фаворита, князя Потемкина. Онъ блещетъ роскошью азіатскихъ дворцовъ. Описаніе его можно прочесть во второмъ томѣ „Секретныхъ мемуаровъ о Россіи“;—эта картина написана рукою мастера. Разсказъ о блестящемъ праздникѣ, устроенномъ тамъ Потемкинымъ для государыни предъ тѣмъ, какъ отправиться въ Бессарабію въ роковой для него походъ,—даетъ понятіе о безумной роскоши этого князя, ставшаго повелителемъ своей повелительницы. Екатерина II послѣ смерти Потемкина сдѣлала этотъ дворецъ своей осенней резиденціей. Всѣ дома, окаймляющіе набережную Невы, заслуживаютъ осмотра, но рѣшетка, отдѣляющая Лѣтній садъ отъ набережной Невы и составляющая продолженіе этихъ дворцовъ, достойна удивленія; она проста, но величественна и прекрасна; она сдѣлана изъ желѣза и покрыта золочеными украшеніями и поставлена на фундаментъ изъ шлифованнаго гранита; она поддерживается четырехгранными столбами изъ шлифованнаго гранита, увѣнчанными красивыми вазами изъ того же камня артистической и тонкой работы.

Въ этомъ Лѣтнемъ саду до сихъ поръ можно видѣть со стороны канала Мойки деревянный дворецъ Петра Великаго, выстроенный въ 1711 году, отремонтированный и расширенный Елизаветой, которая велѣла поставить его на каменный фундаментъ. Этотъ императорскій дворецъ не отличается ни роскошью, ни красотой; онъ интересенъ только какъ воспоминаніе о его строителѣ.

Въ томъ же Лѣтнемъ саду Павелъ I построилъ теперь дворецъ своеобразной архитектуры; когда мы уѣзжали изъ С.-Петербурга, въ немъ не доставало только большой лѣстницы: шла внутренняя отдѣлка. Снаружи этотъ дворецъ представляетъ правильный квадратъ; его основаніе держится на сваяхъ; фундаментъ изъ огромныхъ гранитныхъ глыбъ. Фундаментъ этотъ, въ пять-шесть футовъ вышиной, заключаетъ сводчатыя подземелья съ отдушинами; первый этажъ—тоже со сводами; второй довольно высокъ; третій похожъ на антресоли съ маленькими широкими окнами въ видѣ арокъ; крыша—итальянской архитектуры, крытая мѣдными листами, она увѣнчана лѣпнымъ карнизомъ, на которомъ виденъ вензель Павла I въ русскомъ стилѣ такой формы: ПП, надъ карнизомъ сдѣлана мраморная балюстрада, на которой поставлены статуи и военные трофеи.

Маленькій дворъ представляетъ правильный восьмиугольникъ; туда нельзя въѣхать ни въ экипажѣ, ни верхомъ; чтобы достичь главнаго входа, который пестритъ орнаментами, надо миновать три подъемныхъ моста; нѣсколько мраморныхъ ступеней ведутъ къ большому вестибюлю, выложенному разноцвѣтнымъ мраморомъ; въ этомъ вестибюлѣ находится большая великолѣпная лѣстница изъ сѣраго мрамора съ двойными перилами, ступени которой, изъ цѣльнаго куска, имѣютъ двѣнадцать футовъ въ длину. Эту лѣстницу поддерживаютъ круглыя и квадратныя колонны изъ цѣльнаго гранита, каждая два съ половиною фута въ діаметрѣ и пятнадцать-восемнадцать футовъ вышины; восьмиугольный дворъ не

имѣетъ другого выхода кромѣ большой двери, ведущей въ вестибюль, но изъ дворца можно спуститься на террасы, окружающія дворецъ, черезъ нѣсколько дверей—средняя дверь выше и лучше отдѣлана, чѣмъ остальныя, и выходитъ на каналъ Фонтанку. Дворецъ этотъ окруженъ водою; рвы облицованы гранитомъ; высокія мраморныя колонны, образующія выступъ въ серединѣ фасада, чрезмѣрно тонки; окна главнаго этажа слишкомъ узки и недостаточно высоки, они не изящны и не пропорціональны, и по общему наружному виду этого дворца нельзя сказать, что это величественные царскіе покои; шесть тысячъ рабочихъ были заняты тамъ ежедневно, отдѣлывая аппартаменты. Зеркальныя стекла оконъ вставлены въ мѣдную золоченую оправу; тамъ можно найти порфировые камины, столы изъ лапислазури, замки изъ золоченой бронзы. Это зданіе можетъ поразить знатоковъ архитектуры, но не вызоветъ въ нихъ восторга; они пожалѣютъ, что такія затраты были сдѣланы не на сооруженіе дворца болѣе достойнаго восхищенія. Одинъ итальянецъ назвалъ его феноменомъ,—это подходящее слово для обозначенія этого страннаго зданія: рѣдко можно найти такое соединеніе роскоши и безвкусицы. Снаружи дворецъ больше всего походитъ на Бастилію.

Передъ подъемными мостами, черезъ которые входятъ во дворецъ, въ двухъ туазахъ отъ него съ двухъ сторонъ широкой дороги выстроены два павильона съ колоннадой; они предназначены для статсъ-дамъ и фрейлинъ. Генералитетъ будетъ занимать нижній этажъ замка. Шпиль императорской часовни очень высокъ и покрытъ также, какъ на Адми-

ралтействѣ, червоннымъ золотомъ. Эта часовня богато украшена и посвящена Михаилу Архангелу. Дворецъ называется Михайловскимъ.

То, что разсказываютъ въ С.-Петербургѣ о причинѣ постройки этого дворца, покажется басней здравомыслящимъ людямъ, — слѣдующую исторію передаютъ, какъ фактъ: одинъ солдатъ, стоявшій ночью на часахъ около стараго Лѣтняго дворца, деревяннаго дома, въ которомъ жила Елизавета, клянется, что Архангелъ Михаилъ явился ему и приказалъ возвѣстить Павлу I, что тотъ долженъ построить на этомъ мѣстѣ церковь въ честь его. Приведенный къ царю, солдатъ повторяетъ то, что, по его словамъ, ему приказалъ Архангелъ. Павелъ отвѣчаетъ: „приказъ Архангела Михаила будетъ исполненъ“. И тотчасъ же отъ десяти до двѣнадцати тысячъ рабочихъ были употреблены на эту постройку... Русскіе суевѣрны и легковѣрны, но можно ли допустить, что царь, умный и образованный человѣкъ могъ повѣрить разсказу этого солдата? Горацій говоритъ: „Credat judoeus apella, non ego.

Садъ этого дворца представляетъ обширное мѣсто, окруженное стѣной въ семь-восемь футовъ вышины. Тамъ построены большія и просторныя зданія для теплицъ, оранжерей и зимнихъ садовъ. Павелъ I спѣшилъ съ постройкой дворца и всѣхъ его службъ, чтобы поселиться тамъ. Роскошный и помѣстительный дворецъ его предшественниковъ на набережной Невы ему не нравится. Его преемникъ, безъ сомнѣнія, вернется туда со своимъ дворомъ. Дворцы—Шереметева на Фонтанкѣ, Разумовскаго и Чернышева

на Мойкѣ являются памятниками архитектуры, гдѣ роскошь сочеталась со вкусомъ. Послѣдній, купленный Павломъ I, былъ подаренъ принцу Кондэ. Императоръ приказалъ начертать золотыми буквами на двери: Дворецъ Кондэ.

Князьямъ Григорію Орлову, Потемкину и Зубову,— троимъ фаворитамъ или оффиціальнымъ любовникамъ Екатерины II, были пожалованы въ знакъ благоволенія къ нимъ великолѣпные дворцы; въ настоящее время эти дворцы принадлежатъ двору.

Я не могу обойти молчаніемъ большой и красивый дворецъ графа Строганова. Этотъ вельможа, очень умный, любезный и надѣленный большимъ вкусомъ, много путешествовалъ съ пользой для себя; обладая огромнымъ состояніемъ, онъ собиралъ рѣдкостныя и интересныя картины, гравюры, статуи, книги и коллекціи по естественной исторіи и сдѣлалъ изъ своей прекрасной галлереи одну изъ главныхъ достопримѣчательностей С.-Петербурга. Я имѣлъ честь познакомиться съ нимъ въ Парижѣ: онъ относился ко мнѣ крайне дружески. Его столъ безспорно одинъ изъ лучшихъ въ С.-Петербургѣ. Павелъ I, удостоившій Строганова своимъ благоволеніемъ и допустившій его въ свой интимный кружокъ, назначилъ его президентомъ императорской Академіи Художествъ: этотъ выборъ удовлетворилъ всѣхъ артистовъ и знатоковъ.

У графа Строганова я имѣлъ честь сойтись съ княземъ Бѣлозерскимъ. Его образованіе и привѣтливость дѣлаютъ его общество очень интереснымъ. Его картинная галлерея показалась мнѣ очень цѣнной. Его столъ и домъ славятся; онъ созданъ для

того, чтобы имѣть друзей. Онъ былъ посломъ Екатерины II въ Туринѣ. Она отозвала его и подвергла опалѣ за то, что его депеши были слишкомъ остроумны и за то, что онъ писалъ французскіе стихи. „Достойный человѣкъ съ большимъ художественнымъ вкусомъ и большимъ умомъ, пользовавшійся своимъ огромнымъ состояніемъ, чтобы оказывать покровительство искусствамъ“,—такъ говоритъ сатирикъ-авторъ секретныхъ мемуаровъ о Россіи, давшій намъ портреты царедворцевъ того времени.

Въ моментъ моего отъѣзда князь прислалъ мнѣ епископскій перстень: это красивый, большой лиловый драгоцѣнный камень, окруженный брилліантами, въ золотой оправѣ. Сопровождавшая его записка была составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Я желаю, господинъ аббатъ, чтобы вы иногда вспоминали о внушенномъ мнѣ вами чувствѣ уваженія, и я прошу васъ поэтому принять епископскій перстень, который я дарю вамъ отъ чистаго сердца.

Подписано: князь Бѣлозерскій“.

Въ С.-Петербургѣ находятся на Васильевскомъ Островѣ, на правомъ берегу Невы, два учрежденія, достойныя вниманія.

Первое—Императорская Академія Художествъ; благодаря своей величинѣ и благородству архитектуры она представляетъ чудное зрѣлище, когда глядишь на нее съ набережной Невы, называемой Англійской. Обширные залы внутри представляютъ студіи для изученія живописи, гравированія, лѣпки, рисованія, архитектуры и механики съ моделями для этихъ

разнообразныхъ искусствъ. Въ Академіи живутъ двѣсти человѣкъ учениковъ, собранныхъ со всѣхъ губерній имперіи; они получаютъ даромъ квартиру, столъ, одежду и образованіе съ девятилѣтняго возраста до восемнадцати—двадцати лѣтъ; по всѣмъ отраслямъ искусства имѣются особые учителя; каждый ученикъ помѣщенъ въ ту студію, гдѣ изучаютъ искусство, къ которому онъ чувствуетъ призваніе. Когда эти ученики оканчиваютъ курсъ, они несутъ свои таланты на родину, гдѣ правительство даетъ мѣста наиболѣе отличившимся изъ окончившихъ. Я присутствовалъ при обѣдѣ этихъ двухсотъ учениковъ. Они всѣ были въ обширной залѣ, размѣстившись по двадцати человѣкъ за столомъ; за каждымъ столомъ сидѣлъ надзиратель и служили два лакея. Ученики раздѣлены на два класса по сотнѣ человѣкъ въ каждомъ. Первый—старшій, второй—для менѣе успѣвающихъ. Тишина, порядокъ, благопристойность и чистота царятъ за этими столами. Ученики получаютъ на обѣдъ хорошій супъ и три блюда: овощи, говядину и что-нибудь мучное; на ужинъ—супъ и мясо съ овощами; на завтракъ—по куску хлѣба: хлѣбъ вкусный и хорошій. Классы различаются по цвѣту одежды. Въ каждомъ отдѣленіи раздаются награды. Екатерина II, которая значительно увеличила субсидію этому полезному учрежденію, часто удостаивала его своими посѣщеніями, чтобы возбудить соревнованіе среди учащихся. Павелъ I, больше занятый военными дѣлами, повидимому, удѣляетъ ему меньше вниманія.

Когда я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, президентомъ академіи былъ графъ Шуазель Гуфье, бывшій

прежде французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ; по уму, вкусу, образованію и талантамъ онъ былъ созданъ для того, чтобы руководить дѣятельностью этой полезной Академіи. Будучи посланникомъ при турецкомъ дворѣ, онъ оказалъ услуги Россіи. Екатерина II во время французской революціи призвала его къ себѣ, пожаловала ему землю въ Украйнѣ и Литвѣ, наградила его голубой Андреевской лентой,—орденомъ первой степени въ имперіи, и поставила его во главѣ Академіи Художествъ. Во время моего пребыванія въ С.-Петербургѣ Павелъ I сослалъ графа въ его имѣнія, лишивъ его должности за то, что онъ посѣтилъ своего друга графа Кобенцля,—вѣнскаго посланника, подвергшагося опалѣ императора. Его замѣстилъ графъ Строгановъ, о которомъ я уже говорилъ.

Г. Глауберъ изъ Аугсбурга, знаменитый граверъ, игравшій видную роль въ Академіи, былъ нашимъ проводникомъ и нашимъ чичероне.

Второе учрежденіе въ томъ же кварталѣ—Академія Наукъ; она находится напротивъ Адмиралтейства и построена недурно, но ни ея архитектура, ни общій видъ не производятъ того грандіознаго впечатлѣнія, какъ Академія Художествъ. Въ ея залахъ и кабинетахъ находятся достопримѣчательности и рѣдкостныя растенія и животныя всѣхъ видовъ, начиная съ соболя и кончая слономъ, и различныя азіатскія и американскія племена въ туземныхъ одѣяніяхъ.

Въ особой комнатѣ стоитъ статуя Петра I, облеченная въ одежду, въ которой онъ вѣнчался съ Екатериной I. Онъ изображенъ въ натуральную вели-

чину, сидящимъ въ креслѣ, лицо его и руки сдѣланы изъ воска,—сходство, говорятъ, поразительное: онъ точно живой. Въ томъ же кабинетѣ находятся портреты его предковъ и его супруги Екатерины, дочери барабанщика *), характеръ которой и рѣдкія качества такъ благотворно отражались на Петрѣ Великомъ. Въ сосѣднемъ кабинетѣ съ благоговѣніемъ показываютъ инструменты, которыми пользовался Петръ I для рисованія, лѣпки и гравированія. Этотъ великій человѣкъ имѣлъ огромныя способности къ механикѣ, которыя дали бы ему извѣстность и богатство, если бы онъ былъ простымъ смертнымъ. Передъ уходомъ академикъ, показывавшій намъ всѣ эти предметы, съ большими предосторожностями открылъ маленькій шкафчикъ, сдѣланный въ стѣнѣ; онъ вынулъ оттуда массивный золотой ларецъ, въ которомъ находился манускриптъ in folio. Это замѣтки съ помарками, всѣ сдѣланныя рукой Екатерины II. Намъ показалось, что на этотъ манускриптъ смотрятъ, какъ на святыню.

Кто хочетъ удовлетворить свое любопытство, можетъ по выходѣ изъ этого дворца пойти посмотрѣть зданіе двѣнадцати коллегій, нижній этажъ которой состоитъ изъ сводчатой галлереи, предназначенной для прогулокъ, а дальше, на Невкѣ,—таможню, гдѣ можно наблюдать нагрузку и разгрузку торговыхъ судовъ, которыя въ изобиліи прибываютъ въ С.-Петербургъ.

Островъ или Василеостровскій кварталъ соединенъ съ великолѣпной набережной, которая тянется по

*) Отецъ Екатерины I былъ, повидимому, земледѣлецъ. Ея первый мужъ былъ солдатъ. Ред.

лѣвому берегу Невы, начиная отъ Адмиралтейства,—мостомъ поставленнымъ на двадцати большихъ и широкихъ лодкахъ, находящихся въ двухъ туазахъ разстоянія другъ отъ друга. Мостъ этотъ проченъ и удобенъ: два-три экипажа могутъ свободно разъѣхаться на немъ; кромѣ того, для пѣшеходовъ устроена галлерея, отдѣленная барьеромъ; во время ледохода мостъ разводятъ, а по вскрытіи рѣки ставятъ опять.

У моста на лѣвомъ берегу рѣки, между Адмиралтействомъ и Сенатомъ, находится знаменитая бронзовая конная статуя Петра Великаго, воздвигнутая въ память этого царя Екатериной II. Лошадь, ея поза, величественное изваяніе Петра, поэтическая идея цѣлаго дѣлаютъ честь талантамъ г. Фальконэ—французскаго скульптора, которому принадлежитъ какъ самый замыселъ, такъ и его выполненіе. Эта конная статуя поставлена на гранитной скалѣ. Лошадь изображена на полномъ скаку, взвившейся на дыбы и перескакивающей черезъ всѣ препоны; кажется, что она бросается въ Неву. Петръ I, одѣтый въ національный костюмъ, смотритъ на теченіе рѣки, простирая къ ней правую руку. У лошади, скачущей въ галопъ, точкой опоры служитъ длинный хвостъ, упершійся въ скалу. Этотъ замыселъ геніаленъ по своей смѣлости. У ногъ лошади извивается длинная змѣя—символъ безсмертія. Надпись, сдѣланная золотыми буквами, съ двухъ сторонъ скалы, проста и величественна: Petro primo Catherina secunda. Этотъ прекрасный памятникъ окруженъ желѣзной рѣшеткой очень хорошей работы, верхнія украшенія которой вызолочены. Въ одной изъ залъ Академіи Наукъ по-

казываютъ въ уменьшенномъ видѣ модель остроумнаго механизма, при помощи котораго съ величайшимъ трудомъ была доставлена въ С.-Петербургъ изъ Финляндіи огромная глыба гранита, на которой должна была быть поставлена конная статуя.

Эта скала, вѣсомъ въ тридцать тысячъ центнеровъ, была въ двадцать два фута вышиной, въ сорокъ два длиной, въ тридцать четыре шириной и покрыта старымъ мхомъ въ нѣсколько пальцевъ толщины.

Въ такомъ именно видѣ и надо было ее поставить, чтобы сохранить поэтическую мысль о перешагнутыхъ препятствіяхъ и побѣжденныхъ трудностяхъ. Общее восхищеніе, возбуждаемое видомъ этой скалы, казалось, умаляло то, котораго справедливо заслуживала статуя. Фальконэ, завидуя этому успѣху и желая привлечь и приковать вниманіе къ своему геніальному произведенію, убѣдилъ императрицу уменьшить размѣры этой скалы. Онъ лишилъ ее естественныхъ формъ, сдѣлавъ ихъ правильными; ее обтесали, отшлифовали, очистивъ отъ мха, и уменьшили почти въ половину. Теперь,—говоритъ авторъ секретныхъ мемуаровъ,—это маленькая скала, задавленная большой лошадью. Этотъ поступокъ, вызванный честолюбіемъ, непоправимъ. Обработанная такимъ образомъ скала не представляетъ ничего внушительнаго; такое умаленіе величія этого великолѣпнаго памятника оскорбляетъ вкусъ; каждый знатокъ, глядя на него и восхищаясь имъ, не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ не относиться къ нему критически. Другимъ недостаткомъ является отсутствіе площади около памятника, которую легко можно было бы устроить, чтобы сдѣлать выше и украсить мѣсто, гдѣ находится

статуя, а также то, что она не окружена зданіями, достойными по своей красотѣ этого образцоваго произведенія искусства. Если не считать дворца, окруженнаго колоннадой, гдѣ происходятъ засѣданія Сената, это мѣсто представляетъ не болѣе, какъ обширное пространство, служащее для публики дорогой на Англійскую набережную и на Васильевскій островъ.

Напротивъ статуи виднѣется за мостомъ, находящимся на Адмиралтейскомъ каналѣ, греческая церковь Исаакія, называемая Мраморнымъ соборомъ. Куполъ его крытъ золоченой мѣдью. Екатерина заложила его тридцать лѣтъ тому назадъ, но онъ до сихъ поръ еще не оконченъ. Стѣны, столпы, колонны— все изъ мрамора, какъ снаружи, такъ и внутри. Ко дню смерти императрицы двѣ трети постройки были окончены; это самый обширный храмъ С.-Петербурга. Павелъ I достраиваетъ его медленно. Большія и прекрасныя мраморныя глыбы, привезенныя согласно первоначальному проекту для окончательной отдѣлки храма, были взяты царемъ для колоннъ новаго дворца, который онъ строитъ въ Лѣтнемъ саду. Эту церковь достраиваютъ изъ кирпича, который оштукатурятъ подъ мраморъ.

Дѣйствительно любопытное и замѣчательное зданіе представляютъ такъ называемыя „Русскія лавки“. Это большое зданіе въ видѣ трапеціи съ неравными параллельными сторонами; двѣ самыя длинныя стороны имѣютъ болѣе четырехсотъ туазъ каждая. Это необыкновенное зданіе, принадлежащее одной русской компаніи, представляетъ непрерывныя галлереи съ арками въ нижнемъ и во второмъ этажахъ. Торгъ

происходитъ въ опредѣленные дни. Лавки выходятъ на внутренній обширный дворъ и на четыре большія прекрасныя улицы. Тамъ собраны исключительно русскіе торговцы и нѣтъ ни одного иностраннаго купца. Всѣ лавки торгуютъ оптомъ и въ розницу. Въ этихъ лавкахъ собрано все, что только можно пожелать: шелковыя ткани, сукна, полотна, серебряная и золотая парча, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, драгоцѣнности, картины, гравюры, книги, фарфоръ, фаянсъ, стеклянная посуда, подержанныя вещи, бакалейные тавары, ароматическія травы, чай, шоколадъ, ревень, аптекарскіе товары, съѣстные продукты, всякаго рода утварь. Эти многочисленныя и разнообразныя лавки представляютъ любопытное зрѣлище для иностранца. Прогулка въ лучшемъ кварталѣ С.-Петербурга по верхнимъ и нижнимъ галлереямъ, защищеннымъ отъ непогоды, очень пріятна.

Все это зданіе—кирпичное и оштукатурено такъ, что кажется построеннымъ изъ тесанаго камня. Оно образуетъ своды подъ крышей, крытой краснымъ листовымъ желѣзомъ. При постройкѣ его не употреблялось дерева; въ немъ нѣтъ ни печей, ни каминовъ, ни освѣщенія. Жилища и кухни этихъ торговцевъ находятся внѣ этого мѣста. Лавки закрываются съ наступленіемъ сумерекъ, чтобы не зажигать огня. Мѣховыя шапки, валенки, шубы, огромные, тщательно закрытые, оловянные сосуды съ кипяткомъ—вотъ чѣмъ борятся съ суровостью климата. Множество людей, которые прогуливаются по галлереямъ и тѣ, которые входятъ и выходятъ изъ лавокъ, дѣлаютъ температуру выше, чѣмъ на улицахъ.

Другая любопытная вещь это—большіе живорыб-

ные садки, устроенные на баржахъ, стоящихъ на каналахъ, перерѣзывающихъ городъ, и особенно на Мойкѣ. Эти баржи прикрѣплены къ берегу канатами. Дно ихъ представляетъ длинный чанъ съ отверстіями, которыя пропускаютъ воду; здѣсь держатъ наловленную рыбу. Можно всегда получить свѣжую рыбу даже въ зимнюю пору, Каналы такъ же глубоки, какъ и Нева, которая ихъ снабжаетъ водой; тамъ вырубаютъ льдины въ четыре фута толщиной. Чтобы имѣть воду, дѣлаютъ колодцы во льду каналовъ, равно какъ и во льду Невы. Въ С.-Петербургѣ нѣтъ ни колодцевъ ни фонтановъ; люди и животныя довольствуются водой изъ рѣки и каналовъ.

Потребленіе мороженой рыбы, прибывающей изъ Кронштадтскаго залива, съ Ладожскаго озера и Балтійскаго моря, изъ Архангельска и съ Волги, очень велико. Когда рыба приготовлена, то незамѣтно, что она мерзлая; существуетъ способъ оттаиванія и приготовленія этой рыбы, который придаетъ ей видъ и вкусъ только что пойманной.

Кромѣ русскихъ лавокъ въ наиболѣе модныхъ кварталахъ существуютъ большіе и богатые англійскіе, голландскіе, итальянскіе и французскіе магазины. Роскошные товары, выставленные тамъ, дороже, чѣмъ въ русскихъ лавкахъ, но ихъ лучшее, качество общепризнано. Французы торгуютъ модными вещами и книгами—очень прибыльнымъ товаромъ. Французскіе книгопродавцы здѣсь наживаются: на книги непомѣрно высокая цѣна; рѣдкій вельможа, даже изъ числа тѣхъ, кто лишенъ ума и образованія, не имѣетъ въ своемъ дворцѣ библіотеки съ книгами въ богатыхъ переплетахъ, картинной галлереи и кол-

лекціи по естественной исторіи. Тщеславіе заставляетъ вельможъ расточать свои доходы и часто увеличивать долги, чтобы окружать себя этимъ наружнымъ блескомъ. Тщеславіе питаетъ въ С.-Петербургѣ роскошь; отсутствіе ея считается постыднымъ; вообще о русскихъ вельможахъ можно сказать, что они не уступаютъ никому въ Европѣ по своей роскоши, вкусу, изысканности стола и меблировки. Ихъ громадные доходы и склонность дѣлать долги даютъ имъ возможность удовлетворять свои потребности.

Рядомъ съ русскими лавками видно великолѣпное и изящное зданіе Государственнаго банка,—какъ въ постройкѣ, такъ и въ отдѣлкѣ его чувствуется вкусъ.

Мальтійскій дворецъ, или зданіе ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, выстроенъ напротивъ самаго большого корпуса русскихъ лавокъ; онъ заслуживаетъ также бѣглаго осмотра. Его дворъ, отдѣленный отъ улицы красивой рѣшеткой, очень просторенъ; его службы занимаютъ значительное пространство. Внутренность только что воздвигнутой здѣсь католической церкви поражаетъ необычайностью, неожиданностью и вмѣстѣ съ тѣмъ красотой, живописностью, богатствомъ и простотой своей архитектуры; она невелика, но размѣры ея такъ пропорціональны, что она кажется больше, чѣмъ есть. Императорскій балдахинъ надъ тономъ великаго мастера—художественной работы: онъ великолѣпно расшитъ золотомъ и разноцвѣтными шелками. Рисунокъ и вышивка для этого балдахина были сдѣланы подъ наблюденіемъ одного лангедокскаго дворянина-эмигранта, который изъ военнаго и рыцаря св. Людовика превратился въ

живописца и вышивальщика, чтобы никому не быть въ тягость. Канцелярія и казна ордена находятся въ этомъ дворцѣ и тамъ приготовлены апартаменты для столповъ языковъ, которые будутъ пребывать въ С.-Петербургѣ.

Набережная, каналы и улицы.

Великолѣпная набережная Невы.—Набережная и каналъ Фонтанка.—Екатерининскій каналъ и его набережная.—Набережная и каналъ Мойки.—Николаевскій каналъ и набережная.—Распредѣленіе воды въ С.-Петербургѣ.—Зимнія развлеченія на Невѣ.—Улицы. —Три адмиралтейскихъ квартала. — Невскій проспектъ.—Аллеи на проспектѣ, ихъ быстрое устройство и посадка деревьевъ въ самую суровую зимнюю пору. —Уха или русскій супъ. — Казармы.—Кровли.—Мостовая.—Русскія телѣги.

Мы не знаемъ ни одного города въ Европѣ, который могъ бы сравниться съ С.-Петербургомъ по красотѣ и великолѣпію набережныхъ. Большая набережная по лѣвой сторонѣ Невы начинается въ концѣ Галерной гавани и тянется на протяженіи одного съ четвертью лье, прямая, какъ стрѣла, до монастыря, гдѣ воспитываются двѣсти дѣвицъ благороднаго происхожденія; вплоть до Зимняго дворца на набережной не возвышается ничего, кромѣ Адмиралтейства и конной статуи Петра Великаго.

Эта набережная отъ самаго дна Невы и на три фута надъ водой облицована великолѣпными гра-

нитными плитами: для пѣшеходовъ устроенъ тротуаръ въ одинъ футъ вышиной и въ шесть футовъ шириной. Улица между тротуаромъ и дворцами, украшающими этотъ кварталъ, довольно широка: на ней могутъ разъѣхаться три-четыре кареты.

Съ этой набережной глазамъ открывается величавое теченіе Невы, которая спокойно катитъ свои глубокія воды посреди С.-Петербурга. Разукрашенныя лодки, пѣсни лодочниковъ, отчаливающія и прибывающія суда образуютъ лѣтомъ весьма занимательное зрѣлище. Зимою множество саней и пѣшеходовъ, пересѣкающихъ эту рѣку, покрытую слоемъ льда отъ четырехъ до пяти футовъ толщиной, образуютъ другую не менѣе любопытную картину.

На противоположномъ берегу открывается видъ на Василеостровскій кварталъ, крѣпость и Выборгскую сторону съ красивыми дачами, которыя находятся здѣсь въ большомъ числѣ.

Набережная Невы имѣетъ на опредѣленномъ разстояніи одинъ отъ другого выступы, откуда идутъ двойные, очень отлогіе спуски для того, чтобы черпать воду, грузить суда, проходить зимой пѣшкомъ или проѣзжать на саняхъ. Въ промежуткахъ между этими спусками устроены скамьи для гуляющихъ.

Нева образуетъ и питаетъ четыре канала, окружающихъ и перекрещивающихъ на лѣвой сторонѣ лучше всего обстроенные и наиболѣе замѣчательные кварталы этого большого города. Самый значительный изъ этихъ каналовъ—Фонтанка; онъ представляетъ правильную дугу, охватывающую три квартала Адмиралтейства, красивѣйшіе во всемъ С.-Петербургѣ; онъ вытекаетъ изъ Невы и впадаетъ въ

Кронштадтскій заливъ; надо цѣлыхъ два часа, чтобы пройти пѣшкомъ всю набережную Фонтанки. Каналъ этотъ также, какъ и Нева, одѣтъ гранитомъ и окруженъ высокой желѣзной рѣшеткой весьма искусной работы; рядомъ съ нимъ устроенъ тротуаръ для пѣшеходовъ и лѣстницы для спуска; онъ окайменъ великолѣпными особняками и общественными зданіями, въ родѣ казармъ и больницъ, замѣчательной архитектуры. Мосты на этомъ каналѣ изъ отшлифованнаго гранита и украшены четырьмя квадратными гранитными башенками, надъ которыми возвышается сводъ, увѣнчанный золотымъ шаромъ.

Второй каналъ—Екатерининскій, окружаетъ меньшее пространство, чѣмъ предыдущій; онъ одѣтъ гранитомъ, имѣетъ желѣзную рѣшетку фута въ три величиной и тротуаръ; онъ вытекаетъ изъ Фонтанки и опоясываетъ два первыхъ квартала Адмиралтейства.

Третій каналъ—Мойка, питаемый Екатерининскимъ каналомъ и Невой. Онъ опоясываетъ первый кварталъ Адмиралтейства; облицованъ пока только досками и окруженъ деревянными перилами; его набережная лишена тротуара; но Павелъ I хочетъ, чтобы онъ былъ подобенъ двумъ первымъ каналамъ; на немъ кипитъ работа: на значительномъ пространствѣ онъ уже покрытъ гранитомъ. Мосты на каналѣ деревянные и выкрашены въ разные цвѣта. Они покрыты черными, бѣлыми, зелеными, красными и голубыми полосами. Отсюда происходятъ названія трехъ главныхъ мостовъ: Зеленый мостъ, Красный мостъ, Голубой мостъ.

Четвертый каналъ называется Николаевскимъ. Онъ

меньше всѣхъ и вытекаетъ изъ Невы, пересѣкаетъ Мойку и Екатерининскій каналъ, впадая въ Фонтанку; на Англійской набережной черезъ него перекинутъ мостъ. Онъ одѣтъ гранитомъ и украшенъ баллюстрадой и тротуаромъ. По серединѣ онъ дѣлаетъ поворотъ, образуя островъ, гдѣ находятся обширные и богатые склады строевого лѣса и верфи. Островъ этотъ называется Новой Голландіей.

Вода изъ Невы съ помощью этихъ четырехъ каналовъ распредѣляется по всѣмъ кварталамъ С.-Петербурга, расположенныхъ на лѣвомъ берегу рѣки, самыхъ значительныхъ и наиболѣе населенныхъ. Вода въ Невѣ очень прозрачна и здорова; она сохраняла бы эти качества во всякое время, если бы въ домахъ имѣлись, какъ въ Парижѣ, песочные фильтры; она почти всегда вызываетъ у иностранцевъ разстройство желудка, но оно скоро проходитъ. Вода, которую черпаютъ въ каналахъ, особенно въ Мойкѣ, обыкновенно мутная, грязноватая, нездоровая и противная на вкусъ благодаря нечистотамъ, которыя стекаютъ изъ окаймляющихъ каналъ домовъ; русскіе исправляютъ ее тѣмъ, что кипятятъ и подбавляютъ въ нее уксусъ.

Нева и ея каналы покрыты льдомъ шесть-восемь мѣсяцевъ въ году; ее переходятъ пѣшкомъ и переѣзжаютъ на саняхъ. Эта величественная рѣка вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, одного изъ величайшихъ озеръ Европы, находящагося въ двадцати лье отъ С.-Петербурга. Хотя она имѣетъ всего лишь двадцать лье въ длину, но безспорно представляетъ одну изъ красивѣйшихъ рѣкъ Европы. У С.-Петербурга она раздѣляется на три рукава: первый—пра-

вый, называется Невкой, второй—Малой Невой, третій—Большой Невой. Невка отдѣляетъ Выборгскую сторону отъ Петербургской стороны, гдѣ находятся крѣпость и соборъ св. апостоловъ Петра и Павла.

Малая Нева отдѣляетъ послѣдній кварталъ отъ Васильевскаго острова. Большая Нева течетъ между тремя этими кварталами и остальнымъ городомъ, гдѣ находятся Адмиралтейство, императорскіе дворцы и семь другихъ самыхъ значительныхъ и населенныхъ кварталовъ этой императорской резиденціи, раздѣленной на десять кварталовъ,

Большая Нева представляетъ широкій и величественный потокъ, настолько глубокій, что онъ можетъ принимать самыя крупныя суда: торговыя суда приплываютъ сюда изъ Балтійскаго моря и океана. Эти суда становятся на якорь большею частью въ Малой Невѣ, которая, будучи заслонена слѣва Васильевскимъ островомъ, а справа Петербургской стороной или крѣпостью, образуетъ просторную и безопасную гавань. Съ набережной Невы гавань эта представляетъ любопытное и интересное зрѣлище.

Передъ Великимъ постомъ, когда рѣка покрыта слоемъ льда въ четыре фута толщиной, обыватели устраиваютъ игры и развлеченія на той части Невы, которая находится въ концѣ большой набережной, противъ монастыря благородныхъ дѣвицъ. Недѣля, предшествующая посту, называется масленицей,—понѣмецки buttervoch, потому что послѣ этой недѣли масло также, какъ говядина и яйца, строго запрещены до самой Пасхи. Эта недѣля—русскій карнавалъ. Всѣ дни ея посвящены удовольствіямъ; лавки

закрываются; рабочіе бросаютъ работу; народъ наряжается по праздничному. Изъ всѣхъ кварталовъ города стекаются толпы въ то мѣсто, гдѣ устраиваются зрѣлища для народа, который устремляется сюда пѣшкомъ и на саняхъ; богатые люди и знать, даже самъ дворъ, появляются тамъ въ самыхъ блестящихъ экипажахъ; здѣсь можно видѣть скомороховъ, ломающихся на подмосткахъ, канатныхъ плясуновъ, продавцовъ всевозможныхъ лакомствъ, навѣсы, подъ которыми пьютъ и ѣдятъ; но главной забавой, привлекающей знать и простонародье, являются ледяныя горы, съ высоты которыхъ спускаются парами, стремительно несясь по крутому спуску на изящныхъ санкахъ; толчекъ при спускѣ такъ силенъ, что санки и сидящіе на нихъ продолжаютъ двигаться въ теченіе цѣлой четверти часа по круглой ледяной аренѣ, окруженной заборомъ и скамьями для зрителей; вокругъ въ пять или шесть рядовъ ѣдутъ шагомъ кареты, причемъ порядокъ поддерживаютъ пѣшіе и конные солдаты; санки подкатываются къ подножью очень высокой деревянной лѣстницы, на которую поднимаются, таща за собою санки. Когда достигаютъ платформы, то оттуда снова катятся стремглавъ внизъ такимъ же образомъ. Молодые люди и дѣвицы катаются попарно, одѣтые въ русскіе костюмы, отличающіеся богатствомъ и изяществомъ. Муфты, шубы, подбитые мѣхомъ сапоги, а въ особенности удовольствіе, доставляемое русскимъ этимъ развлеченіемъ, заставляютъ забывать обычно очень крѣпкій морозъ. Императоръ, императрица, великіе князья и княгини одинъ или два раза въ годъ удостаиваютъ своимъ присутствіемъ это зрѣлище, выѣзжая со всей свитой.

Читателю, можетъ быть, интересно знать, какъ строятся эти ледяныя горы; подъ такимъ названіемъ онѣ извѣстны въ С.-Петербургѣ. На шести площадкахъ, отъ сорока до пятидесяти футовъ высотой, устраивается съ помощью толстыхъ досокъ платформа; эта платформа окружена перилами; на одной изъ самыхъ длинныхъ сторонъ ставятъ сбоку лѣстницу, по которой поднимаются на верхъ, а на противоположной сторонѣ строятъ изъ толстыхъ, хорошо укрѣпленныхъ на крѣпкихъ столбахъ, досокъ, длинный, очень крутой спускъ въ шесть-восемь футовъ шириной, съ бортами въ пять-шесть дюймовъ; этотъ спускъ покрываютъ на половину снѣгомъ, который уминаютъ, затѣмъ поливаютъ водой; морозъ дѣлаетъ этотъ спускъ гладкимъ, какъ зеркало. По этому ледяному зеркалу пары скатываются съ высоты платформы.

Въ тѣ дни, когда можно наблюдать это зрѣлище, Нева покрыта, какъ я самъ былъ тому свидѣтель, безчисленной толпой; одни являются актерами, другіе—зрителями; толпа эта ежеминутно обновляется; наверху платформы находится касса, гдѣ платятъ по пяти копѣекъ за каждый спускъ.

Пасхальная недѣля приноситъ съ собой развлеченія другого рода: эта недѣля, подобно предшествующей Великому посту, посвящена вся цѣликомъ пирамъ, празднествамъ и удовольствіямъ. Русскія семьи,—отцы, матери, дѣти, наряженные, какъ въ самые торжественные дни, перекочевываютъ на обширное, открытое мѣсто, которое находится посреди города на лѣвомъ берегу Невы; тамъ водворяются фигляры и скоморохи, раскидываются лавки со все-

возможными яствами и напитками, качели всѣхъ видовъ,—однѣ веревочныя, другія вращающіяся, какъ крылья мельницъ; катающіеся садятся часто попарно въ кресла, которыя вертятся, оставаясь на одинаковомъ разстояніи отъ земли, на которой поставлена карусель. Ежедневно аристократы, въ самыхъ блестящихъ своихъ экипажахъ, по цѣлымъ часамъ ѣздятъ шагомъ вокругъ этихъ качелей, привлекающихъ весь городъ. Я видѣлъ тамъ императрицу и великихъ княгинь въ парадныхъ каретахъ и императора верхомъ, въ сопровожденіи наслѣдника и многочисленной свиты.

Я замѣтилъ, что въ эти дни, посвященные празднествамъ и удовольствіямъ, русскіе, у которыхъ, по общему правилу, веселая, открытая и жизнерадостная физіономія, отдаются этимъ развлеченіямъ безъ единаго крика радости и безъ жестовъ, выражающихъ энтузіазмъ; во время этихъ зрѣлищъ царствуетъ молчаніе и всѣ такъ серьезны, что нелегко уловить страстное увлеченіе ими.

Улицы С.-Петербурга—одно изъ главныхъ украшеній этого города: всѣ онѣ прямыя, какъ стрѣла, даже тѣ изъ нихъ, которыя проложены вдоль дуги и кривыхъ линій Фонтанки, Екатерининскаго канала и Мойки. Эти каналы раздѣляютъ и окаймляютъ три прекрасныхъ квартала, называемыхъ Адмиралтейскими: всѣ эти три квартала называются такъ потому, что три большихъ и широкихъ улицы, пересѣкающія ихъ, сходятся подъ угломъ у башни или стрѣлы Адмиралтейства, которая видна на нихъ отовсюду. Онѣ имѣютъ одно лье въ длину. Улица, называемая Невскимъ проспектомъ, идетъ отъ Адми-

ралтейства и тянется по прямой линіи до знаменитаго монастыря св. Александра Невскаго. Она пересѣкаетъ Мойку, Екатерининскій каналъ и Фонтанку; она такъ широка, что двѣнадцать каретъ въ рядъ могутъ проѣхать по ней.

Во время моего пребыванія въ С.-Петербургѣ Павелъ I велѣлъ разбить на этомъ великолѣпномъ проспектѣ, во время сильнѣйшихъ морозовъ, двѣ аллеи для пѣшеходовъ, причемъ каждая состояла изъ двухъ рядовъ деревьевъ; эти аллеи тянутся на полъ-лье отъ Мойки до Фонтанки; каждая изъ этихъ аллей имѣетъ восемь футовъ въ ширину и окружена оградой, раскрашенной въ различные цвѣта; пространство между аллеями образуетъ улицу; по ней могутъ проѣхать шесть каретъ въ рядъ, а съ противоположной стороны каждой аллеи до домовъ идутъ двѣ улицы, достаточно широкія для того, чтобы на нихъ могли разъѣхаться двѣ кареты. Деревья, посаженныя со всѣми своими вѣтвями, имѣютъ отъ пятнадцати до двадцати футовъ въ вышину: онѣ вырваны и пересажены съ корнями и землей, изъ которой они извлечены, въ смерзшійся снѣгъ. Для нихъ вырыты ямы въ четыре-пять футовъ глубиной, причемъ обледенѣлую землю разбивали ударами заступа; когда яма была вырыта на одинъ или два дюйма, то туда клали кучу дровъ, которую зажигали, чтобы земля могла оттаять. Понадобилась власть императора, чтобы приказать, осуществить и довести до конца подобныя работы: тамъ были ежедневно заняты десять тысячъ рабочихъ. На наслѣдника, великаго князя Александра, была возложена обязанность наблюденія за ними и доведенія работъ до конца

къ назначенному императоромъ сроку. Деревья были вырваны съ корнями и пересажены; аллеи усыпаны пескомъ и окружены газономъ, добытымъ изъ-подъ снѣга; ограды изъ камня были поставлены и выкрашены въ продолженіе одного мѣсяца, —срокъ, назначенный императоромъ; его приказъ былъ въ точности исполненъ. Я былъ свидѣтелемъ этого чуда власти и видѣлъ, какъ Его Величество прогуливался верхомъ, во главѣ многочисленной свиты, посреди большой улицы, окаймленной аллеями, наслаждаясь сознаніемъ того, что его приказанія исполнены. Но меня особенно поразило то, что въ концѣ мая я прогуливался въ тѣни этихъ деревьевъ, покрытыхъ листвой. Въ этихъ сѣверныхъ странахъ листья развертываются крайне быстро; деревья, сегодня еще покрытыя снѣгомъ, завтра оказываются усыпанными почками, а черезъ три дня одѣтыми листьями и цвѣтами. Посадку этихъ деревьевъ взяла на себя одна компанія. Я узналъ, что каждый футъ дерева, пересаженнаго съ корнями, стоилъ пятнадцать рублей, или семьдесятъ франковъ на наши деньги; но предприниматели отвѣчаютъ за нихъ въ теченіе трехъ лѣтъ; они обязаны замѣнять новыми тѣ, которыя погибнутъ за этотъ періодъ, считая начало его со дня ихъ посадки.

Поразительно, что городъ, въ которомъ не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать его выше знаменитѣйшихъ городовъ Европы, не имѣетъ ни одной правильно устроенной площади: тамъ можно видѣть только обширныя открытыя мѣста, окруженныя домами. Статуя Петра Великаго заслуживаетъ того, чтобы вокругъ нея устроить цѣлую площадь; передъ

Зимнимъ императорскимъ дворцомъ находится достаточно обширное мѣсто и было бы очень легко устроить замѣчательную площадь на широкомъ пространствѣ, гдѣ русскіе веселятся во время пасхальной недѣли.

Одно изъ такихъ обширныхъ и незастроенныхъ мѣстъ въ С.-Петербургѣ представляетъ любопытное зрѣлище въ послѣдніе дни декабря и пятнадцатаго января: въ это время жители этого большого города запасаются мороженой говядиной, дичью и рыбой на пять-шесть мѣсяцевъ. Туда привозятъ на тысячахъ саней быковъ, телятъ, барановъ, свиней, всевозможную дичь, домашнюю и дикую птицу; все это везутъ за сорокъ, пятьдесятъ и шестьдесятъ лье; туши складываются въ отдѣльныя правильныя кучи, которыя тянутся рядами, образуя улицы; гуляешь между горами замерзшей снѣди; покупатели прибываютъ и отливаютъ волной, перенося эти припасы въ свои ледники и питаясь ими въ теченіе шести-семи зимнихъ мѣсяцевъ; чтобы мясо оттаяло, его кладутъ въ самую холодную воду и по его вкусу нельзя сказать, что оно мороженое. Припасы этого рода потребляются въ русскихъ трактирахъ и простонародьемъ; впрочемъ, въ С.-Петербургѣ можно во всякое время достать свѣжую говядину и свѣжую рыбу. У знатныхъ вельможъ и за самыми роскошными обѣдами подаютъ часто прекрасную мороженую рыбу, которая доставляется изъ Архангельска, Ладожскаго озера, Балтійскаго моря и Волги; существуетъ одна очень дорогая порода этой рыбы, которую покупаютъ нарасхватъ, называемая стерлядью: лучшіе экземпляры имѣютъ два фута въ длину и отъ

шести до семи люймовъ въ ширину; голова ея походитъ на голову очень крупной щуки; рыба эта превосходнаго вкуса; изъ нея, главнымъ образомъ, дѣлаютъ супъ, который русскіе называютъ ухой; эти супы являются роскошью знатныхъ вельможъ; самая дешевая уха, приготовленная для небольшого числа гостей, стоитъ отъ шестидесяти до восьмидесяти рублей; иногда она стоитъ двѣсти и триста рублей; на всѣхъ парадныхъ обѣдахъ подаютъ уху. Она представляетъ наваристый бульонъ изъ разной рыбы; маленькія и среднія стерляди разрѣзываютъ на куски. Я ѣлъ ее нѣсколько разъ: это — чудесный, вкусный супъ, но такіе расходы на ѣду вызываютъ досаду. Противъ подобныхъ чудовищныхъ тратъ гремѣлъ гнѣвный Ювеналъ, описывая роскошь Лукулловскихъ пировъ.

Половина территоріи, находящейся въ границахъ С.-Петербурга, еще не застроена; тамъ намѣчены улицы, но на нихъ можно встрѣтить всего лишь нѣсколько зданій. Съ каждымъ днемъ населеніе возрастаетъ: теперешній императоръ населяетъ отдаленные кварталы, выстраивая тамъ казармы для очень многочисленнаго гарнизона и конюшни для кавалеріи, — этотъ гарнизонъ обыкновенно заключаетъ тридцать тысячъ человѣкъ. Архитектура этихъ казармъ очень любопытна; это китайскіе павильоны, середина которыхъ выдается впередъ и украшена колоннами; они весьма многочисленны и расположены симметрически. Пространство между ними образуетъ площадь для построенія войскъ въ боевой порядокъ; эти кварталы украшаются съ каждымъ днемъ и будутъ представлять крайне любопытное зрѣлище.

При Петрѣ I и его первыхъ преемникахъ почти всѣ дома были деревянные; при Елизаветѣ, Екатеринѣ II и Павлѣ I почти всѣ они были замѣнены оштукатуренными кирпичными домами, съ гранитнымъ фундаментомъ. Отнынѣ тѣмъ, кто хочетъ возводить постройки, не разрѣшается употреблять никакихъ матеріаловъ, кромѣ гранита и кирпича; существующіе деревянные дома нельзя чинить; при перестройкахъ ихъ надо дѣлать изъ кирпича. Заводы, гдѣ фабрикуютъ или обтесываютъ матеріалы того и другого рода, встрѣчаются въ изобиліи въ окрестностяхъ города; нѣтъ недостатка въ глинѣ, пригодной для выдѣлки кирпича, и въ дровахъ для обжиганія ея. Гранитъ ломаютъ довольно далеко, но водяныя сообщенія облегчаютъ перевозку его.

Крыши церквей, дворцовъ, общественныхъ зданій и домовъ богатыхъ банкировъ или негоціантовъ, покрыты мѣдными полосами, а множество частныхъ домовъ крыты листовымъ желѣзомъ, выкрашеннымъ въ красный или зеленый цвѣтъ. Дома простонародья и небогатыхъ обывателей крыты тесомъ, окрашеннымъ масляными красками на подобіе желѣза.

Мостовая на улицахъ довольно удобна для пѣшеходовъ; способъ ея постройки требуетъ ежегодныхъ починокъ послѣ того, какъ сойдетъ снѣгъ: на слоѣ песку, перемѣшаннаго съ землей, кладутъ очень неглубоко булыжникъ, подбирая одинъ камень къ другому; промежутки заполняютъ раздробленнымъ на мелкіе куски кирпичомъ и все заливаютъ жидкимъ цементомъ, который, застывая, спаиваетъ всѣ части вмѣстѣ. Но незначительная глубина наружнаго слоя служитъ причиной того, что его легко ломаютъ эки-

пажи, которые во множествѣ катятся по нему; правда, въ С.-Петербургѣ не видно, какъ во Франціи и Германіи, каретъ на четырехъ колесахъ, нагруженныхъ огромнымъ грузомъ, которыя портятъ даже превосходно содержимое шоссе. Въ продолженіе шестивосьми мѣсяцевъ въ году мостовая покрыта на два-три фута обледенѣлымъ снѣгомъ и на ней не видно тогда ничего, кромѣ саней.

Въ тѣ мѣсяцы, когда нѣтъ снѣга, за исключеніемъ каретъ, запряженнымъ шестеркой, четверкой и парой коней, всѣ другіе экипажи, на которыхъ привозятъ товары и съѣстные припасы, представляютъ небольшія легкія телѣги на четырехъ маленькихъ колесахъ, запряженныя одной лошадью. Можно наблюдать обозы въ сто и двѣсти телѣгъ. Извозчичьи экипажи въ С.-Петербургѣ гораздо многочисленнѣе; чѣмъ въ самыхъ большихъ городахъ Европы; улицы заставлены ими: всѣ пользуются ими благодаря тому, что приходится проѣзжать значительныя разстоянія; зимой это кабріолеты или кибитки на полозьяхъ одноконные или парные; лѣтомъ — обтянутыя кожей скамьи на четырехъ колесахъ, подвѣшенныя какъ линейки, на которыя садятся верхомъ; эти экипажи, очень легкіе на ходу, запряжены одной лошадью; вожжи держитъ сидящій впереди кучеръ. Проѣздъ стоитъ недорого, когда относительно платы уславливаются заранѣе, назначая ее въ зависимости отъ разстоянія или по часамъ.

Я уже сказалъ, что на самыхъ лучшихъ улицахъ С.-Петербурга, напримѣръ, на тѣхъ трехъ, которыя ведутъ къ Адмиралтейству, съ досадой видишь обширные пустыри, обнесенные досчатымъ заборомъ.

Но я узналъ, что эти пустые участки имѣютъ опредѣленное назначеніе и что на нихъ должны построить публичныя зданія, театры и дворцы; дѣйствительно, тамъ видны уже груды строительныхъ матеріаловъ.

Религія.

Петропавловскій соборъ.—Соборъ Казанской Богоматери.—Форма церкви.—Св. Николай Матросскій.—Монастырь св. Александра Невскаго.—Католическая церковь.—Попы или русскій священникъ, ихъ вліяніе.—Почтеніе, которымъ окружены митрополиты.

Со времени отпаденія константинопольскаго патріарха Фотія греческіе миссіонеры стали проникать въ Московію и проповѣдывать тамъ христіанскую религію, равно какъ и разрывъ съ римскою церковью. Двѣ главныхъ ошибки этихъ отщепенцевъ состоятъ въ томъ, что они отрицаютъ верховную власть папы и его міровую юрисдикцію надъ всѣми церквами и, далѣе, въ томъ, что они не признаютъ происхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына, полагая, что онъ происходитъ отъ одного Отца черезъ Сына; поэтому греки-схизматики не читаютъ gloria Patri и крестятся иначе, чѣмъ римскіе католики. Царствовавшіе тогда цари оставили идолопоклонство, чтобы усвоить это ложное ученіе, которое съ каждымъ царствованіемъ, вплоть до Павла I, распространялось все шире и шире. Вступивъ на престолъ, Петръ I открыто исповѣдывалъ религію своихъ предковъ, но, тѣмъ не ме-

нѣе, счелъ необходимымъ относиться терпимо ко всѣмъ вѣроученіямъ, чтобы укрѣпить основы своей имперіи; его преемники слѣдовали его примѣру. Христіанская религія, возникшая на почвѣ отпаденія Фотія, является господствующей религіей; но здѣсь разрѣшается совершать богослуженія по римско-католическому обряду. Армяне, лютеране, кальвинисты, греки-уніаты совершаютъ таинства въ греческихъ церквахъ согласно греческому ритуалу. Это различіе вѣрованій и культовъ не порождаетъ никакой вражды и нисколько не смущаетъ общественнаго спокойствія. Признанное покровительство императора, оказываемое всѣмъ вѣроученіямъ, устраняетъ тренія и требуетъ ото всѣхъ одинаково подчиненія законамъ.

Начиная съ Петра I, русскіе императоры являются свѣтскими и духовными главами греческой церкви на всемъ протяженіи своихъ обширныхъ владѣній. Петръ I захватилъ всѣ церковныя имущества, сосредоточивъ ихъ подъ своей властью, и назначилъ опредѣленное содержаніе митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, архимандритамъ, попамъ и монастырямъ греческаго обряда, что создаетъ безусловную зависимость господствующей церкви отъ государей.

Среди множества греческихъ церквей С.-Петербурга особенно замѣчательны четыре: соборъ Петра и Павла, соборъ Казанской Богоматери, церковь св. Николая Матросскаго и св. Александра Невскаго. Мы не говоримъ о мраморномъ храмѣ Исаакія, потому что онъ еще не законченъ и работы по постройкѣ его подвигаются медленно. Вообще бросается

въ глаза, что Павелъ I весьма равнодушно относится къ сооруженію памятниковъ, которые любила воздвигать его мать. По приказанію Екатерины II были составлены превосходные планы украшенія С.-Петербурга, но ея сынъ оставляетъ ихъ безъ всякого вниманія.

Соборъ, или церковь въ честь свв. Петра и Павла, находится посреди крѣпости; снаружи онъ замѣчателенъ лишь своимъ золоченымъ шпилемъ, а внутри гробницами Петра I, супруги его Екатерины I, императрицъ Анны и Елизаветы, Петра III и Екатерины II. Павелъ I велѣлъ перенести туда тѣло своего отца. Вся Европа знаетъ трагическую кончину этого императора и исторію захвата власти его супругой. Послѣ умерщвленія онъ былъ безъ всякой пышности похороненъ въ церкви св. Александра Невскаго. По восшествіи на престолъ, его сынъ велѣлъ вырыть изъ земли тѣло отца, положить на парадное ложе во дворцѣ, воздать ему всѣ почести, приличествующія государю, и приказалъ затѣмъ похоронить его рядомъ съ Екатериной II въ соборѣ. Эта церковь отъ пола до сводовъ увѣшана трофеями, отнятыми у враговъ имперіи.

Соборъ Казанской Богоматери, гдѣ находится икона Св. Дѣвы, которую считаютъ чудотворной, построенъ на берегу Екатерининскаго канала и выходитъ на самую красивую улицу С.-Петербурга. Въ этой церкви торжественно собирается императорскій дворъ при празднованіи блестящихъ побѣдъ; она не велика и недостаточно помѣстительна; она представляетъ прямоугольникъ; надъ алтаремъ возвышается куполъ; на другомъ концѣ храма нахо-

дится башня съ колокольней, гдѣ устроены часы. Въ большинствѣ греческихъ церквей также, какъ и въ Польшѣ, колокольня отдѣлена отъ храма. Эта церковь, какъ почти всѣ храмы грековъ-схизматиковъ, построена посерединѣ обширнаго, покрытаго травой двора и окружена стѣной фута въ три вышиной, надъ которой возвышается деревянная окрашенная рѣшетка.

Греки-схизматики не имѣютъ въ своихъ церквахъ ни скамеекъ, ни подставокъ для стоянія на колѣняхъ. Въ дворцовыхъ часовняхъ и соборѣ Казанской Богоматери для императора устроенъ помостъ въ одинъ или два фута вышиной, покрытый бархатнымъ ковромъ съ золотымъ галуномъ, съ балдахиномъ изъ той же матеріи, но безъ кресла и безъ подножья. Митрополиты и епископы въ своихъ соборахъ и императорскихъ церквахъ имѣютъ въ главной части храма, близъ алтаря, большое крытое ковромъ возвышеніе, глѣ они стоятъ, когда не простерты ницъ. Русскіе всѣ поголовно стоятъ въ своихъ церквахъ, расточая внѣшніе знаки благочестія; они безпрестанно кладутъ земные поклоны, то и дѣло крестясь по русскому обычаю; при этомъ они обращаются то къ алтарю, то къ иконамъ Богоматери или св. Николая. Русскіе окружаютъ этого святого несравненно большимъ почетомъ, чѣмъ всѣхъ другихъ святыхъ своего календаря. Это— первый святой послѣ Бога и Богородицы: подъ его покровительствомъ они считаютъ себя защищенными отъ земныхъ бѣдствій и отъ вѣчныхъ мукъ загробнаго міра. Когда русскій проходитъ передъ церковью или передъ зданіемъ, гдѣ находится икона

Богородицы или Николая Угодника, то онъ останавливается, снимаетъ шапку, кланяется шесть разъ, обернувшись лицомъ къ святилищу, гдѣ помѣщается икона, и шесть разъ подрядъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ. Иностранецъ, пересѣкающій улицы С.-Петербурга, на каждомъ шагу наблюдаетъ эти проявленія внѣшняго благочестія. Русскій никогда не путешествуетъ безъ иконы Богородицы и иконы Николая Угодника; онъ вѣшаетъ ихъ въ комнатѣ, гдѣ онъ ѣстъ и гдѣ спитъ; ложась спать, вставая, передъ ѣдой и послѣ ѣды онъ шесть разъ кланяется передъ этими иконами, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Онъ вѣритъ со словъ своихъ поповъ, что его вѣчное спасеніе зависитъ отъ точнаго соблюденія этихъ внѣшнихъ обрядовъ и четырехъ постовъ; эти посты весьма суровы: въ продолженіе поста, предшествующаго Пасхѣ, нельзя ѣсть ничего, кромѣ овощей и рыбы, сваренной въ водѣ безъ коровьяго или растительнаго масла и безъ соли. Впрочемъ, судя по поведенію русскихъ, другія евангельскія заповѣди, повидимому, кажутся имъ имѣющими второстепенное значеніе; съ ихъ точки зрѣнія для обогащенія и удовлетворенія страстей дозволены всѣ средства, не нарушающія общественнаго порядка и не вызывающія уголовной кары.

Алтарь Казанскаго собора, подобно всѣмъ алтарямъ грековъ-схизматиковъ, окруженъ вызолоченой баллюстрадой и занавѣсами съ золотой, серебряной или шелковой бахромой. За этой баллюстрадой помѣщается алтарь, а позади занавѣса находятся жертвенникъ, престолъ со Святыми Дарами и священники. Занавѣсъ открывается въ моментъ преосу-

ществленія и передъ присутствующими появляются Святые Дары: только въ этотъ моментъ можно видѣть совершающаго таинство священника. Въ эту минуту всѣ присутствующіе падаютъ ницъ и поднимаются только послѣ причастія.

Въ церквахъ грековъ-схизматиковъ совсѣмъ не видно каѳедръ: проповѣди, поученія, толкованіе догматовъ вѣры здѣсь не приняты; довольствуются чтеніемъ вслухъ; нравоученія дѣлаются на исповѣди. Поститься, читать длинныя молитвы, кланяться передъ иконами, креститься,—къ этому сводится вся религія въ Россіи; пьянство, воровство, невоздержанность и т. д. кажутся простительными слабостями.

Казанскій соборъ очень богато украшенъ: государи щедро одаряли его драгоцѣнностями. Въ торжественные дни я видѣлъ тамъ болѣе тысячи горящихъ свѣчей, кромѣ множества зажженныхъ лампадъ изъ золота или серебра, которыя пылаютъ передъ алтаремъ. Множество свѣчей придаетъ особый блескъ греческимъ церквамъ; обыкновенно ихъ приносятъ въ даръ богатыя семьи.

Церковь св. Николая Матросскаго—одна изъ самыхъ посѣщаемыхъ въ С.-Петербургѣ; она двухъярусная, съ нижнимъ и верхнимъ этажемъ: это мѣстная приходская церковь. Нижній этажъ представляетъ храмъ со сводами и столбами; здѣсь находится много маленькихъ часовенъ съ иконами Богородицы и Николая Угодника; въ каждой горятъ лампады. Въ дни покаянія, особенно при приближеніи Пасхи, эта подземная церковь наполняется лицами обоего пола, которыя кладутъ здѣсь земные

поклоны и крестятся. Такъ какъ она обширна, то попы помѣщаются въ разныхъ мѣстахъ, читая ектеніи и молитвы. Церковь во второмъ этажѣ богато украшена: образа, алтарь, иконостасъ, лампады,—все блещетъ великолѣпіемъ. Надъ алтаремъ возвышаются пять куполовъ, покрытыхъ снаружи позолоченными мѣдными полосами. Рѣшетка, окружающая эту церковь, очень красива. Башня или колокольня отдѣлена отъ главной части храма и находится на лѣвомъ берегу Николаевскаго канала.

Монастырь св. Александра Невскаго очень великъ и расположенъ въ концѣ большой и великолѣпной улицы, называемой Невскимъ проспектомъ. Ограда этого монастыря заключаетъ пять церквей и зданія, гдѣ живутъ митрополитъ—грекъ-схизматикъ, высшее духовенство и пятьдесятъ монаховъ. Этотъ монастырь служитъ какъ бы подготовительной школой для епископовъ. Монахи одѣты въ длинныя рясы изъ чернаго сукна; они носятъ на головѣ круглый клобукъ, откуда свѣшивается черное покрывало, падающее имъ на плечи; они отпускаютъ длинную бороду и длинные волосы, разбросанные по плечамъ, подобно всѣмъ греческимъ попамъ. Костюмъ русскихъ священниковъ состоитъ изъ длинной и просторной одежды, спускающейся до пятъ, съ широкими рукавами; каждый можетъ выбирать тотъ цвѣтъ, какой ему нравится; придворное духовенство и тѣ священники, которые стоятъ во главѣ приходовъ, гдѣ находится резиденція императора, носятъ шелковую одежду безъ пояса, а сверху надѣваютъ кафтанъ другого цвѣта; это отличаетъ ихъ отъ русскихъ мірянъ, которые всѣ носятъ длинную

одежду съ поясомъ и узкими рукавами. Кладбище, находящееся въ оградѣ этого монастыря, предназначено для погребенія придворныхъ вельможъ и сановниковъ имперіи, которые умираютъ въ С.-Петербургѣ, и для богатыхъ людей, имѣющихъ возможность тратиться на это погребеніе. Здѣсь очень много мраморныхъ памятниковъ съ роскошными скульптурными украшеніями.

Самая замѣчательная церковь этой обители та, гдѣ находится богатая и пышная гробница св. Александра Невскаго; эта послѣдняя изъ литого серебра, художественной работы, украшена алмазами и драгоцѣнными камнями. Возвышающаяся надъ гробницей статуя св. Александра Невскаго отлита изъ серебра; окружающая ее рѣшетка—изъ позолоченой бронзы. Поднимающаяся надъ землей могила одѣта серебромъ; покрывающіе ее и разостланные кругомъ ковры—изъ краснаго бархата съ золотымъ позументомъ и золотой бахромой.

Въ этой церкви происходитъ церемонія пожалованія орденомъ св. Александра Невскаго, представляющаго красную ленту съ серебрянымъ оваломъ, гдѣ находится изображеніе святого; это второй орденъ имперіи. Императоръ отправляется туда съ большой свитой въ сопровожденіи кавалеровъ ордена, облеченныхъ въ богатые и великолѣпные парадные мундиры. Помостъ и балдахинъ императора покрыты малиновымъ бархатомъ, окаймленнымъ золотымъ галуномъ и золотой бахромой, также, какъ и коверъ, разостланный на помостѣ митрополита, на ступеняхъ и на помостѣ алтаря. Этотъ алтарь окруженъ красивымъ и богатымъ иконостасомъ изъ

вызолоченной бронзы. Въ боковыхъ придѣлахъ останавливаютъ на себѣ вниманіе драгоцѣнныя иконы. Екатерина II велѣла повѣсить здѣсь свой портретъ во весь ростъ, также, какъ и портретъ Петра I. Алтарь находится подъ куполомъ, покрытымъ чудными произведеніями живописи.

Русскіе монахи сдѣлали изъ великаго князя Александра Невскаго святого и героя, а исторія рисуетъ намъ его какъ одного изъ самыхъ подлыхъ и гнусныхъ тирановъ, царствовавшихъ въ Московіи; онъ велѣлъ казнить всѣхъ жителей Новгорода, могучаго, торговаго, вольнаго города, мужественно боровшагося противъ татарскаго ига.

Католическая церковь, построенная на Невскомъ проспектѣ, въ красивѣйшемъ кварталѣ города, является украшеніемъ этого квартала. Ея порталъ—чудной архитектуры; ея высокій куполъ крытъ желѣзомъ, выкрашеннымъ въ зеленый цвѣтъ; онъ увѣнчанъ золоченымъ шатромъ, который служитъ подножьемъ для креста изъ вызолоченной бронзы. Эта церковь, большая и величественная внутри, имѣетъ справа и слѣва отъ входа прекрасные дома съ арками, а въ самой оградѣ ей принадлежатъ помѣщенія, сдача которыхъ въ наемъ приноситъ ежегодно восемнадцать тысячъ рублей. Архіепископъ могилевскій, митрополитъ всѣхъ католическихъ церквей въ Россіи, предпочитаетъ пребываніе при дворѣ пребыванію въ своей митрополіи и помѣщается за стѣной этой церкви.

Шесть священниковъ съ протоіереемъ во главѣ совершаютъ богослуженіе въ этой церкви, гдѣ собираются живущіе въ С-Петербургѣ католики-фран-

цузы, нѣмцы, поляки, итальянцы: каждая изъ этихъ націй имѣетъ въ качествѣ священника духовное лицо, говорящее на ея родномъ языкѣ. Этимъ священникамъ дается квартира съ обстановкой, отопленіемъ и освѣщеніемъ и по пятисотъ рублей жалованья; прево получаетъ тысячу; кромѣ того, въ ихъ пользу поступаетъ плата за требы. Митрополитъ могилевскій торжественно совершаетъ здѣсь богослуженіе въ дни большихъ праздниковъ. Этотъ прелатъ, полякъ по происхожденію, родился протестантомъ и былъ раньше кавалерійскимъ офицеромъ; императоръ сдѣлалъ его начальникомъ духовной семинаріи; ему былъ пожалованъ орденъ св. Андрея. Званіе кавалера этого ордена и желаніе появляться при дворѣ, безъ сомнѣнія для блага церкви, побудили его сдѣлать своимъ мѣстопребываніемъ С.-Петербургъ. Несмотря на свои богатства, онъ ведетъ апостольскую, уединенную жизнь. Онъ оказалъ мнѣ милостивый пріемъ и я имѣлъ честь обѣдать за его столомъ въ тотъ день, когда имъ были приглашены греко-католическій архіепископъ кіевскій, архіепископъ изъ Альби, искавшій убѣжища въ С.-Петербургѣ, одинъ польскій епископъ, священники католической церкви и нѣсколько видныхъ вельможъ; съ разрѣшенія папы онъ носитъ красную шапочку и кардинальскую мантію.

Въ этой церкви проповѣдуютъ поочередно на французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ и польскомъ языкахъ. Католики имѣютъ право свободно совершать богослуженіе, но только внутри своей церкви и въ ея оградѣ. Снаружи никакія религіозныя церемоніи не допускаются; только господствующая религія не знаетъ этихъ стѣсненій.

Попы или русскіе священники отличаются грубымъ невѣжествомъ и поведеніе ихъ мало поучительно. Хотя они напиваются пьяными и дерутся со своими прихожанами, но тѣмъ не менѣе пользуются громаднымъ вліяніемъ на воззрѣнія и на поведеніе народа; они не обращаютъ никакого вниманія на презрѣніе, которымъ клеймятъ ихъ, когда они освобождаются отъ своихъ обязанностей. Находясь въ безусловной зависимости отъ императора, эти попы поддерживаютъ среди своей паствы глубочайшее уваженіе къ нему и слѣпое подчиненіе волѣ государя. Въ арміи можно видѣть поповъ пьяницъ, презираемыхъ офицерами и солдатами, которые внушаютъ войскамъ въ дни битвъ презрѣніе къ опасностямъ и смерти. Эти попы проходятъ тогда по рядамъ съ крестомъ въ рукѣ. Они отпускаютъ всѣ грѣхи и обѣщаютъ отъ имени Бога, Богородицы и Николая Угодника царство небесное тѣмъ, кто храбро погибнетъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ эту минуту въ нихъ видятъ, каково бы ни было ихъ дальнѣйшее поведеніе, посланниковъ Божіихъ, которые имѣютъ власть открывать врата рая: отсюда— неустрашимость русскаго солдата.

Русскіе попы очень рѣдко показываются въ обществѣ: такъ какъ они не пользуются уваженіемъ, то живутъ замкнуто; но когда они совершаютъ богослуженіе, то къ нимъ относятся съ наружнымъ благоговѣніемъ, которое доходитъ до того, что цѣлуютъ ихъ руки и край ихъ одеждъ. Кропленіе святой водой, куреніе ладана въ частныхъ домахъ и длинныя молитвы, которыя они читаютъ тамъ, служатъ для нихъ источникомъ значительнаго дохода.

Простонародье относится къ этимъ церемоніямъ съ крайнимъ суевѣріемъ. Знатные господа, раздѣляя народныя вѣрованія, или уступая народнымъ предразсудкамъ, когда они не вѣрятъ въ эти религіозныя манипуляціи, почти всѣ имѣютъ своихъ домашнихъ, получающихъ отъ нихъ жалованье, поповъ.

Когда митрополиты С.-Петербурга, Москвы, Казани и т. д. появляются при дворѣ при пожалованіи ихъ орденами, императоръ, у котораго вся знать цѣлуетъ руку, лобызается съ этими духовными сановниками, чтобы выразить свое благоговѣніе къ церкви, во главѣ которой они стоятъ. Эти епископы, взятые изъ монастырей, гдѣ они были монахами, продолжаютъ жить тамъ; они почти не показываются на глаза народа; получаемая ими пенсія довольно мала. Епископы, архимандриты или настоятели монастырей—не женаты, но священники женятся всѣ поголовно, и если ихъ жены умираютъ, то они обязаны проводить остатокъ своихъ дней въ монастырѣ. Чтобы сохранить своихъ женъ, они относятся къ нимъ поэтому съ величайшимъ вниманіемъ.

Я слыхалъ отъ одного католическаго монаха, человѣка рѣдкихъ достоинствъ, пользующагося большимъ уваженіемъ при дворѣ, который имѣлъ возможность хорошо изучить отпавшихъ отъ Рима митрополитовъ и епископовъ, что среди нихъ встрѣчаются очень образованные люди, которые ведутъ примѣрную жизнь. Бесѣдуя съ ними, онъ видѣлъ, что они охотно способствовали бы возсоединенію греческой церкви съ Римомъ, если бы императоръ пожелалъ этого.

Нравы.

Quid mores sine legibus. Какіе нравы могутъ быть у народа, лишеннаго назиданія и законовъ, карающихъ грѣхи? Русская религія представляетъ лишь рядъ внѣшнихъ обрядовъ, нисколько не мѣшающихъ безудержному разгулу страстей; неудивительно поэтому, что нравственность здѣсь не пользуется уваженіемъ. Можно безнаказанно быть пьяницей, воромъ, вольнодумцемъ, развратникомъ, лишь бы только соблюдать четыре поста и класть земные поклоны передъ иконами. Судя по тому, что я видѣлъ въ С.-Петербургѣ, можно сказать, что пьянство, воровство и распутство являются національными пороками. Женщины не стыдятся выставлять напоказъ свое безстыдство: войдите въ русскія бани и вы увидите тамъ оба пола вмѣстѣ. Вы натолкнетесь здѣсь на самыя грязныя сцены. При Екатеринѣ II распущенность женщинъ была въ модѣ; самыя знатныя дамы хвастались ею. При Павлѣ I онѣ, не краснѣя, показываютъ дѣтей, прижитыхъ ими внѣ брака.

Зато русскіе—гостепріимны и храбры. Иностранецъ, путешествующій по Россіи, можетъ быть увѣренъ, что найдетъ радушный пріемъ. Въ крестьянской лачугѣ съ нимъ подѣлятся послѣднимъ кускомъ. Что касается храбрости, то это безспорно самый доблестный народъ въ Европѣ.

Правительство.

Азіатское правительство.—Населеніе Россіи.—Формы правленія.—Генералъ-прокуроръ.— Министерство иностранныхъ дѣлъ. — Вице-канцлеръ графъ Панинъ. — Тактика графа Ростопчина.—Его недосягаемость. Первая бесѣда Дюмурье съ Павломъ I.—Второй парадъ. Успѣхъ Дюмурье. — Вторая бесѣда. Довѣріе Павла I. — Собственноручная записка Павла къ Дюмурье.—Доводы за и противъ.—Третій парадъ.—Третья бесѣда.—Окончательный успѣхъ плана.—Подъ Дюмурье подводятъ мины.—Третій параграфъ доводовъ за и противъ.—Вѣроломная любезность Ростопчина.—Отъѣздъ Дюмурье; его письмо къ графу Строганову.—Бесѣда Павла I относительно Дюмурье.—Планъ Дюмурье. — Военное министерство. — Русская армія.—Опала маркиза д'Отишанъ. — Возстановленіе его въ правахъ.—Его отставка. — Генералиссимусъ Суворовъ. — Вершина его славы.—Его опала.—Его кончина.—Суворовъ на парадномъ смертномъ одрѣ.—Его погребеніе. — Его качества.—Его сынъ.

Русское правительство нельзя уподобить или сравнить ни съ какимъ европейскимъ правительствомъ; оно носитъ чисто азіатскій характеръ, т. е. воля императора является верховнымъ закономъ; поэтому онъ носитъ названіе автократа, что значитъ самодержецъ. Онъ не имѣетъ, подобно другимъ монархамъ Европы, государственнаго совѣта, гдѣ обсуждаются въ присутствіи государя важныя государственныя дѣла; онъ не имѣетъ даже, подобно китайскому императору, величайшему азіатскому деспоту, верховнаго судилища, которому позволено входить

въ разсмотрѣніе поведенія императора и который осмѣливается дѣлать ему указанія. Самодержецъ всероссійскій соединяетъ въ себѣ и государственный совѣтъ и верховное судилище. Исходящій отъ него законъ или указъ обращается или къ шефу полиціи, который долженъ позаботиться объ его исполненіи, или къ сенату, чтобы тотъ распубликовалъ его на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи. Тогда военные губернаторы и гражданскіе сановники приводятъ его въ исполненіе, причемъ никто не осмѣливается дѣлать свои указанія или обращаться съ требованіями, развѣ только императоръ въ самомъ законѣ предложитъ обратиться къ нему съ почтительными замѣчаніями. Эта неограниченная власть является, можетъ быть, единственной формой правленія, при которой можно держать въ повиновеніи огромный народъ, разсѣянный по обширнымъ областямъ, жители которыхъ различаются одеждою, языкомъ и вѣрованіями, и которыя тянутся отъ береговъ польскаго Мемеля до Камчатки, гранича на востокѣ съ Америкой, на сѣверѣ—съ Ледовитымъ океаномъ, на западѣ—съ Европой, на югѣ—съ Турціей, Персіей, Тибетомъ, Великой Монголіей и Китайской Монголіей. Во всемъ мірѣ не существуетъ деспота, который царствовалъ бы надъ столь значительной территоріей. Къ счастью, для спокойствія Европы и Азіи, необъятныя страны Азіатской Россіи населены рѣже европейскихъ странъ, ибо во всей этой обширной имперіи насчитываютъ лишь отъ тридцати трехъ до тридцати четырехъ милліоновъ. Европейская Россія является опорой могущества имперіи и средоточіемъ ея населенія. Азіатская Россія, за исключеніемъ большихъ торго-

выхъ городовъ, вродѣ Тобольска въ Сибири, Иркутска, Оренбурга, Казани, Астрахани, представляетъ лишь разбросанныя тамъ и сямъ селенія, состоящія изъ хижинъ охотниковъ и рыбаковъ, и кочевыхъ бродячихъ ордъ, казаковъ, калмыковъ, откуда русскіе вербуютъ иррегулярныя войска. Въ этихъ странахъ можно найти краснаго звѣря, который доставляетъ мѣха, пастбища, на которыхъ пасутся табуны низкорослыхъ неутомимыхъ коней, богатые золотые и серебряные рудники, неистощимыя мѣдныя и желѣзныя руды; наконецъ, лѣсъ для постройки судовъ и коноплю для канатовъ и веревокъ. При Екатеринѣ II была начата, но не доведена до конца постройка нѣсколькихъ городовъ. Если императоръ найдетъ способъ создать города въ этихъ странахъ и если населеніе будетъ въ нихъ постепенно возрастать, то наступитъ день, когда Россія станетъ диктовать законы Европѣ и Азіи.

Формы правленія въ Россіи всегда отличались непрочностью, всецѣло завися отъ произвола и капризовъ самодержца. При Петрѣ I была учреждена должность канцлера, который былъ первымъ и главнымъ министромъ и наблюдалъ за теченіемъ дѣлъ во всѣхъ коллегіяхъ или департаментахъ. Когда императоры или императрицы боятся, что человѣкъ, надѣленный такими большими полномочіями, злоупотребитъ ими въ ущербъ ихъ авторитету, то они оставляютъ мѣсто канцлера вакантнымъ и распредѣляютъ его полномочія между нѣсколькими лицами. Въ настоящее время, при Павлѣ I, не существуетъ канцлера; каждый департаментъ или коллегія имѣетъ начальника, который сотрудничаетъ непосредственно съ императоромъ.

Прокуроръ или генералъ-прокуроръ является, собственно говоря, министромъ юстиціи и завѣдуетъ всѣмъ, что касается гражданскихъ дѣлъ имперіи; это одна изъ первыхъ и важнѣйшихъ должностей; ему поручено исполненіе законовъ и указовъ государя также, какъ и рѣшеній и приказовъ сената. Въ теченіе шести мѣсяцевъ на этой должности смѣнились два лица. Вообще внезапныя повышенія, равно какъ и опалы, представляютъ въ настоящее царствованіе очень частое явленіе.

Во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, всегда находившагося въ рукахъ великаго канцлера, былъ поставленъ молодой камергеръ, сначала впавшій въ немилость, а затѣмъ снова призванный къ власти. Его знанія уступаютъ его уму, который отличался тонкостью, гибкостью, проницательностью и изворотливостью. Онъ занялъ этотъ постъ, ничего не понимая въ дипломатіи; но его гибкость понравилась Павлу I и замѣнила ему знанія, которыхъ онъ былъ лишенъ; это—графъ Ростопчинъ. Ему подчиненъ вице-канцлеръ и вся коллегія, или чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ. Чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ все вліяніе и окружить свою политику непроницаемой тайной, онъ заставилъ Павла I усвоить крайне странную манеру при дипломатическихъ сношеніяхъ. Ни одинъ посланникъ, ни одинъ иностранный министръ не можетъ говорить съ императоромъ; даже министръ иностранныхъ дѣлъ не даетъ имъ аудіенціи. Безполезно требовать свиданія для переговоровъ съ нимъ; надо обращаться къ вице-канцлеру. Послѣдній дѣлаетъ докладъ министру, а министръ—императору. Отвѣтъ

государя передается министромъ вице-канцлеру, который сообщаетъ его послу. Вице-канцлеръ не можетъ бесѣдовать лично съ государемъ; онъ сотрудничаетъ лишь съ министромъ.

Во время нашего пребыванія въ С.-Петербургѣ вице-канцлеромъ былъ графъ Панинъ, племянникъ графа Панина, перваго министра Екатерины II, пользовавшагося большимъ довѣріемъ императрицы. Это прямой, открытый и честный человѣкъ, весьма ревностно заботящійся о славѣ своего государя; онъ обладаетъ умомъ, знаніями, тонкостью безъ лукавства и проницательностью; до назначенія на должность вице-канцлера имперіи онъ былъ русскимъ посломъ въ Берлинѣ. Всѣ иностранные послы одобрительно отзываются объ его порядочности и честности въ дѣловыхъ отношеніяхъ; онъ часто расходится въ мнѣніяхъ съ министромъ. Въ этомъ случаѣ ему не разрѣшается даже по вопросамъ первостепенной важности излагать свой образъ мыслей непосредственно императору; онъ долженъ дѣлать это при помощи министра. Вотъ анекдотъ или, вѣрнѣе, фактъ, случившійся незадолго до нашего прибытія; онъ достаточно ярко обрисовываетъ характеръ графа Панина. Я получилъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ.

Графъ Панинъ рѣзко разошелся во взглядахъ съ графомъ Ростопчинымъ по чрезвычайно важному вопросу. Надо было склонить Павла I къ такому шагу, который долженъ былъ прославить его имя; графъ Ростопчинъ противился этому. Графъ Панинъ, видя, что его доводы не могутъ увлечь министра, попросилъ его довести свое мнѣніе до свѣдѣнія им-

ператора. Графъ Ростопчинъ отказался. «Не отказывайтесь, по крайней мѣрѣ,— говорилъ графъ Панинъ,—передать ему докладъ, который я представлю вамъ по этому предмету, такъ какъ дѣло идетъ о славѣ нашего государства». Министръ упорствовалъ въ своемъ мнѣніи и въ своемъ отказѣ. Графъ Панинъ, будучи въ качествѣ вице-канцлера, лишенъ возможности говорить съ императоромъ и писать ему безъ особаго приглашенія или приказанія съ его стороны, вернулся домой, составилъ докладъ, послалъ его прямо Павлу I съ прошеніемъ объ отставкѣ и предупредилъ объ этомъ графа Ростопчина. Отставка дѣлала его снова простымъ подданнымъ и онъ получалъ право, предоставленное всякому русскому, обращаться съ письменнымъ докладомъ непосредственно къ императору. Павелъ I отнесся одобрительно къ этому маневру и, увлеченный вѣскими доводами его доклада, склонился къ мнѣнію графа Панина; онъ послалъ ему назадъ прошеніе объ отставкѣ и выразилъ ему затѣмъ свою монаршую милость. Съ этого времени отношенія между обоими министрами сдѣлались натянутыми и холодными, что, впрочемъ, не отражается вредно на дѣлахъ.

Фактъ, который я узналъ изъ первыхъ рукъ, разсказали мнѣ вѣнскій и стокгольмскій посланники, удостоившіе меня своей дружбой и своимъ довѣріемъ, и одинъ близкій другъ графа Панина. Графъ Кобенцль, желавшій познакомить меня съ характеромъ министра, съ которымъ предстояло вести переговоры депутаціи, увѣрялъ, что онъ неоднократно ходатайствовалъ объ аудіенціи у графа Ростопчина и что

ему никогда не удавалось проникнуть въ его кабинетъ; что его всегда посылали назадъ къ вице-канцлеру. Эта новая манера держать себя, санкціонированная государемъ, удивляла его тѣмъ болѣе, что князь Безбородко, предшественникъ графа Ростопчина, слывшій за великаго государственнаго человѣка, никогда не былъ такъ неприступенъ съ иностранными послами. Дѣло въ томъ, что этотъ князь, несмотря на свою безнравственность и любовь къ удовольствіямъ, обладалъ большими данными, отличался незаурядным умомъ и образованностью. Въ совершенствѣ владѣя собой и умѣя придавать лицу какое угодно выраженіе, онъ никогда не выдавалъ дипломатическихъ тайнъ и говорилъ лишь то, что онъ хотѣлъ сообщить другимъ. Графъ Ростопчинъ, нисколько не обманывавшійся на свой счетъ, чувствовалъ, что, несмотря на свой проницательный умъ, непринужденность и обворожительныя манеры, онъ не имѣлъ достаточной глубины и достаточныхъ знаній, чтобы съ пользой для дѣла обсуждать крупные государственные вопросы съ людьми, обладавшими большимъ опытомъ. Безъ сомнѣнія, въ этомъ кроется причина его недосягаемости и усвоенной имъ манеры держать себя, которая позволяетъ ему избѣгать всѣхъ затрудненій, создаваемыхъ его неопытностью въ дипломатіи.

Тѣмъ не менѣе, я знаю, что нѣкоторые иностранные послы изрѣдка бесѣдовали съ нимъ; но это были послы тѣхъ дворовъ, съ которыми не надо было разрѣшать крупныхъ вопросовъ и передъ которыми онъ могъ блеснуть своимъ природнымъ умомъ. Этотъ министръ умѣетъ необыкновенно искусно вы-

вѣдывать тайны,—въ его положеніи весьма цѣнное качество. Когда ему нужно что-нибудь узнать, то онъ ничего не жалѣетъ, осыпаетъ ласками, обнаруживаетъ изысканную вѣжливость и предупредительность, выказываетъ, повидимому, полное довѣріе; онъ все пускаетъ въ ходъ, чтобы проникнуть въ душу; лишь только ему это удается, то онъ перестаетъ интересоваться человѣкомъ и относится къ нему съ пренебреженіемъ: генералъ Дюмурье имѣлъ несчастье испытать это на себѣ. Этотъ случай заслуживаетъ того, чтобы привести его здѣсь. Въ немъ фигурируютъ Павелъ I, его главный министръ и Дюмурье. Роль этихъ трехъ лицъ должна представлять большой интересъ для тѣхъ, кто желаетъ постичь ихъ характеръ.

Я приведу здѣсь замѣтки, которыя я дѣлалъ изодня въ день въ С.-Петербургѣ. Дюмурье жилъ въ одной гостиницѣ со мной. Будучи секретаремъ вѣнскаго посольства, я близко сошелся съ нимъ. Онъ возвращался тогда изъ Польши, гдѣ развернулъ свои военные таланты, стоя во главѣ войскъ польскихъ конфедератовъ. Онъ дѣлился со мной въ это время свѣдѣніями и воспоминаніями, которыя дали мнѣ высокое представленіе объ его проницательности и правильности его догадокъ. Благодаря нашей старинной дружбѣ онъ сдѣлалъ меня своимъ повѣреннымъ въ С.-Петербургѣ и я былъ въ состояніи составить о немъ вѣрное представленіе. Дюмурье съ большими военными талантами, съ рѣдкимъ умѣньемъ интересно излагать свои мысли, какъ въ разговорѣ, такъ и въ письменной формѣ, соединяетъ очень крупный недостатокъ: онъ слишкомъ легко откры-

вастъ то, что важно держать въ секретѣ. Ему часто указывали на это и онъ жестоко поплатился за этотъ недостатокъ.

Онъ простодушно сознавался въ немъ, но часто забывалъ предостереженія своихъ друзей, не замѣчая, что его болтливость мѣшаетъ успѣшному осуществленію его плановъ: она коренилась въ его добродушіи и общительности. Но государственный человѣкъ долженъ владѣть собою настолько, чтобы отказываться отъ изліяній и жертвовать честолюбіемъ, когда оно противорѣчитъ поставленной цѣли. Вотъ разсказъ объ его прибытіи, его пребываніи въ С.-Петербургѣ и отъѣздѣ оттуда.

Послѣднія событія кампаніи 1799 года въ Швейцаріи и на Рейнѣ кончились печально для коалиціи европейскихъ державъ и генералъ Дюмурье написалъ Павлу I, съ одобренія Людовика XVIII, что онъ имѣетъ сообщить ему планъ, который окажется чрезвычайно полезнымъ для общаго дѣла и для славы русскаго императора; письмо это заставило Павла вызвать Дюмурье въ С.-Петербургъ. Графъ Ростопчинъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ государя, оказалъ Дюмурье самый радушный пріемъ; онъ часто приглашалъ его обѣдать; онъ обласкалъ его, пуская въ ходъ всѣ средства, чтобы вывѣдать его планъ. Генералъ едва не позволилъ вкрадчивому министру одурачить себя; но благодаря указаніямъ опытныхъ людей онъ сталъ осторожнѣе и вмѣсто того, чтобы открывать душу, какъ онъ дѣлалъ это раньше, сумѣлъ очень умно и ловко исправить свою ошибку, не развивая своего плана и ограничиваясь общими штрихами, чтобы возбудить любопытство и

вызвать желаніе детально познакомиться съ нимъ; но его тактику разгадали. Вскорѣ замѣтили, что министръ боится вліянія Дюмурье и успѣха, который послѣдній могъ имѣть, если бы ему была дана аудіенція. Графъ Ростопчинъ принялъ систему, рѣзко противорѣчившую взглядамъ Дюмурье; его мнѣніе, имѣвшее поддержку приближенныхъ Павла, пустило корни въ умѣ этого государя; ему удалось настроить императора враждебно противъ вѣнскаго и лондонскаго дворовъ, и онъ надѣялся убѣдить его порвать съ ними и добиться сближенія съ французами, всегда внушавшими до тѣхъ поръ Павлу ужасъ и отвращеніе. Мы увидимъ впослѣдствіи плоды этого страннаго сѣмени, брошеннаго въ душу самаго вѣрнаго и ревностнаго союзника Людовика XVIII.

Русскія войска были уже двинуты назадъ къ границамъ и с.-петербургскій кабинетъ рѣшилъ отдѣлиться отъ коалиціи. Партіи, вызвавшей это рѣшеніе, удалось убѣдить императора не видѣть вовсе генерала Дюмурье. Какъ только они получили точки опоры для своей новой политики, къ Дюмурье стали относиться пренебрежительно; его не приглашали болѣе обѣдать; министръ не отвѣчалъ на его письма. Наконецъ, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ со дня его прибытія, Ростопчинъ прислалъ ему тысячу червонцевъ съ письмомъ, гдѣ говорилъ, что такъ какъ генералъ прибылъ по приглашенію императора, то его величество не желаетъ, чтобы человѣкъ, прибывшій по его приказанію, тратился на дорогу. Тонъ письма, хотя и корректный, повидимому, означалъ, что онъ можетъ отправляться обратно. Дюмурье, отвѣчая на

письмо, далъ понять министру, что разъ онъ былъ вызванъ, то, по его мнѣнію, ничѣмъ не заслужилъ того, чтобы уѣхать, не удостоившись чести быть представленнымъ его величеству; что онъ желаетъ лишь повергнуть къ стопамъ императора изъявленіе своей преданности и не позволитъ себѣ касаться въ разговорѣ съ нимъ политическихъ вопросовъ. Это крайне ловко написанное письмо нашло поддержку въ графѣ Панинѣ и достигло цѣли. Графъ Ростопчинъ, боясь вооружить противъ себя человѣка, который могъ въ одинъ прекрасный день въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изобразить его дѣятельность, получилъ отъ императора разрѣшеніе для Дюмурье представиться на парадѣ, гдѣ его величество имѣлъ обыкновеніе принимать военныхъ. Министръ былъ убѣжденъ, что генералъ Дюмурье представится лишь какъ военный и это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Тотъ явился на слѣдующій день въ восемь часовъ утра на парадъ; зимой парадъ происходилъ ежедневно въ обширномъ зданіи, которое Павелъ I велѣлъ построить около своего дворца; ни одинъ иностранецъ не можетъ появиться тамъ безъ разрѣшенія императора, который часто отказываетъ въ этомъ.

Когда Дюмурье появился на парадѣ, императоръ, замѣтивъ его, послалъ къ нему адъютанта сказать, что онъ будетъ говорить съ нимъ черезъ нѣсколько минутъ. Павелъ I дѣйствительно подошелъ къ нему и сказалъ: «Господинъ Дюмурье, я очень радъ видѣть васъ здѣсь и познакомиться съ вами»... Вслѣдъ за тѣмъ онъ вернулся къ тому мѣсту, откуда онъ командовалъ войскомъ. Генералъ рѣшилъ, что аудіенція ограничится этимъ лаконическимъ разговоромъ.

Генералъ графъ Паленъ, ливонецъ, петербургскій губернаторъ, подошелъ къ нему и сказалъ, что онъ можетъ подойти поближе, чтобы лучше видѣть упражненія солдатъ; что онъ можетъ даже приблизиться къ императору. Ободренный словами такого высокопоставленнаго лица, Дюмурье сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Павелъ I позвалъ его и спросилъ, что онъ думаетъ о войскѣ; отвѣтъ вызвалъ другіе вопросы. Завязалась оживленная бесѣда, она стала интересной и продолжалась цѣлый часъ. Императоръ сказалъ ему: «Сначала мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ вами; затѣмъ я рѣшилъ не видѣть васъ, но ваша личность не играла тутъ никакой роли; причиной этого были лишь текущія политическія дѣла. Вы обнаружили великіе таланты» и т. д. Дюмурье послѣ такого обращенія къ нему легко могъ теперь возбудить любопытство императора. Генералъ такъ понравился императору во время этой первой бесѣды, что тотъ сказалъ ему, чтобы онъ приходилъ на парадъ ежедневно, что онъ съ величайшимъ удовольствіемъ продолжитъ разговоръ съ нимъ. Это начало окрылило Дюмурье надеждой. На второмъ парадѣ онъ имѣлъ еще большій успѣхъ. Павелъ I, повидимому, возымѣлъ къ нему полное довѣріе; онъ далъ ему недвусмысленныя доказательства этого, вполнѣ откровенно говоря ему о своемъ законномъ недовольствѣ вѣнскимъ и лондонскимъ дворами, которыхъ онъ считалъ вѣроломными союзниками, державшимися принциповъ Макіавели. Дюмурье, признавая, что это недовольство имѣетъ свои основанія, рѣшился дать понять, что результатомъ его не должно быть бездѣйствіе Россіи: онъ развилъ доводы за и

противъ съ такимъ искусствомъ, что императоръ попросилъ его изложить эти доводы письменно и прислать прямо къ нему. Въ этотъ день его величество съ увлеченіемъ говорилъ о генералѣ Дюмурье. Въ тотъ же самый день онъ написалъ ему собственной рукой записку, гдѣ была слѣдующая фраза: «*Вы должны стать Монкомъ Франціи*»... Въ своемъ отвѣтѣ, проникнутомъ почтительностью и признательностью, генералъ говорилъ: «Если ваше величество пожелаетъ дать мнѣ средства, то я достигну той же цѣли». Я видѣлъ и читалъ эту корреспонденцію. На слѣдующій день Дюмурье получилъ письмо отъ графа Ростопчина, гдѣ тотъ передавалъ настоятельную просьбу Павла I приготовить доводы за и противъ ко второму параду. Я узналъ потомъ, что этотъ министръ, встревоженный увлеченіемъ своего государя, пустилъ тогда въ ходъ все, чтобы помѣшать успѣху Дюмурье; тѣмъ не менѣе онъ дружески приглашалъ его къ себѣ обѣдать; расточалъ передъ нимъ коварныя ласки и знаки довѣрія; онъ сказалъ ему: «Что сдѣлали вы, дорогой генералъ, съ моимъ императоромъ?—онъ только и думаетъ, что о Дюмурье; онъ увлеченъ вашимъ краснорѣчіемъ. Его величество прочелъ мнѣ два первыхъ параграфа присланныхъ ему вчера доводовъ *за* и *противъ*; онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ третьяго параграфа; вы произвели на него глубокое впечатлѣніе».

На третьемъ парадѣ императоръ выражалъ такое довѣріе къ Дюмурье, что планы его, повидимому, окончательно восторжествовали. Его величество велѣлъ прекратить бой барабановъ. Упражненія дѣлались среди полной тишины; онъ передалъ коман-

дованіе парадомъ своему старшему сыну, великому князю Александру, и разговаривалъ болѣе часа съ Дюмурье. Подробности этого разговора могутъ показаться неправдоподобными. Павелъ I, несмотря на свое непостоянство, обладалъ прекрасными душевными качествами; онъ обнаруживалъ умъ и доблести, дѣлавшіе его достойнымъ трона. Генералъ Дюмурье признался мнѣ, что онъ былъ глубоко пораженъ ими. Во время этой интересной бесѣды они обсуждали современное состояніе воюющихъ державъ, неисчислимыя опасности французской революціи, ошибки послѣдней кампаніи и средства ихъ исправленія. Во время этой бесѣды Павелъ I выразился слѣдующимъ образомъ: «Вы внушили мнѣ уваженіе и довѣріе; я вѣрю, что вы преданы моимъ интересамъ. Послѣ нашего совѣщанія я уполномачиваю васъ вступить въ переговоры съ англійскимъ посломъ относительно субсидіи; пришлите мнѣ, какъ можно скорѣе, третій параграфъ; я прикажу графу Ростопчину оффиціально уполномочить васъ вести переговоры». Дюмурье вернулся въ восторгѣ отъ Павла I. Генералъ не сомнѣвался болѣе въ успѣхѣ своей миссіи. Когда онъ посвятилъ меня въ подробности того, что произошло, я, подобно ему, восторгался прекрасными качествами императора, его благими намѣреніями, добротой его сердца; но самые размѣры успѣха Дюмурье внушали мнѣ безпокойство. Я зналъ, что партія министра, исключая не входившаго въ нее графа Панина, была встревожена милостями, которыми былъ осыпанъ Дюмурье; что противъ него воздвигались сильныя батареи. Я сказалъ генералу: «Мнѣ кажется, что вы сидите на го-

рячихъ угольяхъ; недовольные благосклоннымъ отношеніемъ императора къ вамъ враги вашихъ плановъ удвоятъ дѣятельность, чтобы подвести подъ васъ мины. Ихъ тактика имѣетъ большое преимущество; они ежедневно видятъ императора; они выжидаютъ благопріятнаго момента; если имъ удастся улучить его, весь вашъ планъ рухнетъ; достаточно какого-нибудь событія, которое привело бы въ дурное настроеніе императора, чтобы побудить этого государя къ разрыву, который рекомендуетъ ему его министръ». Дюмурье ничуть не сомнѣвался, что императоръ принялъ окончательное рѣшеніе подъ вліяніемъ бесѣдъ съ нимъ на парадѣ и вѣскихъ мотивовъ, развитыхъ имъ въ третьемъ параграфѣ. Къ несчастью, въ теченіе трехъ дней подрядъ не было парада вслѣдствіе страшнаго мороза. Во время этого промежутка генералъ былъ приглашенъ къ графу Ростопчину. Министръ сказалъ ему, что сначала онъ имѣлъ приказъ дать ему оффиціальныя полномочія для переговоровъ съ англійскимъ министромъ, но что особыя соображенія побудили его величество отложить эти переговоры до прибытія категорическаго отвѣта вѣнскаго двора по поводу Анконскаго дѣла; что это отсрочитъ переговоры на какія-нибудь двѣ недѣли и т. д. и т. д. Эта неожиданная отсрочка послѣ того, что произошло на третьемъ парадѣ, означала полный успѣхъ батарей, выдвинутыхъ противъ Дюмурье; онъ сомнѣвался въ этомъ; что касается меня, то я былъ въ этомъ убѣжденъ, несмотря на настоятельныя просьбы Павла I и его министра прислать третій параграфъ. Дюмурье закончилъ этотъ параграфъ и, несмотря на свою тревогу, написалъ его превосходно, расчитывая увлечь Павла I.

Параграфъ былъ посланъ и полученъ въ тотъ день, когда императоръ узналъ о заключеніи мира великимъ визиремъ съ французами въ Египтѣ. Государь, убѣжденный, что мирный договоръ, которымъ онъ былъ крайне недоволенъ, былъ дѣломъ рукъ Сиднея Смитта и былъ одобренъ англійскимъ посломъ въ Константинополѣ, пришелъ въ отвратительное настроеніе духа; министръ воспользовался этимъ моментомъ, чтобы убѣдить его окончательно отдѣлиться отъ англійской и австрійской коалиціи. Императоръ прочелъ третій параграфъ какъ разъ въ тѣ четверть часа, когда онъ былъ охваченъ сильнѣйшимъ раздраженіемъ. Его величество, враждебно настроенный министромъ, велѣлъ ему написать Дюмурье, что онъ прочелъ третій параграфъ, что ему нечего отвѣчать Дюмурье и что, такъ какъ присутствіе генерала можетъ быть необходимо въ другомъ мѣстѣ, то онъ находитъ отнынѣ его пребываніе въ С.-Петербургѣ излишнимъ... Такова была развязка предыдущихъ сценъ. Письмо не заключало прямого приказанія уѣхать, но весьма прозрачно намекало на это. Генералъ понялъ это и, полагая, что нельзя найти опоры на такой зыбкой почвѣ, отвѣтилъ, что желая, какъ можно скорѣе, исполнить волю его величества, онъ проситъ министра прислать ему паспортъ. Этотъ паспортъ былъ вскорѣ присланъ съ весьма корректнымъ письмомъ. Графъ Ростопчинъ писалъ въ тотъ же самый день вице-канцлеру графу Панину: «То, что я предвидѣлъ, произошло; императоръ, утомленный настойчивыми попытками генерала Дюмурье убѣдить его снова вступить въ коалицію, приказалъ мнѣ дать понять генералу, что онъ можетъ уѣзжать»...

Графъ Панинъ, отнюдь не раздѣлялъ образа мыслей графа Растопчина, желалъ успѣха проектовъ Дюмурье; онъ не былъ такъ хитеръ, такъ вкрадчивъ, какъ министръ, и не страдалъ его двуличностью. Дюмурье, раскусивъ, наконецъ, министра, открылъ всю свою душу передъ вице-канцлеромъ. Послѣдній посовѣтовалъ ему написать графу Растопчину, чтобы выяснить, не удостоится ли онъ чести получить передъ отъѣздомъ отпускъ отъ его величества и не долженъ ли онъ, согласно закону, трижды объявить о своемъ отъѣздѣ въ «Вѣдомостяхъ».

Министръ отвѣтилъ приглашеніемъ на обѣдъ; это было въ среду. Дюмурье сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія, чтобы уѣхать въ четвергъ. Англійскій посолъ, ничего не зная о происшедшей катастрофѣ, рѣшилъ устроить въ среду обѣдъ въ честь генерала. Неожиданное приглашеніе Ростопчина заставило того поблагодарить англійскаго посла и отказаться отъ обѣда у него. Когда Дюмурье прибылъ къ Ростопчину, то послѣдній не зналъ, гдѣ его посадить; но ему не удалось больше обмануть Дюмурье. Ростопчинъ встрѣтилъ его словами: «Какъ поняли вы смыслъ моего письма, дорогой генералъ? Говорятъ, что вы хотите ѣхать завтра; къ чему такая поспѣшность? Государь императоръ не даетъ вамъ такого приказанія; онъ глубоко уважаетъ васъ; но, безповоротно принявъ рѣшеніе, противоположное вашимъ проектамъ, онъ полагаетъ, что вы можете быть необходимы въ другомъ мѣстѣ. Я сегодня же вечеромъ передамъ его величеству ваше желаніе получить прощальную аудіенцію и со-

общу вамъ его отвѣтъ». Генералъ отвѣтилъ: «Я думалъ, что иду навстрѣчу желаніямъ императора и вашимъ собственнымъ, торопясь съ отъѣздомъ, и по той же причинѣ я отказался сегодня обѣдать у англійскаго посла. „Прекрасно,—возразилъ Ростопчинъ:—я хочу лишить себя сегодня удовольствія обѣдать съ вами; я настаиваю на томъ, чтобы вы шли къ сэру Вильворту; но зато вы должны быть у меня въ пятницу". Въ четвергъ Ростопчинъ написалъ Дюмурье утромъ, что его ходатайство доложено имъ его величеству, что тотъ не видитъ необходимости въ прощальной аудіенціи и что генералъ освобождается отъ троекратной публикаціи въ „Вѣдомостяхъ" о своемъ отъѣздѣ. Лица, знавшія тактику Ростопчина, предвидѣли этотъ отвѣтъ. Министръ, страшно довольный тѣмъ, что ему удалось выпроводить Дюмурье, боялся новой встрѣчи его съ императоромъ.

Дюмурье рѣшилъ отправиться въ путь въ субботу; въ четвергъ онъ былъ приглашенъ графомъ Строгановымъ, однимъ изъ любезнѣйшихъ вельможъ С.-Петербурга; мы уже упоминали о немъ. Дюмурье написалъ ему, благодаря за приглашеніе и отказываясь отъ него въ виду близости отъѣзда. Въ этомъ, весьма искусно составленномъ, письмѣ онъ отозвался съ похвалой о Павлѣ I. Графъ Строгановъ, одинъ изъ приближенныхъ императора, показалъ Павлу письмо генерала Дюмурье. „Пусть онъ не уѣзжаетъ раньше субботы,—сказалъ графу государь:—мнѣ очень досадно, что вамъ нельзя будетъ послушать его, вы убѣдились бы въ справедливости всего того, что я говорилъ вамъ о богатствѣ и силѣ его

ума; онъ зажегъ меня; я былъ увлеченъ имъ; но послѣ зрѣлаго размышленія я склонился къ плану, который кажется мнѣ наиболѣе подходящимъ при данныхъ условіяхъ; я многаго достигъ и сдѣлалъ бы еще больше, если бы не маккіавелевская политика моихъ вѣроломныхъ союзниковъ". Этотъ отвѣтъ императора передавалъ мнѣ самъ графъ Строгановъ.

Наканунѣ своего отъѣзда, въ пятницу, Дюмурье обѣдалъ у графа Ростопчина. Министръ, сохранившій личину дружбы, обласкалъ его, просилъ сообщить о себѣ новости, увѣряя, что гдѣ бы ни былъ Дюмурье, онъ можетъ расчитывать на покровительство императора. Ростопчинъ, боясь пера Дюмурье и его недоброжелательства, расточалъ передъ нимъ проявленія самой горячей симпатіи, рукоплеща въ душѣ тому, что рѣшенъ его отъѣздъ. Дюмурье не далъ себя одурачить. Если когда-нибудь онъ напечатаетъ о той миссіи, съ которой онъ былъ въ С.-Петербургѣ, то его мужественный и нервный стиль изобразитъ намъ Ростопчина въ такихъ краскахъ, какихъ тотъ вполнѣ заслуживаетъ. Если я позволилъ себѣ подробно разсказать здѣсь этотъ случай, то потому, что мнѣ казалось, что онъ даетъ точный портретъ лицъ, характеръ и дѣйствія которыхъ имѣютъ нынѣ такое большое вліяніе на событія, отъ исхода коихъ зависитъ счастье или несчастье Европы.

Читателю будетъ, можетъ быть, интересно познакомиться съ планомъ Дюмурье. Я изложу его въ общихъ чертахъ. Русскія войска, не отдѣляясь отъ коалиціи, будутъ дѣйствовать самостоятельно; русскій императоръ пошлетъ армію въ пятьдесятъ ты-

сячъ человѣкъ, которая должна будетъ двинуться на Майнцъ черезъ Франконію, тогда какъ австрійцы задержатъ французовъ въ Италіи, Швейцаріи и на Рейнѣ. Тѣмъ временемъ двѣнадцать тысячъ русскихъ, соединившись съ двѣнадцатью тысячами, находившимися съ англичанами и восемнадцатью тысячами датчанъ, состоявшихъ на жалованьи у Англіи, неожиданно высадятся въ Нормандіи, которая несомнѣнно готова провозгласить королемъ Людовика XVIII. Высадившаяся армія поспѣшно двинется на Парижъ и произведетъ контръ-революцію. Подробно развитыя доказательства практической осуществимости этого плана заставляли предрекать ему успѣхъ. Если бы арміи коалиціи отвлекли силы и вниманіе французовъ въ Италіи, Швейцаріи, на верховьяхъ и низовьяхъ Рейна, то высадившаяся армія безпрепятственно двинулась бы къ Парижу. Генералъ Дюмурье, знавшій Нормандію, ручался за успѣхъ; онъ не требовалъ, чтобы ему было предоставлено командованіе; его роль свелась бы къ тому, чтобы быть проводникомъ и совѣтникомъ, причемъ главнокомандующему должно было быть дано приказаніе не отступать отъ плана, разработаннаго во всѣхъ подробностяхъ, нанесеннаго на карту и одобреннаго императоромъ, и сообразоваться съ указаніями Дюмурье относительно особенностей мѣстности и передвиженія войскъ.

Во главѣ военнаго министерства стоитъ, собственно говоря, одинъ императоръ, главной заботой котораго является созданіе и организація въ имперіи многочисленной и грозной арміи. Отдѣльныя функціи этого министерства поручены коллегіи, которая но-

сить названіе военной коллегіи. Эта коллегія находится подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала и раздѣлена на нѣсколько канцелярій: отсюда исходятъ приказанія, касающіяся арміи. Военное министерство въ С.-Петербургѣ помѣщается въ большомъ и просторномъ зданіи, на набережной Мойки, въ которомъ работаютъ чиновники военной коллегіи.

Русская армія при Павлѣ I насчитываетъ шестьсотъ тысячъ солдатъ, независимо отъ весьма многочисленныхъ иррегулярныхъ войскъ. Регулярныя войска состоятъ изъ пѣхоты, артиллеріи, кавалеріи—драгуновъ и гусаръ; въ составъ иррегулярныхъ войскъ входятъ красные казаки, голубые, или, такъ называемые, донскіе казаки и калмыки. Пѣхота, артиллерія и драгуны носятъ мундиры изъ темно-зеленаго сукна; они отличаются другъ отъ друга воротниками, галунами и обшлагами рукавовъ; кавалерія не имѣетъ опредѣленнаго цвѣта; бѣлые кирасиры отличаются отъ другихъ цвѣтомъ воротника, галуновъ и обшлаговъ; существуютъ красные, голубые и бѣлые гусары.

Русская армія стоитъ царской казнѣ недорого. Каждый русскій родится солдатомъ. Отдѣльныя губерніи должны производить рекрутскій наборъ и наполнять полки, забота о которыхъ лежитъ на нихъ. Какъ только русскій призванъ на военную службу, онъ говоритъ «прости» родителямъ и своей семьѣ; онъ становится солдатомъ на всю жизнь. Когда онъ утрачиваетъ способность къ службѣ по старости или отъ ранъ, то его помѣщаютъ въ богадѣльню, содержимую на средства губерніи, доставляющей солдатъ.

Въ предшествующія царствованія выписывали ино-

странныхъ офицеровъ, которые сдѣлали чрезвычайно много для созданія и организаціи русской арміи. Павелъ I, повидимому, очень хотѣлъ обойтись безъ иностранныхъ офицеровъ; онъ надѣется найти въ своихъ многочисленныхъ губерніяхъ достаточно храбрыхъ, образованныхъ и опытныхъ подданныхъ, чтобы восполнить пробѣлы, которыми страдали раньше арміи его имперіи. Впрочемъ, какой незаурядный офицеръ захочетъ нынѣ отдать ему свои таланты и свою жизнь, когда онъ каждый день рискуетъ потерять мѣсто и впасть въ немилость часто безъ всякой вины?

Вотъ примѣръ: это произошло въ то время, когда мы были въ С.-Петербургѣ. Маркизъ д'Отишанъ, генералъ-лейтенантъ, заслужилъ репутацію способнаго каваллерійскаго генерала. Онъ эмигрировалъ въ Англію, гдѣ къ нему относились съ большимъ уваженіемъ, и былъ призванъ затѣмъ въ Россію Павломъ I. Я читалъ письмо, которое императоръ написалъ ему собственной рукой. По прибытіи въ С.-Петербургъ онъ встрѣтилъ самый лестный пріемъ, къ нему отнеслись съ глубочайшимъ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ; его назначили гвардейскимъ генераломъ и командиромъ конно-гвардейскаго полка, самаго прекраснаго, самаго богатаго и великолѣпнаго полка имперіи. Императоръ удостоилъ его личной дружбы и безпрестанно совѣтовался съ нимъ. Маркизъ д'Отишанъ, желая доказать свое рвеніе и безкорыстіе и отблагодарить императора, посовѣтовалъ ему реформировать конно-гвардейскій полкъ въ виду тѣхъ чрезмѣрныхъ расходовъ, которыхъ онъ требовалъ, будучи очень хорошъ для парада, но него-

денъ для войны. Его мотивированный планъ былъ принятъ. Въ награду ему дали полкъ кирасиръ и поручили инспекцію надъ войсками Украйны, одной изъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ областей имперіи. Какъ только онъ прибылъ въ Украйну, онъ тотчасъ же замѣтилъ большія злоупотребленія и необходимость крупныхъ реформъ.

Его первые доклады были приняты весьма благосклонно. Павелъ I поздравлялъ себя съ тѣмъ, что нашелъ генерала, характеръ котораго, здравый умъ и опытность должны были помочь ему преобразовать кавалерію.

Ободренный своими первыми успѣхами, маркизъ д'Отишанъ счелъ долгомъ затронуть острые вопросы и коснуться корня злоупотребленій. На полковниковъ была возложена обязанность завѣдыванія хозяйственной частью ихъ полковъ. Большинство изъ нихъ, находясь вдали отъ столицы, наживались незаконными способами, нанося ущербъ императорской казнѣ и причиняя вредъ арміи: это было застарѣлое зло, возроставшее благодаря преступному попустительству военныхъ инспекторовъ. Маркизъ д'Отишанъ предвидѣлъ, что, желая искоренить злоупотребленія, онъ вооружитъ противъ себя могущественныхъ враговъ; но, полагаясь на справедливость и благосклонность императора, онъ донесъ на двухъ полковниковъ, изобличенныхъ въ тяжкомъ нарушеніи служебнаго долга при веденіи хозяйства въ своихъ полкахъ. Благосклонность императора, на которой покоилась его увѣренность въ успѣхѣ, создала ему при дворѣ и въ военномъ совѣтѣ многочисленныхъ враговъ, объеди-

нившихся для того, что бы погубить его. Полковники о дѣйствіяхъ которыхъ онъ донесъ, имѣли большія связи въ придворныхъ сферахъ. Военный совѣтъ съ завистью взиралъ на иностранца, желавшаго стать реформаторомъ. Враги генерала д'Отишанъ направили всѣ свои усилія на то, чтобы бросить тѣнь на его доклады; его выставляли сварливымъ человѣкомъ, неумѣстныя строгости котораго должны были отбить охоту отъ военной службы у большого числа высшихъ офицеровъ знатнаго происхожденія, выдѣлившихся своими талантами и заслугами. Воспользовались одной изъ тѣхъ минутъ, когда Павелъ легко поддавался необузданнымъ вспышкамъ гнѣва. Маркизъ д'Отишанъ былъ тотчасъ же разжалованъ и принужденъ оставить службу. Узнавъ эту новость, онъ рѣшилъ, что нельзя занимать безнаказанно ввѣренный ему постъ, понимая свои задачи такъ, какъ онъ ихъ понималъ. Онъ былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы стараться оправдаться и, бросивъ обозъ, сопровождавшій генералъ-инспектора, продалъ своихъ лошадей, чтобы имѣть возможность возвратиться въ Англію. Онъ вернулся въ С.-Петербургъ чтобы взять тамъ супругу и сѣсть на судно, отходившее въ Лондонъ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что наслѣдникъ, великій князь Александръ, послалъ къ нему курьера съ увѣдомленіемъ, что императоръ рѣшилъ вернуть ему свою благосклонность и поручить командованіе дивизіей обсерваціонной арміи въ Самогитіи. Онъ колебался, думая о непрочности важныхъ постовъ при существованіи столь деспотическаго правительства; сперва онъ хотѣлъ отказаться, но онъ былъ такъ

тронутъ добротой императрицы и великаго князя Александра, что счелъ своимъ долгомъ принять предложеніе императора. Приглашенный по своемъ прибытіи къ этимъ августѣйшимъ особамъ, онъ узналъ отъ нихъ о намѣреніяхъ императора и получилъ совѣтъ отнюдь не объясняться по поводу того, что произошло, и идти на слѣдующій день на парадъ, гдѣ императоръ милостиво приметъ его и назначитъ командиромъ полка кирасиръ и главнокомандующимъ дивизіей въ Самогитіи; эту должность только что оставилъ баронъ Вьомениль, чтобы принять командованіе русскими войсками въ Швейцаріи, и маркизъ получитъ приказъ немедленно отправиться къ мѣсту своего служенія, такъ какъ присутствіе его тамъ признавалось необходимымъ.

Маркизъ д'Отишанъ явился на парадъ; императоръ оказалъ ему почетный пріемъ, назначилъ командиромъ полка кирасиръ и начальникомъ самогитской дивизіи, состоявшей изъ двадцати тысячъ человѣкъ. Какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, маркизъ д'Отишанъ занималъ помѣщеніе во дворцѣ князя Зубова. Когда я имѣлъ честь видѣть его, онъ разсказалъ мнѣ самъ эти подробности относительно оказанныхъ ему милостей, опалы и новаго возвышенія. Онъ прибавилъ, что послѣднее будетъ, можетъ быть, непродолжительно; что при такомъ деспотическомъ и непостоянномъ правительствѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ, несмотря на все свое усердіе, снова впадетъ въ немилость. Впрочемъ, прибавилъ онъ, я готовъ ко всему; онъ оказался пророкомъ. Четыре мѣсяца спустя онъ былъ смѣщенъ, получилъ отставку съ лишеніемъ чиновъ

и пенсіи и все это изъ-за предполагаемаго проступка, въ которомъ онъ былъ невиновенъ, какъ это было имъ доказано. Его обвинили въ нарушеніи приказа по военному вѣдомству, запрещавшаго полковникамъ брать писцовъ изъ другихъ полковъ. Маркизъ д'Отишанъ и не думалъ брать ихъ; онъ лишь уничтожилъ лишнихъ. Павелъ I не могъ не знать о его невиновности; онъ позволилъ уѣхать этому храброму офицеру и его супругѣ, не выказавъ по отношенію къ нимъ ни малѣйшей благосклонности. На обратномъ пути изъ С.-Петербурга я снова видѣлъ его въ Ригѣ; онъ готовился сѣсть на судно, плывшее въ Гамбургъ; онъ не жаловался и сказалъ мнѣ лишь слѣдующее: „если бы я зналъ лучше Павла I, то я никогда не покинулъ бы Англіи". Этотъ императоръ не прощалъ нарушенія его приказовъ; самымъ разительнымъ доказательствомъ тому является опала генералиссимуса князя Суворова.

Суворовъ, достигшій высшаго поста въ арміи благодаря ряду непрерывныхъ успѣховъ, вызывавшихъ удивленіе Азіи и Европы, сдѣлался героемъ своего вѣка. Я безусловно не согласенъ съ отталкивающимъ портретомъ Суворова, который рисуетъ авторъ секретныхъ мемуаровъ о Россіи: онъ изображаетъ его разбойникомъ съ душой тигра. Я не спорю, что разгромъ Праги, варшавскаго предмѣстья, бросаетъ тѣнь на его славныя дѣянія; но онъ служилъ лишь, по его словамъ, исполнителемъ приказаній своей государыни, Екатерины II. Какъ бы то ни было, Россія гордилась тѣмъ, что создала такого великаго генерала. Замѣчательныя побѣды его въ Италіи, его чудесный переходъ черезъ горы Швей-

царіи, несмотря на бо́льшой численный перевѣсъ французской арміи, одержавшей побѣду подъ Цюрихомъ, побудили Павла принять рѣшеніе оказать ему такія почести, какихъ не удостоивался еще ни одинъ русскій подданный. Указъ, или императорскій манифестъ, распубликованный по всей имперіи, возвѣщалъ, что высокіе подвиги генералиссимуса, князя италійскаго, Суворова-Рымникскаго, настолько возвеличили славу русскаго оружія, что почти всѣ европейскіе государи, пораженные удивленіемъ, пожаловали его своими орденами; что Россія удостоила его высшихъ воинскихъ почестей, и что государю остается лишь одно средство вознаградить его за столь выдающіяся заслуги: повелѣть всѣмъ своимъ подданнымъ оказывать генералиссимусу тѣ же самыя почести, какія оказываются самому императору, и оказывать ихъ даже въ присутствіи его императорскаго величества. Таковъ точный смыслъ указа.

Когда Павелъ I, недовольный вѣнскимъ дворомъ, рѣшилъ вернуть свои войска въ Россію, новый указъ возвѣстилъ, что его императорское величество, желая доказать свое благоволеніе къ генералиссимусу Суворову, повелѣваетъ ему совершить торжественный въѣздъ въ С.-Петербургъ; значительный отрядъ кавалеріи, драгунъ, гусаръ и казаковъ долженъ былъ выѣхать къ нему навстрѣчу за нѣсколько верстъ отъ императорской резиденціи; двадцать тысячъ пѣхоты должны были стоять шпалерами на его пути; всѣ улицы С.-Петербурга должны были быть иллюминованы; герой-тріумфаторъ долженъ былъ быть отвезенъ въ императорской колесницѣ съ величайшей пышностью во дворецъ его величества, чтобы

занять тамъ приготовленные для него покои; для увѣковѣченія памяти столь великаго человѣка на большой военной площади С.-Петербурга долженъ былъ быть воздвигнутъ памятникъ изъ мрамора и бронзы, который воспроизводилъ бы черты героя и напоминалъ бы объ его самыхъ замѣчательныхъ побѣдахъ. Подобное распоряженіе обезсмертило царствованіе Павла I.

По возвращеніи въ Россію, Суворовъ заболѣлъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій въ Литвѣ. Встревоженный императоръ поспѣшилъ послать къ нему своего доктора, убѣдительно прося того ничего не жалѣть для сохраненія столь драгоцѣнной жизни. Всѣ готовились къ встрѣчѣ русскаго героя: Академія Художествъ сдѣлала модель памятника; знаменитѣйшіе скульпторы приняли участіе въ созданіи ея... Мы увидимъ сейчасъ, чѣмъ кончились эти блестящія приготовленія.

Какъ мы сказали, Павелъ I требуетъ неукоснительнаго исполненія изданныхъ имъ указовъ; никто не можетъ безнаказанно нарушать ихъ, если даже это лицо осыпано монаршими милостями, будь это самъ наслѣдникъ трона. Императоръ велѣлъ распубликовать по арміи указъ, регламентировавшій военную службу; генералиссимусъ долженъ былъ назначать поочередно одного изъ генераловъ арміи дежурнымъ генераломъ, обязаннымъ передавать приказанія генералиссимуса по назначенію. Суворовъ не обращалъ вниманія на этотъ законъ, оставляя его безъ примѣненія. Князь Багратіонъ, единственный генералъ, котораго онъ считалъ заслуживающимъ довѣрія, былъ постоянно дежурнымъ. Это пред-

почтеніе, стоявшее въ прямомъ противорѣчіи съ указомъ, вызвало большое недовольство. Во время блестящихъ успѣховъ генералиссимуса въ Италіи, на него не осмѣливались жаловаться; но, какъ только Суворовъ вернулся, и распространился слухъ, что его болѣзнь по всѣмъ признакамъ смертельна, недовольные генералы соединились, чтобы жаловаться, говоря, что они были лишены возможности представить доказательства своего усердія, которыхъ требовало отъ нихъ милостивое вниманіе его величества. Этотъ фактъ былъ доведенъ до свѣдѣнія императора; онъ былъ доказанъ; Павелъ I излилъ свой гнѣвъ въ энергичныхъ выраженіяхъ: „Какъ,—вскричалъ онъ:—мой указъ открыто нарушается тѣмъ, кто долженъ наблюдать за его исполненіемъ! Подобное презрѣніе къ моей власти требуетъ примѣрнаго возмездія“. Вскорѣ появился указъ, прочитанный передъ всѣми полками, объявлявшій, что генералиссимусъ князь Суворовъ заслуживаетъ осужденія за то, что онъ самъ нарушилъ императорскій указъ, исполненіе котораго было поручено ему, такъ какъ онъ былъ облеченъ высшею властью. Съ этого момента опала генералиссимуса приняла серьезный характеръ. Предназначенные для него покои во дворцѣ были отданы принцу Мекленбургскому; приготовленія къ торжественному въѣзду были отмѣнены; работы по сооруженію памятника были запрещены. Офицеры генеральнаго штаба Суворова, прибывшіе въ С.-Петербургъ въ полной увѣренности, что они будутъ приняты съ почетомъ и награждены, получили приказъ немедленно вернуться къ своимъ войсковымъ частямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было запрещено являться ко двору.

Генералиссимусъ, нѣсколько поправившись, двинулся въ путь; онъ узналъ о своей опалѣ въ Ригѣ и былъ глубоко огорченъ ею. Такъ какъ ему не было запрещено явиться въ С.-Петербургъ, то онъ прибылъ туда, такъ сказать, инкогнито. Онъ скромно остановился у своей племянницы, жившей въ одномъ изъ зданій, прилегавшихъ къ дворцу. Такъ какъ указъ, объявлявшій его опальнымъ, былъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе, то никто не осмѣлился явиться къ нему для выраженія своего сочувствія и почтенія. Скорбь обострила его болѣзнь и онъ велѣлъ позвать приходскаго священника, чтобы причаститься Св. Тайнъ. Императоръ, узнавъ, что болѣзнь Суворова ухудшилась, послалъ камергера справиться о состояніи его здоровья; друзьямъ разрѣшено было навѣщать его; отъ него никто не слышалъ ни жалобъ, ни ропота; онъ мужественно и спокойно ждалъ смерти и, помолившись за благоденствіе имперіи, тихо скончался черезъ шестнадцать дней по прибытіи въ С.-Петербургъ. Его смерть казалась всѣмъ великимъ бѣдствіемъ; она повергла въ ужасъ всѣхъ русскихъ. Узнавъ о ней, императоръ сказалъ своимъ приближеннымъ: „Вотъ герой, отдавшій дань природѣ; его неповиновеніе причинило мнѣ горе, потому что заставило завянуть его лавры“.

Набальзамированное тѣло было выставлено съ открытымъ лицомъ въ продолженіе четырехъ дней на парадномъ ложѣ, вокругъ котораго, на табуретахъ, покрытыхъ парчой, виднѣлись шпага и фельдмаршальскій жезлъ, усыпанные брилліантами, даръ Екатерины II, и всѣ ордена, которыми былъ пожалованъ герой. Залъ, гдѣ покоилось тѣло, былъ об-

тянутъ черной матеріей и въ немъ горѣло множество свѣчей. Простонародье и знать направлялись туда поклониться его праху; толпа не убывала въ теченіе всѣхъ четырехъ дней. Я видѣлъ его; онъ походилъ на спящаго. Когда императора спросили о церемоніалѣ при погребеніи, то онъ отвѣтилъ: „Пусть ему окажутъ тѣ же почести, какъ фельдмаршалу Румянцеву“. Отвѣтъ этотъ разсматривался, какъ продолженіе опалы, ибо званіе генералиссимуса и громкая слава Суворова заставляли ожидать болѣе пышнаго церемоніала.

День похоронъ Суворова былъ днемъ траура для всего С.-Петербурга; знать и простонародье собирались толпами на пути погребальнаго шествія; улицы и окна были полны зрителей. Самъ императоръ показался на конѣ съ немногочисленной свитой на углу одной улицы. Конные и пѣшіе городовые шли впереди; три батальона пѣхоты шли по бокамъ и сзади погребальной колесницы, покрытой парчой и запряженной шестеркой лошадей въ черныхъ попонахъ; многочисленное духовенство шло передъ колесницей; офицеры несли ордена усопшаго; двѣнадцать пушекъ съ отрядомъ артиллеристовъ слѣдовали за тѣломъ; нѣсколько министровъ и придворныхъ вельможъ шли пѣшкомъ въ глубокомъ траурѣ вслѣдъ за колесницей вмѣстѣ съ родственниками генералиссимуса. Я былъ свидѣтелемъ этого погребальнаго шествія; всѣ лица выражали ужасъ и скорбь. Такова была кончина этого славнаго героя! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что огорченіе, причиненное ему опалой, ускорило его смерть.

Суворовъ былъ глубоко преданъ своей религіи и

своему отечеству; его благочестіе равнялось его храбрости. Несмотря на маленькій ростъ и незначительную физіономію, онъ отличался военнымъ геніемъ, дѣлавшимъ его непобѣдимымъ. Его великій талантъ состоялъ въ умѣньѣ внушать солдатамъ замѣчательное довѣріе; всегда впередъ, никогда не отступать,—таковъ былъ его лозунгъ; нападая, онъ никогда не считалъ силъ своего врага; побѣдить или умереть—таковъ былъ его лозунгъ и лозунгъ его арміи. Онъ, можетъ быть, единственный генералъ, непрерывные успѣхи котораго были безъ пятенъ и не имѣли оборотной стороны. Образъ его жизни былъ чрезвычайно оригиналенъ; онъ жилъ, какъ древніе скиѳы; его трапезы, его часто причудливый костюмъ и крайнее благочестіе напоминали скорѣе татарскіе нравы, чѣмъ европейскіе обычаи. Онъ оставилъ сына, унаслѣдовавшаго его фамилію и богатства, но который никогда не будетъ имѣть его талантовъ и его славы. Такъ какъ онъ разошелся со своей женой, то не хотѣлъ признавать сына. Екатерина II настояла на его отцовствѣ, назначивъ его сына гвардейскимъ офицеромъ и приказавъ Суворову обращаться съ нимъ, какъ съ законнымъ ребенкомъ. Не должны ли мы удивляться послѣ этихъ, только что разсказанныхъ нами фактовъ, читая въ секретныхъ мемуарахъ о Россіи, что Суворовъ—чудовище, заключавшее въ тѣлѣ обезьяны душу кровожаднаго пса.

Унижаетъ свою кисть тотъ, кто окунаетъ ее въ такія отвратительныя краски.

Русская армія во время мира расквартирована по городамъ и деревнямъ различныхъ губерній имперіи и находится подъ надзоромъ и командованіемъ ге-

нераловъ, назначаемыхъ въ каждый военный округъ. Гарнизонъ резиденціи императора обыкновенно равняется тридцати-сорока тысячамъ человѣкъ и состоитъ изъ трехъ гвардейскихъ полковъ пѣхоты, одного полка кавалеріи, казаковъ, лейбъ-гвардіи и различныхъ полковъ всѣхъ родовъ оружія. Эти послѣдніе смѣняются ежегодно, чтобы императоръ могъ ихъ видѣть и слѣдить за ихъ обученіемъ.

Комендантомъ этого гарнизона состоитъ генералъ, которому отведено помѣщеніе во дворцѣ императора, чтобы тому было удобнѣе отдавать ему приказанія. Этого поста очень домогаются, такъ какъ занимающій его находится въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ императоромъ.

Флотъ.

Флотъ, созданный Петромъ.—Путешествіе Петра I въ Голландію.—Стотридцати пушечный корабль, спущенный на Неву.

До Петра I Россія не имѣла ни одного фрегата: геніальный царь задался цѣлью сдѣлать Россію могучей морской державой; онъ имѣлъ въ своей имперіи въ изобиліи необходимые матеріалы для постройки кораблей, но у него не было ни строителей, ни работниковъ, ни моряковъ, ни матросовъ; онъ зналъ, что послушный, терпѣливый и трудолюбивый русскій народъ обладалъ большимъ талантомъ въ подражаніи, но былъ лишенъ творческаго генія. Онъ чувствовалъ, что недостаточно привлечь въ государ-

ство чужеземцевъ, способныхъ руководить этими важными работами, и что ему надо самому дать великій примѣръ подвластнымъ ему народамъ и лично изучить судостроеніе, чтобы вызвать въ нихъ интересъ къ нему и внушить имъ необходимые пылъ и рвеніе. Онъ рѣшилъ поэтому сдѣлаться корабельнымъ мастеромъ: это было причиной его путешествія въ Голландію и пребыванія тамъ. Принявъ мѣры къ тому, чтобы управленіе имперіей находилось во время его отсутствія въ надежныхъ рукахъ, онъ отправился съ нѣсколькими русскими вельможами и рабочими въ Амстердамъ, а оттуда въ селеніе Саардамъ, гдѣ находятся самыя большія верфи для сооруженія военныхъ кораблей Батавской республики и голландскаго адмиралтейства. Онъ остановился здѣсь со своей свитой и, забывая, что онъ государь великой имперіи, облекся въ кафтанъ и надѣлъ фартукъ плотника, чтобы обучаться вмѣстѣ съ сопровождавшими его русскими подъ руководствомъ самаго искуснаго корабельнаго мастера Саардама. Легко догадаться, какое усердіе должно было охватить его подданныхъ при видѣ государя съ топоромъ и рубанкомъ. Въ Саардамѣ до сихъ поръ еще показываютъ одежду Петра Великаго и инструменты, которыми онъ работалъ. Я имѣлъ удовольствіе видѣть и касаться ихъ съ чувствомъ удивленія и благоговѣнія во время своего путешествія по Голландіи въ 1766 году. Когда этотъ великій человѣкъ постигъ судостроеніе во всѣхъ подробностяхъ и рѣшилъ, что онъ въ состояніи строить самые крупные военные корабли и создавать хорошихъ моряковъ и хорошихъ матросовъ, онъ вернулся въ свою страну, наверб-

вавъ большое число искусныхъ мастеровъ и хорошихъ рабочихъ, чтобы приняться за свое великое дѣло и положить основы морскому могуществу Россіи. Тогда берега Невы при впаденіи ея въ Кронштадтскій заливъ украсились С.-Петербургомъ. Тогда именно онъ велѣлъ углубить и построить кронштадтскую гавань для военныхъ судовъ и флотилій, которыя, переплывъ Финляндскій заливъ, Балтійское море и Зундъ, могутъ помѣряться силами съ флотами самыхъ могучихъ морскихъ державъ Европы. Его преемники, осуществляя планъ этого великаго человѣка, дали русскому флоту значеніе и мощь, которыя дѣлаютъ его нынѣ однимъ изъ самыхъ сильныхъ. Павелъ I удваиваетъ свое рвеніе и заботы, чтобы поставить свой флотъ на должную высоту; онъ имѣетъ гавани, верфи, военныя суда и флотиліи на Черномъ морѣ, откуда они могутъ проникнуть въ Средиземное море черезъ Константинопольскій проливъ во время мира съ турками и угрожать Константинополю въ случаѣ войны. Совсѣмъ недавно мы видѣли его эскадры внушительныхъ размѣровъ, отплывшія изъ Балтійскаго моря, появившіяся въ Ламаншѣ и у береговъ Голландіи, тогда какъ другія вышли изъ Чернаго моря и поплыли по Средиземному на соединеніе съ англичанами. Недавно, когда казалось, что Данія будетъ вынуждена двинуть свой флотъ противъ англійскаго, Павелъ I велѣлъ снарядить двадцать линейныхъ кораблей и нѣсколько фрегатовъ, чтобы летѣть на помощь своему вѣрному союзнику, датскому королю. Въ настоящее время онъ имѣетъ въ своихъ верфяхъ искусныхъ англійскихъ и французскихъ корабельныхъ мастеровъ; существуютъ

русскіе мастера, которые въ совершенствѣ подражаютъ готовымъ моделямъ. Я видѣлъ спускъ корабля со ста тридцатью пушками и другого съ шестидесятью четырьмя, построенныхъ на верфяхъ С.-Петербургскаго Адмиралтейства подъ руководствомъ русскаго корабельнаго мастера.

Если Россія, которая у себя дома можетъ найти все необходимое для снаряженія флотилій: строевой лѣсъ, пеньку, мѣдь и желѣзо, достигнетъ того, что будетъ имѣть умѣлыхъ матросовъ, опытныхъ моряковъ и искусныхъ корабельныхъ мастеровъ, то ея флотъ станетъ когда-нибудь однимъ изъ самыхъ грозныхъ въ Европѣ. Въ настоящее время Павелъ стремится имѣть гавань на Средиземномъ морѣ; его тѣсный союзъ съ королемъ обѣихъ Сицилій и званіе великаго магистра ордена св. Іоанна въ Іерусалимѣ облегчаютъ ему достиженіе этой цѣли.

Современная политика Павла I.

Недовольство Павла I вѣнскимъ дворомъ.—Посланникъ графъ Кобенцль подвергнутъ опалѣ.—Крупные успѣхи австрійцевъ въ Италіи.—Анконское дѣло.—Запрещеніе вѣнскому посланнику являться при дворѣ.—Павелъ I требуетъ удовлетворенія.—Военный совѣтъ для обсужденія анконскаго дѣла.—Предложенія, сдѣланныя графу Кобенцлю для сближенія обоихъ дворовъ.—Эти условія отвергнуты.—Военный совѣтъ распущенъ.—Молчаливый разрывъ между двумя дворами.—Прибытіе молодого принца фюрстенбергскаго въ С.-Петербургъ.—Его миссія.—Принцу запрещено являться при дворѣ.—Обостреніе отношеній съ лон-

донскимъ дворомъ.—Раздраженіе Павла I противъ Англіи.—Мотивы, по которымъ Павелъ I сталъ великимъ мастеромъ.—Новый союзъ Россіи съ сѣверными дворами, Пруссіей съ Неаполемъ и Португаліей.

Павелъ I, видя Европу во власти бурь и пагубныхъ принциповъ французской революціи, полагалъ, что онъ для поддержанія своей славы долженъ соединиться съ державами, боровшимися въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ противъ этого опустошительнаго потока: онъ заключилъ союзъ съ вѣнскимъ и лондонскимъ дворами и обѣщалъ имъ помощь своихъ войскъ. Вѣнскій дворъ, слѣдуя указаніямъ Англіи, пришелъ къ заключенію, что Кампо-Формійскій миръ не защищалъ его отъ новыхъ предпріятій, которыя замышляла французская директорія, чтобы республиканизировать Германію. Тогда произошло тайное соглашеніе между тремя дворами, согласно которому Россія должна была послать для поддержки общаго дѣла семидесятитысячную армію, причемъ содержаніе части ея должна была взять на себя Англія. Походъ русскихъ далъ французской директоріи законный поводъ къ нарушенію Кампо-Формійскаго мира, распущенію Раштадтскаго конгресса и новому вторженію въ Германію и Италію. Тридцать пять тысячъ русскихъ отправились къ итальянской арміи; тридцать пять тысячъ были на пути въ Швейцарію. Побѣды эрцгерцога Карла въ Швабіи и Суворова въ Италіи отбросили французовъ къ ихъ границамъ. Со стороны Германіи театръ военныхъ дѣйствій сосредоточился въ Швейцаріи. Въ Италіи въ рукахъ французовъ оставались лишь города Генуя и Анкона. Къ несчастью, лондонскій и вѣнскій кабинеты изо-

брѣли новый планъ кампаніи, послѣдствія котораго были плачевны. Эрцгерцогъ съ побѣдоносными австрійцами очистилъ Швейцарію, территорію которой онъ хорошо зналъ и гдѣ дѣйствовалъ до сихъ поръ весьма удачно. Суворовъ, готовившійся вторгнуться во Францію черезъ Дофинэ, былъ отозванъ, чтобы принять командованіе войсками въ Швейцаріи и составить со всѣми русскими войсками центръ коалиціонныхъ армій, тогда какъ генералъ Меласъ долженъ былъ взять Геную и Анкону, а эрцгерцогъ перейти Рейнъ при Мангеймѣ, чтобы перевалить затѣмъ черезъ Вогезы. Согласно этому плану Суворовъ долженъ былъ очистить Швейцарію и вступить во Франшъ-Контэ и Эльзасъ. Что же произошло? До прибытія Суворова русскіе были на-голову разбиты подъ Цюрихомъ французскимъ генераломъ Массеной. Командовавшій ими князь Корсаковъ былъ вынужденъ очистить Швейцарію, потерявъ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ человѣкъ; австрійскій генералъ Готце былъ убитъ во время рекогносцировки. Суворовъ, прибывшій лишь послѣ этого пораженія, долженъ былъ бороться противъ соединенныхъ силъ побѣдоносной французской арміи, занимавшей въ этой скалистой и горной странѣ всѣ проходы; у него не было и двадцати тысячъ человѣкъ; онъ велѣлъ кавалеріи и казакамъ спѣшиться. Походъ по Швейцаріи представлялъ сплошную битву, которую приходилось возобновлять каждый часъ. Его мужество, храбрость русскихъ солдатъ, воодушевляемыхъ его примѣромъ и примѣромъ великаго князя Константина, сражавшагося пѣшимъ рядомъ съ нимъ, опрокинули всѣ естественныя и искусственныя препят-

ствія и явились противовѣсомъ численному превосходству французовъ, гордыхъ своими послѣдними трофеями. Суворовъ прибылъ въ Линдау, а отсюда двинулся въ Аугсбургъ, гдѣ собралъ всѣ русскія силы. Онъ громко жаловался на австрійское министерство и обвинялъ его въ вѣроломствѣ и нарушеніи даннаго слова: онъ не зналъ, что эрцгерцогъ покинулъ Швейцарію до его прибытія.

Тѣ же самыя жалобы были напечатаны въ „С.-Петербургской газетѣ“ русскимъ императоромъ, недовольнымъ вѣнскимъ дворомъ. Онъ не зналъ тогда, что эрцгерцогъ получилъ категорическій приказъ оставить Швейцарію, чтобы летѣть на помощь магазинамъ арміи, которые могла захватить колонна французовъ, шедшая на Ульмъ черезъ Мангеймъ и Гейльброннъ; онъ совершенно не зналъ того, что этотъ принцъ прежде, чѣмъ уйти, предложилъ князю Корсакову вмѣстѣ напасть на французовъ и что русскій генералъ отвѣтилъ на это предложеніе отказомъ. Самъ Суворовъ, можетъ быть, виноватъ, такъ какъ, несмотря на данныя ему приказанія, онъ прибылъ въ Швейцарію на десять или двѣнадцать дней позже, чѣмъ слѣдовало.

Какъ бы то ни было, это пораженіе русскихъ заставило Павла I отнестись съ крайнимъ недовѣріемъ къ своему союзнику; онъ былъ убѣжденъ, что вѣнскій дворъ велъ двойную игру. Энтузіазмъ, который вызвали въ немъ быстрые и блестящіе успѣхи Суворова, увеличивалъ горе, причиненное ему пораженіемъ русской арміи въ Швейцаріи. Повинуясь, какъ всегда, первой вспышкѣ гнѣва, онъ рѣшилъ разорвать со своимъ союзникомъ и вызвать всѣ свои

войска изъ Германіи; былъ отданъ соотвѣтствующій приказъ. Къ вѣнскому посланнику, графу Кобенцлю, стали относиться враждебно; его постарались, какъ можно больнѣе, уязвить, удаливъ лицъ, съ которыми онъ жилъ въ близкой дружбѣ; онъ еще появлялся при дворѣ; но съ каждымъ днемъ все яснѣе обнаруживались признаки готовящейся опалы; какъ разъ въ это время мы прибыли въ С.-Петербургъ. Подробно мотивированный докладъ Суворова заставилъ отказаться отъ исполненія приказовъ, которыми русскія войска отзывались назадъ. Только что состоялось бракосочетаніе наслѣднаго принца австрійскаго съ великой княжной, на которой долженъ былъ раньше жениться шведскій король. Вѣнскій дворъ надѣялся, освѣтивъ передъ своимъ союзникомъ все происшедшее, разсѣять его недовольство; но огонь продолжалъ тлѣть подъ пепломъ. Дипломатическая переписка обоихъ дворовъ съ каждымъ днемъ уменьшала довѣріе русскаго кабинета вмѣсто того, чтобы поддерживать его. Отвѣты вѣнскаго кабинета были лишены откровенности и опредѣленности. Успѣхи австрійскихъ армій въ Италіи, повидимому, дали вѣнскому министерству увѣренность, что оно можетъ обойтись безъ Россіи при осуществленіи выработаннаго имъ плана расширенія своей территоріи насчетъ этой части Европы. Генуя и Анкона были осаждены; въ Адріатическомъ морѣ русская эскадра помогала осадѣ этого послѣдняго пункта. По взятіи этихъ двухъ городовъ вся Италія очутилась въ зависимости отъ австрійскаго дома. Павелъ I отличался искренностью; его намѣренія были прямы и безкорыстны; онъ полагалъ свою славу въ томъ, чтобы возвращать троны

лишеннымъ ихъ королямъ, отдавать назадъ государямъ отнятыя у нихъ земли и возстановлять религію и порядокъ. Планы вѣнскаго двора, въ которые онъ теперь проникъ, состояли въ томъ, чтобы расширить свою территорію насчетъ владѣній папы и короля Сардиніи; въ С.-Петербургѣ вѣнскій дворъ заподозрили въ желаніи захватить въ свои руки три папскихъ области съ городомъ Анконой, завоеванныя французами во владѣніяхъ святого престола и лишить короля Сардиніи городовъ Алессандріи и Тортоны. Тѣмъ временемъ городъ Анкона капитулировалъ. Мнѣнія русскаго адмирала не запросили и его не пригласили на совѣщаніе; онъ заявилъ жалобу. Генералъ Фролихъ, австріецъ, ничего не измѣнилъ въ своемъ рѣшеніи. Въ С.-Петербургѣ даже было получено извѣстіе, что онъ примѣнилъ насиліе, чтобы заставить спустить русскій флагъ, поднятый сначала на французскихъ зданіяхъ, взятыхъ въ гавани, говоря, что онъ вступилъ въ обладаніе городомъ и гаванью лишь для своего государя. Это оскорбленіе довело до крайнихъ предѣловъ гнѣвъ Павла I; онъ запретилъ посланнику, графу Кобенцлю, являться при дворѣ; онъ потребовалъ полнаго удовлетворенія отъ вѣнскаго двора. Въ этотъ моментъ былъ отданъ приказъ Суворову вернуться со всей арміей въ Россію. Павелъ I далъ понять своему союзнику, что если тотъ не дастъ ему удовлетворенія, то онъ заставитъ дать его. Тогда австрійское министерство, хотя и было опьянено громкими успѣхами своихъ армій въ Италіи, поняло необходимость смягчить этого императора, чтобы не создать себѣ въ его лицѣ могучаго врага, разрывъ съ которымъ при-

велъ бы къ отпаденію Пруссіи и подвергъ бы величайшей опасности австрійское владычество.

Такъ какъ доклады австрійскаго генерала и русскаго адмирала относительно анконскаго дѣла противорѣчили другъ другу, то вѣнскій дворъ предложилъ созвать военный совѣтъ, въ составъ котораго должны были входить генералы и офицеры обоихъ дворовъ, чтобы обсудить это столкновеніе и велѣть наказать виновныхъ. Павелъ I согласился на это, назначилъ генерала и нѣсколькихъ другихъ русскихъ офицеровъ для участія съ его стороны въ засѣданіяхъ военнаго совѣта, которыя должны были происходить въ Вѣнѣ.

Въ это время на меня было возложено порученіе, которое, если бы оно увѣнчалось успѣхомъ, возстановило бы доброе согласіе между обоими дворами. Было извѣстно, что графъ Кобенцль, котораго я зналъ раньше въ Вѣнѣ, удостоилъ меня своей дружбой и своимъ довѣріемъ. Одно высокопоставленное лицо, дѣйствовавшее по полномочію министра (графа Панина), убѣдило меня видѣть графа Кобенцля. Этотъ министръ искренно желалъ воспрепятствовать готовящемуся разрыву. Меня увѣрили, что мое посѣщеніе не вызоветъ никакихъ нареканій, несмотря на немилость, въ которую впалъ австрійскій посланникъ. Я долженъ былъ сказать этому посланнику, что существуетъ надежное средство умиротворить Павла I и побудить его употребить всѣ силы для достиженія цѣли, поставленной коалиціей. „Прошлое будетъ забыто, если Ваше Сіятельство,—долженъ былъ сказать я:—письменно гарантируетъ отъ имени своего двора: 1) что три папскихъ области,—Бо-

лонья, Феррара, Равенна и городъ Анкона будутъ возвращены папѣ; 2) что король Сардиніи снова вступитъ въ обладаніе всѣми своими владѣніями, захваченными французами и отвоеванными у нихъ австрійцами". Казалось, что эти два условія, столь соотвѣтствовавшія справедливости и праву, должны были быть безъ колебаній приняты вѣнскимъ дворомъ; они говорили о безкорыстіи, добрыхъ намѣреніяхъ и лойяльности Павла I. Онъ не хотѣлъ, чтобы говорили, что его войска помогли ограбить папу и короля Сардиніи, такъ какъ онъ рѣшилъ вступить въ коалицію лишь для возстановленія поруганной религіи и низвергнутыхъ троновъ. Я былъ увѣренъ въ успѣхѣ своей миссіи. Вотъ какой отвѣтъ получилъ я отъ графа Кобенцля.

„Я не имѣю никакихъ полномочій сдѣлать словесное или письменное заявленіе, которое отъ меня желаютъ получить, Къ тому же: 1) на какомъ основаніи требуютъ, что-бы мы вернули три папскихъ области? Онѣ были присоединены къ Цизальпинской республикѣ по Толентинскому трактату. Мы завоевали Цизальпинскую республику; это вполнѣ допустимое вознагражденіе за расходы, вызванные войной. 2) Я не сомнѣваюсь, что мой дворъ вернетъ королю Сардиніи Туринъ и Пьемонтъ. Но города Алессандрія и Тортона были нѣкогда отняты у Милана силою оружія и государь императоръ австрійскій, вступивъ нынѣ въ обладаніе ими тѣмъ же путемъ, имѣетъ право вернуть ихъ подъ свою власть".

Признаюсь, что этотъ неожиданный отвѣтъ поразилъ меня и я едва могъ скрыть свое удивленіе. Я счелъ своимъ долгомъ сдѣлать нѣсколько осторож-

ныхъ замѣчаній, указывая на то, что подобный захватъ является возмутительнымъ, что онъ дѣлаетъ австрійцевъ похожими на французовъ, преступное поведеніе которыхъ не должно служить образцомъ для двора, стоящаго на стражѣ справедливости, взявшагося за оружіе, чтобы положить предѣлъ гибельнымъ крайностямъ французской революціи; я даже рѣшился сказать, что вѣнскій дворъ когда-нибудь упрекнетъ себя за невыгодныя послѣдствія разрыва съ Россіей; что его итальянскіе трофеи, которыми онъ, повидимому, возгордился теперь, могутъ быть въ одинъ прекрасный день уничтожены, такъ какъ успѣхи оружія перемѣнчивы и французы удвоятъ энергію, чтобы вернуть завоеванное ими раньше; что онъ раскается тогда, но слишкомъ поздно въ томъ, что отвергъ справедливыя предложенія Россіи.

Мои доводы были напрасны: посланникъ упорно оставался при своемъ мнѣніи; я доложилъ о неудачномъ исходѣ своихъ переговоровъ; вскорѣ послѣ этого Павелъ I разразился гнѣвомъ. Этотъ государь заставилъ распустить военный совѣтъ; онъ приказалъ своимъ уполномоченнымъ вернуться назадъ; его войска возвратились въ отечество. Русскій посланникъ въ Вѣнѣ, получилъ приказъ оставить столицу Австріи подъ предлогомъ поѣздки для поправленія здоровья на минеральныя воды.

Черезъ нѣкоторое время графъ Кобенцль получилъ такой же приказъ отъ своего двора.

Передъ отбытіемъ этого посланника и послѣ распущенія военнаго совѣта русскій императоръ въ необычайно рѣзкой формѣ выразилъ свое недовольство противъ вѣнскаго двора.

Наслѣдный принцъ австрійскій и его супруга, великая княгиня, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ прибытія въ Вѣну, захотѣли послать въ С.-Петербургъ извѣстіе, что они наслаждаются полнымъ супружескимъ счастіемъ: они написали письма императору, императрицѣ, великимъ князьямъ и великимъ княжнамъ.

Императоръ Францъ II и его супруга присоединили свои письма къ письмамъ августѣйшей четы: въ качествѣ посла было избрано высокопоставленное лицо,—старшій сынъ принца Фюрстенбергскаго.

Какъ только онъ прибылъ, графъ Кобенцль съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формальностей запросилъ императора, каковы будутъ его распоряженія относительно аудіенціи принца Фюретенбергскаго и передачи писемъ: былъ полученъ отвѣтъ, что аудіенція не будетъ дана, что принцъ долженъ передать свои депеши и письма министру иностранныхъ дѣлъ. Этотъ неожиданный отвѣтъ былъ сообщенъ графомъ Кобенцлемъ его двору съ курьеромъ. Курьеру было отказано въ выдачѣ паспорта; Кобенцль потребовалъ его для возвращенія принца Фюрстенбергскаго; снова послѣдовалъ отказъ. Этотъ молодой принцъ провелъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ С.-Петербургѣ, не появляясь при дворѣ, не имѣя возможности показываться въ обществѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ не былъ бы принятъ, такой страхъ возбуждалъ гнѣвъ императора; до самаго своего отъѣзда онъ жилъ у посланника въ полномъ одиночествѣ.

Графъ Кобенцль игралъ въ С. Петербургѣ роль, которая не вязалась съ его достоинствомъ. Послѣ того, какъ онъ впалъ въ немилость, онъ безпре-

станно ходатайствовалъ о своемъ отозваніи. Послѣдніе шаги Павла I заставили вѣнскій дворъ послать графу отпускъ для поѣздки на воды въ Карлсбадъ. Увѣдомляя объ этомъ разрѣшеніи и спрашивая необходимые паспорта для себя и своихъ служащихъ, онъ сообщилъ, что оставляетъ совѣтника посольства для дипломатическихъ сношеній: онъ получилъ отвѣтъ, что его императорское величество рѣшилъ, что совѣтникъ и канцелярія посольства должны слѣдовать за посланникомъ и что паспорта будутъ высланы послѣ. Эти паспорта заставили ждать себя цѣлую недѣлю; въ это время былъ посланъ приказъ русскому посланнику въ Вѣну уѣхать въ отпускъ со всей своей канцеляріей.

Подобные приказы означали разрывъ, но разрывъ молчаливый и не сопровождавшійся объявленіемъ войны. Съ этого момента дипломатическія сношенія между обоими дворами были прекращены.

Въ то же самое время у Павла I произошло подобное же столкновеніе съ лондонскимъ дворомъ. Сэръ Витьвортъ, англійскій посолъ, вскорѣ замѣтилъ, что къ нему враждебно относятся при дворѣ; ему посовѣтовали, то есть приказали, удалиться и увѣдомили его, что ему не разрѣшается даже оставить ни секретаря посольства, ни дѣлопроизводителя для сношеній со своимъ дворомъ. Въ то же самое время русскія войска, соединившіяся съ англійскими войсками для экспедиціи противъ Голландіи, получили приказъ сѣсть на суда для возвращенія въ Россію. Графъ Воронцовъ, С.-Петербургскій посолъ въ Лондонѣ, оставилъ свой постъ подъ предлогомъ отпуска для поѣздки на воды. Эта новая форма разрыва, не-

означавшая объявленія войны, отнюдь не отнимала надежды на примиреніе; но тотчасъ же послѣ этого оживились сношенія съ берлинскимъ дворомъ и приняли интимный характеръ. Берлинскій дворъ отправилъ посланника къ Павлу I, и насъ увѣряли при нашемъ отъѣздѣ, что между обоими дворами существуетъ тайный союзный договоръ, заключенный въ пику вѣнскому двору, и что готовится коалиція, которая должна строить козни противъ британскаго министерства.

Раздраженіе Павла I противъ Англіи стало извѣстно передъ нашимъ отъѣздомъ. „Къ несчастью,—сказалъ онъ,—я связался съ вѣроломными союзниками, дѣйствующими въ духѣ Макіавелли; они лишены добросовѣстности; они заставляли меня приносить въ жертву войска ради ихъ личнаго интереса". Этого государя убѣдили, что русскіе во время экспедиціи противъ Голландіи не получали помощи, что они были принесены въ жертву, и что эскадра и англійскія войска, предназначенныя для блокады и нападенія на Мальту, совмѣстно съ неаполитанцами и русскими, замедляли своими дѣйствіями взятіе этого острова. Согласно особому договору между тремя державами было условлено, что если удастся овладѣть имъ, то онъ будетъ до заключенія мира управляемъ делегатами трехъ державъ совмѣстно съ генераломъ императора, великаго магистра мальтійскаго ордена. Англійское министерство, боясь, что такая форма правленія поведетъ въ концѣ концовъ къ уступкѣ острова Мальты Павлу I, который станетъ управлять имъ, какъ самодержавный государь подъ именемъ великаго магистра, рѣшило измѣнить свою

политику: оно предложило отдать Мальту послѣ ея взятія неаполитанскому королю, который станетъ управлять ею подъ именемъ протектора съ условіемъ, что русскія и англійскія суда будутъ въ то же время приняты тамъ, какъ друзья и союзники.

Это предложеніе не понравилось Павлу I; онъ отвергъ планъ англичанъ. Въ эту эпоху ждали со дня на день извѣстія о взятіи Мальты. Французы, терпѣвшіе недостатокъ во всемъ, не могли оказывать долгаго сопротивленія: русскія военныя суда и сухопутныя войска дѣйствовали тогда совмѣстно съ неаполитанцами и англичанами. Такъ какъ англійская эскадра была самой сильной и на нее была возложена обязанность препятствовать прибытію подкрѣпленій на островъ Мальту, то ея измѣнѣ или преступной небрежности слѣдовало приписать подвозъ провіанта французамъ, давшій имъ возможность продолжить оборону. Казалось несомнѣннымъ, что англійская эскадра получила приказъ не препятствовать этому. Это убѣжденіе заставило Павла рѣшить отдѣлить свои войска и суда отъ англичанъ; всѣ они получили приказъ оставить берега Мальты и отправиться на островъ Корфу. Съ этого момента блокада Мальты велась лишь англичанами и неаполитанцами. Тогда-то депутація великаго пріора германскаго, которую удерживали болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ была окончена ея миссія, получила разрѣшеніе вернуться.

Мы узнали тогда, что если бы Мальта была взята тремя державами, если бы соглашеніе осуществилось, то рыцарь большого креста, баронъ Пфюрдскій, былъ бы назначенъ намѣстникомъ великаго магистра

и отправился бы на Мальту. Такова была тайная причина нашего продолжительнаго пребыванія въ С.-Петербургѣ.

Мы указали уже на нѣкоторые изъ тѣхъ побужденій, въ силу которыхъ Павелъ I хотѣлъ быть великимъ магистромъ малтійскаго ордена, но они представляютъ такой интересъ, что мы вернемся къ нимъ и постараемся развить ихъ. Европа была удивлена тѣмъ, что русскій императоръ не считалъ унизительнымъ для своего царскаго достоинства званіе великаго магистра католическаго ордена. Полагали, что званіе покровителя этого знаменитаго ордена гораздо болѣе подходило бы къ его величеству. Но Павелъ I думалъ, что званіе великаго магистра, будучи перенесено на царскій тронъ, получало августѣйшій характеръ, дѣлавшій его достойнымъ коронованной особы; что оно ставило подъ власть русскаго императора цвѣтъ европейской знати и давало ему, поэтому, громадное вліяніе на политическія дѣла. Если Мальта когда-нибудь будетъ отдана іерусалимскому ордену св. Іоанна, то этотъ островъ послужитъ для императора, великаго магистра ордена, опорнымъ пунктомъ для сухопутныхъ войскъ и флота, который дастъ ему возможность заставить турокъ и европейскіе дворы относиться съ большимъ уваженіемъ къ его державѣ и русскому флагу. Эта позиція позволитъ ему завязать сношенія съ Африкой, единственной частью свѣта, съ которой Россія не имѣетъ никакого соприкосновенія. Эти соображенія создаютъ увѣренность, что званіе великаго магистра или протектора ордена будетъ отнынѣ неизмѣнно связано съ трономъ русскихъ императоровъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Павелъ I прервалъ дипломатическія сношенія съ вѣнскимъ и лондонскимъ дворами, онъ старается заключить путемъ трактатовъ болѣе близкій союзъ съ сѣверными дворами: Даніей, Швеціей и Пруссіей. Онъ вступилъ въ союзъ съ Португаліей и неаполитанскимъ королевствомъ. Эти новыя связи даютъ русской державѣ въ Европѣ такое вліяніе и такой перевѣсъ, которые сдѣлаютъ ее верховнымъ судьей при рѣшеніи политическихъ разногласій на нашемъ континентѣ.

Павелъ I обнаружилъ такой ужасъ передъ французской революціей, что нельзя было себѣ представить, чтобы этотъ государь когда-нибудь заключилъ союзъ съ цареубійцами и изгналъ изъ своихъ владѣній Людовика XVIII, которому онъ постоянно давалъ доказательства самой искренней дружбы и живѣйшаго вниманія. Передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ я узналъ, что какой-то человѣкъ, прибывшій изъ Гамбурга съ паспортомъ, выданнымъ императоромъ, имѣлъ въ теченіе недѣли двѣ или три тайныхъ бесѣды съ министромъ, графомъ Ростопчинымъ, и затѣмъ уѣхалъ назадъ. Проѣзжая черезъ Дрезденъ, я узналъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что этотъ человѣкъ былъ посланъ Бонапартомъ. Съ той поры, зная убѣжденія графа Ростопчина и его сношенія съ главами иллюминатовъ, я предвидѣлъ заранѣе, что Павелъ I дастъ себя незамѣтно увлечь и что послѣ того, какъ онъ металъ громы противъ французской революціи, въ одинъ прекрасный день увидятъ обратную сторону медали, и Павелъ I братски пожметъ руку Бонапарту.

Министерство полиціи.

Полиція. — Значеніе этого министерства. — Средства, употребляемыя полиціей. — Стѣснительныя предписанія.—Необычайно суровыя наказанія.—Вліяніе С.-Петербургскаго губернатора.—Внезапная опала.—Губернаторъ графъ Паленъ.

Министерство полиціи въ царствованіе Павла I получило чрезвычайно большое значеніе. Должность министра полиціи соединяется съ званіемъ губернатора императорской резиденціи; на нее обыкновенно назначается генералъ-аншефъ; его власть распространяется на всю имперію. Всѣ командующіе отдѣльными гарнизонами, всѣ полицейскіе чиновники внутри имперіи должны посылать ему еженедѣльно или чаще, если это нужно, докладъ обо всемъ, что происходитъ въ подчиненной имъ сферѣ. Они особенно тщательно слѣдятъ за прибытіемъ, переѣздами, поведеніемъ и отбытіемъ иностранцевъ, равно какъ и за всѣмъ тѣмъ, что приходитъ къ намъ изъ за границы.

Надзоръ и осмотры на границѣ отличаются строгостью. Изъ всѣхъ этихъ докладовъ составляются выборки въ столичныхъ полицейскихъ учрежденіяхъ, и губернаторъ ежедневно представляетъ императору изготовленную на основаніи ихъ общую вѣдомость. Данныя въ этой вѣдомости распредѣляются по губерніямъ; достаточно бросить на нее взглядъ, чтобы видѣть, что произошло въ томъ или иномъ мѣстѣ. Донесенія военныхъ властей помѣщаются противъ донесеній гражданскихъ властей: сравненіе ихъ позволяетъ судить объ исполнительности или небрежности тѣхъ и другихъ.

На всѣхъ почтовыхъ станціяхъ всегда стоитъ десять лошадей, предназначенныхъ для депешъ; курьеры безпрестанно ѣздятъ изъ губерній въ императорскую резиденцію и изъ этой резиденціи въ губерніи. На тѣхъ дорогахъ, гдѣ не устроено почтовыхъ станцій, службу несутъ крестьянскія лошади.

С.-Петербургская полиція дѣйствуетъ съ безпримѣрной исполнительностью и строгостью. Ежедневно въ семь часовъ утра, губернаторъ является въ кабинетъ императора съ докладомъ относительно всего, что произошло за истекшія сутки. Кромѣ многочисленныхъ тайныхъ агентовъ, которыхъ губернаторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи и которые, будучи разсѣяны и размѣщены по всѣмъ кварталамъ, заняты лишь доставленіемъ всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній относительно того, что сказалъ или сдѣлалъ тотъ или иной обыватель; существуетъ еще вооруженная конная и пѣшая полиція, которая безпрестанно разъѣзжаетъ и днемъ, и ночью, наблюдая за исполненіемъ полицейскихъ предписаній и арестуя нарушителей ихъ.

Всѣ содержатели гостиницъ или ресторановъ, трактирщики и хозяева увеселительныхъ заведеній, купцы и наемная прислуга обязаны ежедневно доставлять полиціи свѣдѣнія относительно того, что они слышали или замѣтили.

Указы, получаемые полиціей, весьма многочисленны и крайне стѣснительны для иностранцевъ. По полученіи этихъ указовъ губернаторъ распоряжается ихъ опубликованіемъ и расклейкой на углахъ улицъ и на общественныхъ зданіяхъ. Надзоръ за исполненіемъ ихъ, порученный полиціи, отличается чрезвы-

чайной суровостью; ни чинъ, ни возрастъ, ни полъ не освобождаютъ отъ подчиненія имъ. Я приведу сейчасъ нѣкоторыя предписанія, дѣйствовавшія во время моего пребыванія въ С.-Петербургѣ.

Императоръ милостиво разрѣшилъ публикѣ гулять въ извѣстные часы дня въ Лѣтнемъ саду; но мужчины могутъ появляться тамъ лишь съ обнаженной головой.

Всякій проходящій передъ фасадомъ дворца, гдѣ живетъ императоръ, долженъ въ знакъ почтенія снимать шляпу. Когда императоръ слѣдуетъ по улицамъ С.-Петербурга пѣшкомъ, что рѣдко случается, или верхомъ, или въ колескѣ, что бываетъ ежедневно, то всѣ обязаны останавливаться, снимать шляпу, снимать съ себя шубу и низко кланяться, когда онъ проѣзжаетъ мимо; тѣ, кто ѣдетъ въ экипажѣ, обязаны выходить изъ него, какая бы ни была погода и появляться передъ императоромъ безъ шубы; никто не освобождается отъ этого церемоніала; сама императрица,—я былъ самъ тому свидѣтель,—выходитъ изъ кареты: императоръ ѣхалъ верхомъ, онъ сошелъ съ коня, подалъ руку своей супругѣ и посадилъ ее обратно въ карету.

Сынъ одного русскаго купца ѣхалъ въ саняхъ, правя самъ парой прекрасныхъ коней: мимо проѣхалъ императоръ; тотъ замѣтилъ императора слишкомъ поздно и не успѣлъ принять требуемой полицейскими предписаніями позы; его схватили городовые; сани его и лошади были конфискованы; онъ былъ посаженъ на мѣсяцъ въ тюрьму на хлѣбъ и воду и вышелъ оттуда лишь послѣ того, какъ получилъ пятьдесятъ ударовъ кнутомъ. Крупныя суммы, предложенныя его отцомъ, не могли спасти его отъ этого наказанія.

Одна барышня, племянница вице-президента Академіи Наукъ, ѣхала обѣдать къ своему дядѣ, который прислалъ за ней карету: мимо проѣзжалъ императоръ, причемъ она не была предупреждена объ этомъ; она не остановила кареты и не вышла изъ нея; когда она входила къ своему дядѣ, появились городовые; они хотятъ ее схватить, чтобы тащить въ участокъ; она падаетъ безъ чувствъ. Дядя, возмущенный насиліемъ солдатъ, выгоняетъ ихъ изъ своихъ покоевъ и говоритъ, что онъ самъ отведетъ свою племянницу къ губернатору, когда она соберется съ силами. Солдаты остаются въ передней; одинъ изъ нихъ отправляется съ доносомъ на вице-президента, обвиняя его въ томъ, что онъ сопротивляется приказаніямъ императора. Губернаторъ, пріятель вице-президента, посылаетъ за нимъ; тотъ является со своей племянницей. Графъ Паленъ выражаетъ ему свое удивленіе по поводу оказаннаго имъ сопротивленія и свое безпокойство въ виду тѣхъ послѣдствій, которыя грозятъ ему, когда онъ доложитъ Его Величеству о происшедшемъ, что онъ обязанъ сдѣлать. Вице-президентъ сказалъ ему, что онъ самъ явился съ жалобой на наглость и грубость солдатъ; что онъ объявилъ имъ, что его племянница исполнитъ приказаніе, когда она оправится отъ испуга. Графъ Паленъ велѣлъ ему подписать свое донесеніе и въ тотъ же самый день доложилъ Павлу I объ этомъ событіи. Солдаты были наказаны за свою наглость; кучеръ былъ приговоренъ къ палочнымъ ударамъ; карета, которую, согласно указу надлежало конфисковать и кучеръ, которому должны были забрить лобъ, были возвращены вице-президенту; но

его племянница была посажена на недѣлю въ арестный домъ на хлѣбъ и воду; тетка, у которой она жила, была также посажена вмѣстѣ съ ней: племянница за недостатокъ уваженія къ Его Императорскому Величеству, а тетка за то, что дала своей племянницѣ дурное воспитаніе.

Два эти случая произошли во время моего пребыванія въ С.-Петербургѣ. Церемоніалъ, о которомъ мы говорили, долженъ соблюдаться также по отношенію къ императрицѣ, великимъ князьямъ и великимъ княжнамъ; но такъ какъ онъ повторяется очень часто, то лица, ѣдущія въ экипажѣ, находятся въ постоянной тревогѣ. Правда, ямщики и кучера весьма заинтересованы въ томъ, чтобы не погрѣшить противъ указа объ остановкахъ ибо въ наказаніе за этотъ проступокъ ихъ сдаютъ въ солдаты на всю жизнь. Впрочемъ, впереди ѣдутъ два конныхъ городовыхъ и двое гвардейскихъ гусаръ, предупреждая публику, но случается, что императоръ слѣдуетъ за ними такъ близко, что нельзя успѣть выйти изъ экипажа.

Другія полицейскія предписанія, во время моего пребыванія въ С.-Петербургѣ, запрещали носить сюртуки съ обшлагами и воротниками, башмаки со шнурами, волосы, обстриженные по-якобински, круглыя шляпы и т. д. Лишь русскіе, одѣтые въ національный костюмъ, имѣютъ право носить круглую шляпу или мѣховую шапку. Точно такъ же всякому туземцу или иностранцу, носившему фетровую треуголку, было запрещено носить ее узкимъ концомъ впередъ,—мода принятая французскими якобинцами. Слуга Пфюрдскаго рыцаря большого креста, сидѣвшій на запят-

кахъ, надѣлъ свою шляпу для защиты отъ солнца такъ, что уголъ ея выдавался впередъ, зоркіе городовые замѣтили это, велѣли остановить экипажъ и схватили слугу, чтобы отвести его въ участокъ. Одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ, проѣзжавшій мимо въ этотъ моментъ, приказалъ освободить слугу, такъ какъ онъ лично зналъ рыцаря и велѣлъ слугѣ явиться въ участокъ по окончаніи службы. Рыцарь большого креста продолжалъ путь. Слуга получилъ нѣсколько палочныхъ ударовъ.

Выборъ с.-петербургскаго губернатора имѣетъ большое значеніе для благополучія и спокойствія всѣхъ русскихъ обывателей, а въ особенности жителей императорской резиденціи. Докладъ, который онъ дѣлаетъ ежедневно императору, не можетъ не оказывать въ ту или иную сторону вліянія на положеніе тѣхъ, кого онъ касается; руководясь этими докладами, Павелъ I рѣшаетъ ихъ судьбу, переводитъ на низшую должность, подвергаетъ опалѣ и наказываетъ однихъ, возвышаетъ и награждаетъ другихъ. Такъ какъ императоръ—самодержавный государь, то его воля является верховнымъ закономъ; не существуетъ высшей инстанціи, которая могла бы его отмѣнить. Я видѣлъ высокопоставленныхъ лицъ, занимавшихъ первыя должности при дворѣ или въ имперіи, пользовавшихся величайшей благосклонностью императора, жившихъ съ нимъ въ самой близкой дружбѣ и вдругъ терявшихъ всякое значеніе; они оказывались вынужденными покидать дворъ и уѣзжать на жительство въ свои имѣнія; другіе,—иностранцы, часто должны противъ своей воли оставлять предѣлы имперіи.

Князь Димитрій Голицынъ, генералъ-лейтенантъ командующій конной гвардіей, однажды утромъ узнаетъ, вставая, что онъ лишенъ чиновъ и должности и обязанъ удалиться въ свои помѣстья, отдавъ предварительно отчетъ относительно хозяйственной части корпуса, которымъ онъ командовалъ. Наканунѣ онъ ужиналъ съ императоромъ; но въ разговорѣ съ нимъ онъ выразилъ слишкомъ откровенно свое мнѣніе о недавней опалѣ одного лица, судьба котораго его живо интересовала.

Церемоніймейстеръ, сенаторъ графъ Валуевъ, заслуженный сановникъ, постоянно бывавшій у императрицы и очень часто обѣдавшій за однимъ столомъ съ императоромъ, лишается должности за то, что забылъ предупредить дипломатическій корпусъ, въ которомъ часу назначенъ пріемъ при дворѣ.

Мы сказали уже, что графъ Шуазель-Гуффье потерялъ мѣсто и былъ сосланъ въ свое помѣстье за то, что посѣтилъ въ десять часовъ вечера графа Кобенцля, бывшаго тогда въ немилости.

Маркизъ Ламберъ, французскій бригадный генералъ, пользовавшійся уваженіемъ за свои таланты и военныя познанія, получилъ при Екатеринѣ II чинъ генералъ-маіора и былъ пожалованъ имѣніемъ съ шестью стами крестьянъ въ окрестностяхъ Нарвы. Маркизъ Ламберъ страдалъ маніей поучать всѣхъ тѣхъ, къ кому онъ почувствовалъ симпатію. Онъ заболѣлъ и не выходилъ изъ дома. Не смѣя писать графу Кобенцлю и давать ему наставленія, такъ какъ этотъ посланникъ впалъ въ немилость, онъ писалъ ежедневно графинѣ Ромбергъ, сестрѣ Кобенцля чтобы она сообщала содержаніе его писемъ

своему брату. Полиція узнала объ этомъ. Посланникъ рѣшилъ, что онъ можетъ самъ побесѣдовать съ маркизомъ; онъ сдѣлалъ ему визитъ. На слѣдующее утро маркизъ Ламберъ получилъ приказаніе въ двѣнадцать часовъ выѣхать изъ С.-Петербурга и отправиться въ свое имѣніе близъ Нарвы. Всѣ эти факты, происшедшіе во время моего пребыванія въ С.-Петербургѣ, были результатомъ доносовъ полиціи.

Губернаторъ графъ Паленъ, имѣвшій много знаковъ отличія, завоевалъ себѣ, занимая эту столь важную должность, репутацію неподкупнаго и честнаго человѣка, склоннаго скорѣе уменьшать наказанія, чѣмъ отягчать ихъ, неспособнаго злоупотреблять довѣріемъ императора во вредъ кому бы то ни было. Его доклады императору представляютъ лишь простое изложеніе извѣстныхъ ему фактовъ; онъ позволяетъ себѣ комментировать ихъ только тогда, когда его замѣчанія могутъ смягчить отвѣтственность виновныхъ, относительно которыхъ онъ обязанъ давать отчетъ императору.

Герцогъ Ришелье, во время моего пребыванія въ С.-Петербургѣ, былъ лишенъ кирасирскаго полка, которымъ командовалъ, и былъ уволенъ за то, что не исполнилъ приказанія, котораго онъ не получалъ, и его полкъ долженъ былъ быть отданъ сыну графа Палена. Это приказаніе должно было быть передано великимъ княземъ Константиномъ, который, полагая, что онъ отдалъ его графу Палену, забылъ о немъ. Тотъ беретъ вину на себя, идетъ къ императору, признается ему въ своей небрежности, говоритъ, что виноватъ онъ одинъ и умоляетъ его императорское величество вернуть полкъ герцогу Ри-

шелье, прибавляя, что онъ былъ бы въ отчаяніи, если бы его сынъ извлекъ для себя пользу изъ немилости, единственной причиной которой былъ онъ. Павелъ I, очарованный этимъ поступкомъ, вернулъ герцогу Ришелье его должность и вознаградилъ сына графа Палена.

Когда въ С.-Петербургъ прибываетъ иностранецъ, за нимъ всюду слѣдуетъ агентъ тайной полиціи; находятъ средство узнавать все, что онъ говоритъ и дѣлаетъ; не существуетъ ни одного дома, гдѣ бываетъ много гостей, въ которомъ полиція не имѣла бы состоящихъ у нея на жалованьи тайныхъ агентовъ, которые ежедневно доносятъ обо всемъ чиновникамъ сыскной полиціи, размѣщеннымъ въ различныхъ кварталахъ города. Если кто-нибудь изъ этихъ агентовъ задумаетъ сдѣлать ложный доносъ, чтобы повредить другому, то правительство, которое весьма внимательно слѣдитъ за этимъ, налагаетъ на виновныхъ въ такомъ доносѣ чрезвычайно суровыя наказанія.

Сенатъ и генералъ-прокуроръ.

Сенатъ.—Москва.

С.-Петербургскій сенатъ представляетъ верховный судъ, которому подчинены всѣ суды имперіи. Всѣ указы или законы, дѣйствіе которыхъ распространяется на всю имперію и которые касаются сословнаго положенія и имущественныхъ интересовъ частныхъ лицъ, даются на имя сената. Сенаторы,

назначаемые императоромъ и несмѣняемые, разсматриваются, какъ первое по своему значенію сословіе въ государствѣ: они отнесены къ первому разряду подданныхъ; этихъ разрядовъ восемь: князья, придворные вельможи, министры, военные, кавалеры орденовъ, литераторы, мѣщане, ремесленники, вся остальная масса населенія представляетъ рабовъ. Разрядамъ соотвѣтствуютъ военные чины. Въ первый разрядъ входятъ фельдмаршалы, придворные вельможи, митрополиты, епископы и сенаторы, которые, не будучи военными, тѣмъ не менѣе, имѣютъ чинъ одинаковаго ранга съ фельдмаршаломъ. При дворѣ не существуетъ ни одной должности безъ военнаго чина; напримѣръ, всякій камергеръ—генералъ-маіоръ, завѣдующій царской кухней—полковникъ, кучеръ императора—маіоръ, кавалеры орденовъ св. Андрея и св. Александра Невскаго—генералъ-лейтенанты; различіе этихъ ранговъ подчеркивается во время торжественныхъ народныхъ церемоній и, въ особенности, на Новый годъ. Въ этотъ день императоръ даетъ въ обширномъ мраморномъ залѣ своего Зимняго дворца обѣдъ на триста или четыреста персонъ: великихъ князей, вельможъ имперіи, князей, министровъ, фельдмаршаловъ, митрополитовъ, епископовъ, лейтенантовъ, кавалеровъ двухъ первыхъ орденовъ, рыцарей большого креста и генераловъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Этотъ столъ имѣетъ форму полумѣсяца; въ центрѣ, на эстрадѣ, находится столъ, за которымъ сидитъ одинъ императоръ подъ богато украшеннымъ балдахиномъ съ короной на головѣ. Обѣдъ роскошно сервированъ; всѣ состоящіе на государствен-

ной службѣ являются въ парадныхъ мундирахъ. Эта трапеза длится часъ. Лишь въ этотъ день императоръ обѣдаетъ публично. Въ остальные дни онъ принимаетъ пищу въ обществѣ императрицы, царской фамиліи и приглашенныхъ вельможъ.

Должность генералъ-прокурора одна изъ важнѣйшихъ въ имперіи: его вліяніе очень велико; это—правая рука императора и сената въ завѣдываніи обширнымъ вѣдомствомъ юстиціи и гражданской администраціи. Не будучи главой сената, онъ составляетъ его душу; ему ввѣряется исполненіе всѣхъ законовъ, приказовъ и приговоровъ. Онъ работаетъ вмѣстѣ съ императоромъ; собственно говоря, это министръ внутреннихъ дѣлъ. На эту должность назначается кто-нибудь изъ представителей аристократическихъ домовъ Россіи.

Смѣна лицъ на высшихъ должностяхъ имперіи и при дворѣ такъ часта въ настоящее царствованіе, что въ С.-Петербургѣ никого не удивляютъ паденія и возвышенія. За шесть мѣсяцевъ моего пребыванія тамъ почти всѣ лица, занимавшія высшія должности, были смѣнены; перебывало три генералъ-прокурора. Эта полная неувѣренность и быстрая смѣна держатъ въ вѣчномъ страхѣ тѣхъ, кто занимаетъ данную должность; часто они относятся небрежно къ своимъ главнымъ обязанностямъ, чтобы окружить себя всѣмъ, что можетъ ослѣпить государя. Развѣ можно построить прочное зданіе на такомъ зыбкомъ фундаментѣ?

Въ Россіи есть знатные дома весьма древняго происхожденія, которое теряется во мракѣ временъ; это—князья или княжескія фамиліи. Нѣкоторые со-

стоятъ въ числѣ приближенныхъ императорской фамиліи; но сами по себѣ они не имѣютъ никакого ранга, никакой узаконенной привиллегіи; занимаемая должность, милость государя и оказываемое имъ довѣріе возвышаютъ однихъ надъ другими. Павелъ I выразилъ однажды слѣдующую азіатскую аксіому: „Въ моей имперіи знатенъ лишь тотъ, кого я удостаиваю своимъ благоволеніемъ и лишь въ теченіе того времени, пока онъ пользуется имъ“. Княжескій и графскій титулы, очень распространенные въ Россіи, производятъ здѣсь мало впечатлѣнія, если они не соединяются съ высокимъ постомъ и большимъ вліяніемъ. Когда какой-нибудь вельможа впадаетъ въ немилость, то, если его не отправляютъ въ ссылку, онъ покидаетъ императорскую резиденцію, гдѣ не можетъ болѣе выдвинуться и ѣдетъ искать утѣшенія въ свои помѣстья или въ Москву; въ особенности въ этой древней столицѣ государства Московскаго разжалованные вельможи выставляютъ на показъ свое великолѣпіе и свои богатства. Такъ какъ они находятся здѣсь подъ очень строгимъ надзоромъ, то они забываютъ интриги и политику, чтобы спокойно проводить свои дни среди роскоши, пировъ и удовольствій.

Москва, резиденція древнихъ царей, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, представляетъ необъятный городъ или скорѣе соединеніе трехъ большихъ городовъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ своихъ собственныхъ должностныхъ лицъ и отдѣленъ стѣной съ воротами: Москва образуетъ большой кругъ; она замѣчательна своими контрастами.

Это собраніе церквей, дворцовъ, лавокъ, мастер-

скихъ, помѣщичьихъ домовъ, крестьянскихъ хижинъ, перерѣзанныхъ садами, лугами, рощами и обработанными полями; часто великолѣпный дворецъ окруженъ разбросанными тамъ и сямъ деревенскими хижинами: точно замокъ средневѣкового сеньора, возвышающійся среди подвластнаго ему люда.

Науки, искусства и образованіе.

Академія Наукъ. — Академія Художествъ. — Литература. — Захватъ знаменитой библіотеки Залусскаго. — Анекдотъ о казакахъ. — Пансіонъ аббата Николя.

Въ С.-Петербургѣ имѣется Академія Наукъ, которая издаетъ на латинскомъ языкѣ изслѣдованія и мемуары, высоко цѣнимые учеными. Здѣсь есть также Академія Художествъ, гдѣ молодые художники учатся подъ руководствомъ искусныхъ преподавателей. Желая увеличить значеніе двухъ этихъ учрежденій и окружить ихъ славой, Екатерина привлекала иностранныхъ ученыхъ и художниковъ; она отличала ихъ и они полагали свою славу въ томъ, чтобы посвящать свое время и свои труды распространенію наукъ и искусствъ. Екатерина, стремясь прославить свое имя во всѣхъ областяхъ, вдохновляла учителей и учениковъ своимъ присутствіемъ и своими милостями. Павелъ I оставляетъ нетронутыми основныя начала, на которыхъ построены эти академіи; но онъ не расширяетъ ихъ дѣятельности; не замѣтно даже, чтобы онъ поощрялъ

ихъ: все его вниманіе устремлено на то, чтобы сдѣлать грозными армію и флотъ.

Екатерина учредила и расширила находящіяся подъ высочайшимъ покровительствомъ учрежденія для воспитанія молодежи обоего пола, для сиротъ и стариковъ; Павелъ I сохранилъ ихъ; но, повидимому, онъ убѣжденъ, что слава его царствованія зависитъ отъ памятниковъ иного рода.

Русская литература мало извѣстна въ Европѣ; тѣмъ не менѣе, она имѣетъ своихъ историковъ, ораторовъ и поэтовъ. Русскій языкъ представляетъ одну изъ разновидностей славянскаго языка, одного, изъ самыхъ распространенныхъ; ибо отъ него происходятъ: русскій, польскій, венгерскій, чешскій и моравскій. Европейская литература имѣетъ великихъ писателей извѣстныхъ во всемъ литературномъ мірѣ; переводы ихъ твореній украшаютъ всякую библіотеку, но намъ почти неизвѣстны переводы русскихъ классиковъ.

Я сдѣлалъ любопытное наблюденіе, что существуетъ большое сходство между построеніемъ фразъ въ латинскомъ и русскомъ языкахъ. Одинъ уважаемый человѣкъ, владѣвшій обоими языками, перевелъ мнѣ слово въ слово на латинскій языкъ поэму одного извѣстнаго русскаго поэта, воспѣвавшаго Петра Великаго *) и въ результатѣ этого перевода получились фразы, полныя яркихъ образовъ, построеніе которыхъ удовлетворило бы лучшихъ знатоковъ латинскаго языка.

Кромѣ Императорской Библіотеки,—въ Эрмитажѣ, гдѣ находятся библіотеки Вольтера и Дидро, пріобрѣ-

*) Ломоносова—пр. ред.

тенныя Екатериной II, создавалась во время моего пребыванія въ Петербургѣ весьма значительная библіотека во дворцѣ покойнаго князя Потемкина. Послѣ взятія Варшавы Екатерина II велѣла конфисковать и перевезти въ Петербургъ знаменитую библіотеку Залусскаго, пользовавшуюся большой славой въ литературныхъ кругахъ; она заключаетъ болѣе трехсотъ тысячъ томовъ на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ. Она слыветъ за одну изъ самыхъ богатыхъ и полныхъ библіотекъ Европы. Поспѣшность, съ которой было захвачено это сокровище, была причиной того, что всѣ эти книги были свалены, какъ попало, независимо отъ ихъ формата и языка въ большіе и длинные ящики, такъ что понадобится много лѣтъ кропотливаго труда, чтобы привести ихъ въ порядокъ. Эта трудная работа производится подъ наблюденіемъ одного французскаго дворянина, обладающаго большими литературными заслугами. Его стихи и историческія сочиненія, которыя я читалъ, заставляютъ меня видѣть въ немъ геніальнаго писателя: онъ умѣетъ придать интересъ и очарованіе всему, что выходитъ изъ подъ его пера.

Возложенная на него работа могла бы сузить поле для примѣненія его талантовъ, если бы онъ не облагородилъ ее, составивъ систематическій каталогъ, какой можно ждать отъ истиннаго любителя наукъ и искусствъ. Ящики съ книгами поставлены въ обширномъ залѣ дворца князя Потемкина, гдѣ этотъ князь устраивалъ свои азіатскія празднества: они занимаютъ весь залъ. Дворянинъ * * * за три года успѣлъ уже разобрать восемьдесятъ тысячъ томовъ; эта библіотека должна быть помѣщена въ велико-

лѣпныхъ палатахъ этого дворца и императоръ намѣревается сдѣлать ее публичной. Однако Павелъ I, знающій лучше кого-бы то ни было характеръ своихъ подданныхъ, повидимому, твердо рѣшилъ не распространять среди нихъ слишкомъ широко свѣтъ знанія. Народъ, привыкшій сгибаться подъ игомъ самодержавія, можетъ, просвѣтившись, потрясти его, чтобы обезпечить себѣ ту элементарную свободу, которую слишкомъ просвѣщенные французы хотятъ установить среди всѣхъ народовъ. Сильная и мощная нація, которая съ самой колыбели влачитъ цѣпи рабства, сумѣетъ вскорѣ разбить ихъ, если только она почувствуетъ, что можетъ безнаказанно злоупотребить своей силой. Въ виду этого новая библіотека будетъ сдѣлана доступной безъ сомнѣнія лишь для образованныхъ и заинтересованныхъ въ поддержаніи существующаго строя лицъ. Я не могу здѣсь обойти молчаніемъ одинъ фактъ, которому я бы никогда не повѣрилъ, если бы не слышалъ о немъ отъ очевидца: библіотека Залусскаго въ Варшавѣ была захвачена толпой казаковъ. Тысяча этихъ азіатовъ хватала книги въ охапку и бросала затѣмъ въ длинные наскоро сколоченные ящики; большіе, средніе и маленькіе томы лежали кучей; когда ящикъ наполнялся, они заколачивали его. Закрывая одинъ изъ этихъ ящиковъ, они захотѣли положить туда еще одинъ большой великолѣпный томъ въ три фута длиной и около двухъ футовъ шириной, переплетенный въ красный сафьянъ съ золотымъ обрѣзомъ, заключавшій великолѣпныя гравюры съ превосходно напечатаннымъ текстомъ; этотъ томъ оказался, безъ сомнѣнія, слишкомъ ве-

лікъ для того мѣста, куда его хотѣли поскорѣе положить; казаки разрубили его пополамъ и въ такомъ видѣ убрали въ ящикъ. Когда видишь два этихъ куска, то содрогаешься отъ негодованія на варварство, изуродовавшее такимъ образомъ драгоцѣнную книгу, другого экземпляра которой, несмотря на всѣ поиски, нельзя найти.

Аббатъ Николь, принадлежавшій къ парижскому духовенству, получилъ воспитаніе въ коллегіи св. Варвары; онъ прибылъ въ Петербургъ, спасаясь отъ ярости революціонеровъ. Сначала онъ былъ учителемъ въ домѣ одного знатнаго вельможи. Онъ съ жаромъ отдался дѣлу воспитанія молодежи и задумалъ создать пансіонъ для молодыхъ людей знатныхъ фамилій. Сперва онъ думалъ ограничиться двѣнадцатью учениками; его успѣхи и заслуженная репутація привели къ тому, что ему пришлось его взять двадцать четыре ученика, причемъ онъ твердо рѣшилъ не брать больше. Онъ нанялъ въ отличающемся хорошимъ воздухомъ кварталѣ на берегу чуднаго канала Фонтанки домъ, расположенный между дворомъ и садомъ. Каждый изъ его двадцати четырехъ учениковъ имѣетъ свою особую комнату, за которой наблюдаютъ воспитатели изъ окна, продѣланнаго въ занимаемыхъ ими покояхъ и позволяющаго видѣть всѣ двери пансіонеровъ. Существуютъ общія залы для различныхъ упражненій. Аббатъ Николь работаетъ съ шестью сотрудниками. Въ его пансіонѣ обучаютъ французскому и латинскому языкамъ, географіи, исторіи, математикѣ, морали или религіознымъ и моральнымъ принципамъ, отъ примѣненія которыхъ зависятъ

счастье и прочность государства. Желающіе могутъ учиться здѣсь также за отдѣльную плату танцамъ, фехтованію, верховой ѣздѣ, рисованію и музыкѣ. Годовая плата за полный пансіонъ равна двумъ тысячамъ рублей. Эта плата можетъ показаться чрезмѣрной, но въ ней нѣтъ ничего несообразнаго, если принять во вниманіе дороговизну съѣстныхъ припасовъ и квартиръ. Ученикамъ даютъ помѣщеніе, столъ, освѣщеніе, отопленіе, стираютъ ихъ бѣлье, ихъ учатъ и они имѣютъ въ своемъ распоряженіи прислугу. Пища здоровая; ученики ѣдятъ четыре раза; къ обѣду и ужину подается вино. Порядокъ, согласіе, чистота, соревнованіе и отличное поведеніе учениковъ характеризуютъ этотъ пансіонъ. Ученики никогда не остаются одни. Я въ теченіе одного дня наблюдалъ жизнь этого учрежденія; я обѣдалъ за общимъ столомъ; я вышелъ оттуда полный уваженія къ почтенному творцу столь полезнаго заведенія и къ его достойнымъ сотрудникамъ, среди которыхъ я замѣтилъ одного флотскаго капитана и одного заслуженнаго драгунскаго капитана. Успѣхи этого института вызвали покровительство и поощреніе со стороны правительства.

Кромѣ веденія хозяйства аббатъ Николь взялъ на себя обученіе морали, которое производится два раза въ недѣлю. Учениковъ православнаго исповѣданія водятъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церковь; католики, дѣти знатныхъ польскихъ вельможъ, ставшихъ нынѣ русскими подданными, ходятъ въ костелъ въ сопровожденіи воспитателя. Ежегодные расходы по содержанію этого пансіона доходятъ до тридцати тысячъ рублей; одно жалованіе воспитателямъ составляетъ одиннадцать тысячъ.

С.-Петербургскій дворъ.

С.-Петербургскій дворъ при Екатеринѣ II.—При Павлѣ I. — Императрица.—Стѣсненія. — Великій князь Александръ.—Его поведеніе.—Великій князь Константинъ.—Великія княгини.—Мундиръ служитъ парадной одеждой.—Высшія придворныя должности.—Лакей Кутайсовъ, ставшій оберъ-шталмейстеромъ.—Его происхожденіе.—Его воспитаніе.—Его наружность.—Его возвышеніе.—Неизмѣнное благоволеніе къ нему.—Его вліяніе.—Его любовница, актриса г-жа Шевалье.—Билеты на ложи при бенефисахъ г-жи Шевалье. — Сынъ графа Кутайсова.—Наружность Павла I.—Его характеръ.—Противорѣчія его характера.—Припадки гнѣва.—Его непостоянство.—Его деспотическое отношеніе къ иностраннымъ державамъ и ихъ посламъ.—Секретные мемуары о Россіи.—Его отвращеніе къ наукамъ и искусствамъ.—Его доблести и достоинства.—Его припадки.—Онъ интересенъ въ интимномъ обществѣ.—Его образъ жизни.—Его обращеніе съ иностранными послами.—Княжна Лопухина.—Обычное безпокойство и опасенія Павла I. — Суровыя мѣры предосторожности.—Якобинство и иллюминатство въ Россіи.—Очагъ иллюминатства въ Баваріи. Прощальная аудіенція депутаціи. — Подорожная для отъѣзда.

При Екатеринѣ II, какъ я часто слышалъ отъ невѣстки графа Строганова, урожденной княжны Голицыной, очаровательной женщины, получившей чудесное моральное и литературное воспитаніе при Екатеринѣ II, С.-Петербургскій дворъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ Европѣ: великолѣпіе и увеселенія шли здѣсь рука объ руку съ борьбой честолюбій и политическими интригами. Павелъ I

изгналъ роскошь и изящество манеръ, при немъ воцарились рабское молчаніе и страхъ и слышно лишь назойливое бряцаніе оружія. Мрачная тоска, какъ будто покрыла трауромъ обширныя и великолѣпныя палаты императорскаго дворца.

Императрица, извѣстная своими добродѣтелями и красотой, обожаемая своими дѣтьми и всѣми, кто имѣлъ счастье къ ней приблизиться, лишена всякихъ удовольствій и не имѣетъ никакого вліянія. Императоръ относится къ ней съ наружнымъ уваженіемъ, подобающимъ ея званію; но жизнь ея протекаетъ среди всякихъ стѣсненій и она лишена всего, что должно быть удѣломъ супруги могущественнаго монарха.

Павелъ I держитъ свою семью въ полномъ порабощеніи: императрица не можетъ безъ разрѣшенія императора пригласить къ себѣ ни двухъ своихъ женатыхъ сыновей, ни двухъ невѣстокъ; великій князь Александръ не можетъ даже пойти къ своей матери, не предупредивъ отца. Великій князь по словамъ автора «Секретныхъ мемуаровъ о Россіи» походитъ на свою мать ростомъ, красотою, кротостью и доступностью; поэтому его обожаютъ въ С.-Петербургѣ; онъ благоразумно рѣшилъ избѣгать общества. Онъ живетъ въ уединеніи со своей супругой, которую нѣжно любитъ; великая княгиня не можетъ не внушать прочной привязанности благодаря своей граціи, основательности своего ума и своимъ душевнымъ качествамъ. Екатерина II хотѣла сдѣлать Александра своимъ преемникомъ; если бы она прожила еще одинъ или два мѣсяца, то Павелъ I никогда не взошелъ бы на русскій престолъ. Это

рѣшеніе императрицы было извѣстно всѣмъ и долгое время заставляло императора сторониться отъ своего сына, но послушаніе великаго князя, его почтительность и предупредительность ослабили это чувство непріязни. Александръ окруженъ лишь людьми, которые покорно исполняютъ волю его отца. Чтобы не вызвать неудовольствія отца, онъ не устраиваетъ никакихъ пріемовъ, не говоритъ ни съ однимъ иностраннымъ посломъ, ни съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ иначе, какъ въ присутствіи императора. Онъ не имѣетъ никакихъ сношеній съ министрами.

Великій князь Константинъ представляетъ разительную противоположность своему старшему брату: онъ, совершенно лишенъ,—говоритъ уже цитированный нами авторъ,—обаянія и обходительности своего брата; онъ извѣстенъ отвращеніемъ къ наукамъ, причудами, вспыльчивостью, рѣзкостью, буйнымъ нравомъ, грубостью. Онъ женатъ на очаровательной, умной, молодой и красивой женщинѣ, которая чувствуетъ себя очень несчастной. Его ненавидятъ даже солдаты.

Въ продолженіе шести мѣсяцевъ моего пребыванія въ С.-Петербургѣ при дворѣ не было ни одного бала, ни одного празднества или торжественнаго раута, ни одного собранія; тѣмъ не менѣе, немногіе дворы обладаютъ такимъ обществомъ, какъ будто нарочно созданнымъ для удовольствій и радостей жизни. Не говоря уже объ императрицѣ, супруги великихъ князей Александра и Константина очень интересны, обладаютъ прелестными лицами и отличаются любезностью, которая не поддается описанію.

Два другихъ великихъ князя и двѣ другихъ великихъ княжны находятся въ томъ возрастѣ, когда думаютъ только о развлеченіяхъ. Развлеченія этихъ августѣйшихъ особъ сводятся къ театру и прогулкамъ. Нѣкоторые дни назначены для пріема у императрицы; собираются въ шесть часовъ вечера; императоръ намѣчаетъ тѣхъ, кто долженъ удостоиться этой чести, и присутствуетъ тамъ самъ. Государь не любитъ ни баловъ, ни шумныхъ развлеченій; поэтому вельможи и частныя лица позволяютъ себѣ ихъ очень рѣдко. На масленицѣ одинъ французъ, очень нуждавшійся въ деньгахъ, намѣреваясь добыть ихъ, объявилъ, что ему было разрѣшено устраивать праздникъ и балъ дважды въ недѣлю съ прохладительными напитками и т. д. Офицерамъ гарнизона было запрещено появляться тамъ; императоръ велѣлъ объявить, что танцы не совмѣстимы съ военными упражненіями, которыя происходятъ ежедневно съ восходомъ солнца. Расходы этого француза на много превысили его сборъ и онъ былъ посаженъ въ тюрьму на хлѣбъ и воду до уплаты своего долга.

Въ царствованіе Екатерины II одежда высшихъ военныхъ чиновъ, камергеровъ и придворныхъ была весьма богата; при Павлѣ I роскошь была совершенно уничтожена: военный мундиръ является единственной парадной одеждой. Великіе князья носятъ только форму тѣхъ полковъ, которые имъ принадлежатъ или шефами которыхъ они состоятъ; императоръ носитъ гвардейскую форму; каждый камергеръ имѣетъ мундиръ, присущій его должности; рыцари большого креста и командоры ордена св. Іоанна

Іерусалимскаго носятъ форму ордена,—послѣдняя одна изъ самыхъ распространенныхъ и почетныхъ съ тѣхъ поръ, какъ Павелъ I сталъ великимъ магистромъ.

Высшія придворныя должности слѣдующія: оберъ-гофмаршалъ, оберъ-камергеръ, оберъ-шталмейстеръ и оберъ-егермейстеръ. Должность оберъ-шталмейстера самая завидная, такъ какъ онъ имѣетъ честь сопровождать государя всякій разъ, какъ тотъ ѣдетъ въ экипажѣ или верхомъ.

Въ предыдущія царствованія эти должности давались только первымъ и знатнѣйшимъ фамиліямъ имперіи. Павелъ I даетъ ихъ подданнымъ, которыхъ онъ удостаиваетъ своей милостью, каково бы ни было ихъ происхожденіе.

Когда я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, должность оберъ-шталмейстера занималъ одинъ изъ князей Нарышкиныхъ, родственникъ императорской фамиліи; онъ держалъ себя соотвѣтственно своему происхожденію и положенію; никто не могъ сравниться съ нимъ въ роскоши дома и стола. Послѣ его смерти, во время моего пребыванія въ Петербургѣ, императоръ возвелъ на эту должность графа Кутайсова, турка, бывшаго лакеемъ Павла I въ то время, какъ тотъ былъ великимъ княземъ. Возвышеніе этого фаворита такъ необычайно и такъ замѣчательно, что нельзя не дать здѣсь краткаго очерка его жизни.

Во время осады и взятія Бендеръ, въ царствованіе Екатерины II, русскіе солдаты, раздраженные упорствомъ турокъ, которые защищались съ яростью, предали весь городъ огню и мечу и вырѣзали всѣхъ, не исключая женщинъ и дѣтей.

Молодой Кутайсовъ, еще совсѣмъ ребенокъ, поразилъ побѣдителей своимъ прелестнымъ лицомъ; его смѣющаяся физіономія остановила смертельный ударъ; одинъ русскій офицеръ взялъ его на свое попеченіе. Генералъ князь Репнинъ далъ за него выкупъ и послалъ его Екатеринѣ II. Этотъ ребенокъ понравился Сѣверной Семирамидѣ; онъ былъ ровесникомъ ея сына, она воспитала его вмѣстѣ съ послѣднимъ и опредѣлила на службу къ великому князю.

Постоянно видя подлѣ себя Кутайсова, великій князь заинтересовался своимъ лакеемъ; этотъ интересъ породилъ довѣріе и дружбу. Великій князь повѣрялъ Кутайсову свои мысли, свои страсти, свои огорченія и недовольство матерью. Кутайсовъ сопровождалъ Павла въ качествѣ лакея, когда тотъ путешествовалъ по Европѣ подъ названіемъ Сѣвернаго графа. Онъ продолжалъ служить въ этой должности и по возвращеніи великаго князя.

Графъ Кобенцль нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что въ то время, когда онъ былъ принятъ въ интимномъ кругу великаго князя и участвовалъ въ спектакляхъ въ Гатчинскомъ дворцѣ, Кутайсовъ подавалъ ему прохладительные напитки. Этотъ турокъ принялъ религію своего повелителя.

Его высокій ростъ, прекрасная фигура, благородное лицо, мужественная осанка, хорошія манеры, гибкій и уступчивый характеръ, его склонность ко всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ,—все это заставляло великаго князя дорожить имъ. Вспышки горячаго и необузданнаго характера Павла, сдерживаемыя на глазахъ у матери, разражались безъ всякаго удержу передъ любимымъ лакеемъ. Меня даже увѣряли, что

въ припадкѣ гнѣва Павелъ безпощадно колотилъ Кутайсова.

Какъ только великій князь взошелъ на престолъ, онъ вывелъ Кутайсова изъ положенія низшаго слуги, сдѣлавъ его оберъ-шталмейстеромъ съ чиномъ генералъ-майора. Выше было сказано, что всѣ должностныя лица при дворѣ имѣютъ военные чины; не имѣя чина, нельзя нести никакой дворцовой службы.

Вскорѣ послѣ этого Кутайсовъ былъ сдѣланъ графомъ и ему были пожалованы обширныя помѣстья. Во всѣхъ своихъ дворцахъ Павелъ I отвелъ Кутайсову помѣщеніе, смежное съ тѣмъ, которое занималъ онъ самъ. Павелъ пожаловалъ ему красную ленту св. Александра Невскаго—орденъ второй степени въ имперіи. Когда Павелъ I сталъ великимъ магистромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, онъ далъ Кутайсову рыцарскій крестъ, затѣмъ сдѣлалъ его командоромъ и, наконецъ, рыцаремъ большого креста.

Таково было положеніе, занимаемое Кутайсовымъ въ то время, какъ я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ. Неизмѣнное благоволеніе къ нему, несмотря на неровный характеръ его повелителя, поставило его, наконецъ, въ первомъ ряду послѣ князей императорской фамиліи. Какъ великіе, такъ и малые міра сего, стараются ухаживать за нимъ; онъ предметъ поклоненія для всѣхъ, кто желаетъ удержаться на своемъ посту или мечтаетъ о повышеніи. Хотя онъ, повидимому, не вмѣшивается въ управленіе и политику, всѣ министры домогаются его благоволенія и одобренія.

Онъ сталъ какъ бы каналомъ, черезъ который

лились милости, и естественно, что, будучи окруженъ расточаемой передъ нимъ лестью, онъ забываетъ свое происхожденіе и свои первоначальныя обязанности, своей роскошью и развлеченіями точно бросаетъ вызовъ общественному мнѣнію. Умъ его, не будучи ограниченъ, не отличается обширностью кругозора, его не считаютъ ни злымъ, ни недоброжелательнымъ. Я слышалъ, какъ нѣсколько лицъ хвастались его милостями.

Кто хочетъ понравиться ему, тотъ дѣлаетъ подношенія его любовницѣ г-жѣ Шевалье, актрисѣ французской труппы. Мужъ этой дамы былъ сдѣланъ майоромъ и директоромъ французскаго театра, онъ, видимо, гордится связью своей жены съ оберъ-шталмейстеромъ. Г-жа Шевалье нашла законный способъ обогащаться такъ, чтобы это ничего не стоило ея любовнику, кромѣ знаковъ покровительства и благоволенія. Ложи во французскомъ театрѣ абонируются на годъ вельможами и людьми съ положеніемъ, но время отъ времени, когда даютъ интересныя пьесы, сборъ идетъ въ пользу премьеровъ; у нихъ берутъ тогда билеты и платятъ имъ за ложи. Когда сборъ поступаетъ въ пользу г-жи Шевалье, вельможи посылаютъ къ ней свое приношеніе за билетъ на ложу.

Обыкновенно ложа стоитъ отъ двадцати до двадцати пяти рублей, а за эти билеты, получаемые изъ рукъ любовницы Кутайсова, платятъ по триста, четыреста, пятьсотъ и шестьсотъ рублей, за нѣкоторые цѣна доходитъ до тысячи и тысячи двухсотъ рублей. Эти невѣроятно щедрые подарки записываются на особомъ листѣ вмѣстѣ съ фамиліями, чтобы

Кутайсовъ могъ видѣть ихъ и осыпать своими милостями тѣхъ, кто ихъ дѣлаетъ. Этимъ фактамъ, которые въ С.-Петербургѣ извѣстны всякому, съ трудомъ повѣрятъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Вотъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ случаевъ, происшедшихъ, такъ сказать, на моихъ глазахъ: князь Корсаковъ, комиссаръ русскаго императора при арміи князя Кондэ, прибылъ въ С.-Петербургъ съ возвращающимися русскими полками. Онъ жилъ въ одной гостиницѣ съ нами; секретаремъ у него былъ нѣкій г. Прюдомъ, эльзасецъ, знакомый великаго рыцаря Пфюрдскаго. Съ этимъ секретаремъ мы видѣлись ежедневно; въ одинъ изъ бенефисовъ г-жи Шевалье онъ былъ посланъ княземъ за билетомъ на ложу, получивъ приказаніе щедро заплатить за него; князь, несомнѣнно, не зналъ еще, до какихъ размѣровъ доходятъ эти приношенія и что фамиліи вмѣстѣ съ подарками просматриваются Кутайсовымъ. Секретарь, не получивъ опредѣленнаго приказанія, желая быть щедрымъ, даетъ сто рублей. Когда онъ доложилъ объ этомъ князю, послѣдній, уже освѣдомленный насчетъ списка, въ отчаяніи отъ ничтожной суммы подношенія, бѣжитъ къ ювелиру, покупаетъ на тысячу двѣсти рублей брилліантовъ и посылаетъ ихъ черезъ г. Прюдома г-жѣ Шевалье. Актриса, восхищенная этимъ неожиданнымъ подаркомъ, выражаетъ свою живѣйшую благодарность, даетъ секретарю безплатный билетъ на кресло, приглашаетъ князя на чай въ присутствіи оберъ-шталмейстера и спустя недѣлю или десять дней императоръ даетъ Корсакову полкъ въ с.-петербургскомъ гарнизонѣ. Я присутствовалъ при его вступ-

леніи въ должность. Секретарь, разсказывая намъ этотъ фактъ, превозносилъ умъ и предусмотрительность своего князя, сумѣвшаго найти путь, ведущій къ почестямъ.

Сынъ графа Кутайсова женатъ на русской княжнѣ, очень богатой наслѣдницѣ, а всѣ русскіе вельможи домогаются чести жениться на его дочери. Блестящее превращеніе этого лакея представляетъ явленіе нерѣдкое при азіатскихъ дворахъ. Все, происходившее на глазахъ у насъ при с.-петербургскомъ дворѣ, убѣждало насъ въ томъ, что образъ правленія здѣсь ближе къ Азіи, чѣмъ къ Европѣ.

Фигура у Павла I непредставительная; лицо его съ приплюснутымъ носомъ непріятно, но его походка, его видъ, выраженіе лица, взглядъ внушаютъ уваженіе и говорятъ о непреклонномъ характерѣ; все трепещетъ подъ его скипетромъ, какъ при его дворѣ, такъ и на обширномъ пространствѣ его имперіи. Я не знаю, хорошій ли правитель Павелъ I, но ему нельзя отказать въ очень большихъ достоинствахъ; его вспыльчивый, рѣзкій и властный характеръ— большой недостатокъ; онъ не выноситъ возраженій, тѣмъ не менѣе, онъ неоднократно измѣнялъ свои рѣшенія и чистосердечно сознавался въ своихъ ошибкахъ. Графъ Коминскій, уважаемый польскій вельможа, стоялъ во главѣ администраціи одной польской губерніи, подчиненной русскому правительству; его обвинили въ томъ, что онъ самовольно отсрочилъ примѣненіе именныхъ указовъ, присланныхъ сенатомъ; въ этомъ усмотрѣли желаніе возбудить недовольство новыхъ подданныхъ. Раздраженный императоръ отдаетъ приказъ привезти его въ цѣпяхъ,

чтобы дать урокъ другимъ. Графъ находился въ ста лье отъ С.-Петербурга; его стащили съ постели и привезли скованнаго по рукамъ и ногамъ. Когда онъ былъ приведенъ къ Павлу I, этотъ послѣдній приблизился къ нему и съ яростью началъ упрекать за ослушаніе и злой умыселъ, угрожая казнью. Скромность и спокойствіе графа поразили императора; онъ приказалъ прочесть мотивированное обвиненіе. „Что вы отвѣтите на это?“—спросилъ его государь. Графъ, человѣкъ хладнокровный и выдающагося ума, сказалъ рѣчь въ защиту своего поведенія и доказалъ, что его отсрочка свидѣтельствовала лишь о томъ, что онъ желалъ заставить новыхъ подданныхъ полюбить новое правительство и что онъ предполагалъ, что его дѣйствія будутъ истолкованы какъ доказательство его глубокой преданности. Эта защитительная рѣчь, произнесенная съ той простотой и силой, которую даетъ сознаніе своей правоты, произвела на Павла I такое впечатлѣніе, что, приблизившись къ графу, онъ сказалъ ему: „Вы должны ненавидѣть меня,—я причинилъ вамъ много зла, между тѣмъ, вы не виновны; но я осыплю васъ столькими милостями, что вы забудете о моей ошибкѣ и будете сожалѣть о томъ, что я былъ обманутъ“. Въ тотъ же день графъ удостоился чести обѣдать съ императоромъ, былъ осыпанъ знаками отличія и съ торжествомъ отосланъ въ свою губернію съ еще большими полномочіями и получивъ въ даръ обширное помѣстье. Обвинитель потерялъ мѣсто, которое онъ занималъ въ сенатѣ. Я знаю этотъ фактъ отъ самого графа, который разсказалъ мнѣ это въ С.-Петербургѣ. Я бы могъ привести еще нѣсколько подобныхъ же фактовъ.

Первыя вспышки гнѣва Павла I всегда необузданы; въ эти моменты часто за самую ничтожную провинность онъ свергалъ съ вершины почестей самыхъ уважаемыхъ людей.

Его политика и управленіе поражаютъ своею неустойчивостью, которая не вяжется съ глубиной взглядовъ и мудростью, которую я хотѣлъ бы предполагать въ немъ. Хорошо изучивъ русскій народъ, онъ, безъ сомнѣнія, чувствуетъ себя обязаннымъ простирать надъ всѣми желѣзный скипетръ.

Но что странно, такъ это его высокомѣріе, заносчивость и деспотизмъ по отношенію ко всѣмъ державамъ Дурное обращеніе съ посланниками, несомнѣнно, доказываетъ недостатокъ уваженія къ международному праву. Я понимаю, что разрываютъ сношенія съ какимъ-нибудь дворомъ, когда можно жаловаться на его образъ дѣйствія, но до тѣхъ поръ, пока разрывъ не произошелъ, пока посланникъ не отозванъ, онъ неприкосновененъ. Между тѣмъ, мы видѣли, что графъ Кобенцль, чрезвычайный посланникъ императора и короля, былъ удаленъ отъ двора Павла I, подвергнутъ открытой опалѣ и, вслѣдствіе этой опалы, жилъ въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ никто въ С.-Петербургѣ не смѣлъ ни говорить съ нимъ, ни видѣть его, ни принимать у себя подъ угрозой немедленной ссылки. Витьвортъ, англійскій посолъ, человѣкъ безусловно достойный уваженія, тоже подвергся цѣлому ряду непріятностей, вызвавшихъ его отозваніе. Въ С.-Петербургѣ къ посламъ и посланникамъ иностранныхъ державъ очевидно не относятся съ тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, которыми они были окружены, какъ я видѣлъ, въ былое время въ Версалѣ и Вѣнѣ.

Недовольный авторъ „секретныхъ мемуаровъ“ разлилъ ядъ сатиры и желчь клеветы относительно жизни и поступковъ Павла I. Я знаю, что безпристрастная кисть историка не должна скрывать недостатки и пороки государей, особенно когда эти недостатки и пороки вліяютъ на судьбы народа; быть можетъ, даже единственный способъ обуздать ихъ чрезмѣрную власть состоитъ въ томъ, чтобы предавать ихъ при жизни суду потомства. Но злоупотреблять умѣньемъ хорошо рисовать и интересно описывать для того, чтобы отомстить за преслѣдованіе, будь оно даже несправедливымъ, обмакивать свою кисть въ отвратительныя краски, чтобы затмить славу и очернить царствованіе государя, который, несмотря на большіе недостатки, откроетъ новую эру въ лѣтописяхъ своего вѣка,—это оскорбленіе общественнаго мнѣнія и умаленіе величія исторіи.

Кто не имѣетъ недостатковъ? Павелъ I, несомнѣнно, обладаетъ ими. Онъ, повидимому, не любитъ ни наукъ, ни искусствъ. Наука управленія страной, тайна умѣнья поднять на должную высоту могущество своей державы,—вотъ что занимаетъ его всецѣло.

Онъ умѣренъ въ ѣдѣ и удовольствіяхъ, одѣвается просто и признаетъ пышность и роскошь только для церемоніала, гдѣ императорское величіе должно быть представлено въ полномъ блескѣ. Если его деспотическая воля подчасъ измѣнчива и склонна къ причудамъ, если вспышки его гнѣва, похожія на припадки сумасшествія, заслуживаютъ суроваго и справедливаго порицанія, то это порицаніе должно быть смягчено въ виду цѣлой массы блестящихъ достоинствъ. Павелъ I, объ образованіи котораго очень

заботились, обладаетъ умѣньемъ распознавать людей и примѣнять кстати ихъ таланты. Въ интимномъ обществѣ онъ отличается любезностью и обаятельностью въ разговорѣ. Я читалъ письма, написанныя его рукой, гдѣ уму и благородству сужденій соотвѣтствуетъ стиль, достойный высшаго сана.

Государь встаетъ ежедневно въ пять часовъ утра; министръ полиціи и военный комендантъ С.-Петербурга, одинъ вслѣдъ за другимъ, являются въ его кабинетъ съ докладомъ; въ восемь часовъ онъ идетъ на парадъ, затѣмъ производитъ смотръ одному изъ гвардейскихъ батальоновъ или полковъ городского гарнизона; въ десять часовъ онъ возвращается, чтобы идти въ церковь; по окончаніи обѣдни онъ верхомъ или въ коляскѣ ѣдетъ осматривать военные посты, чтобы лично удостовѣриться въ исполнительности офицеровъ. Иногда онъ наблюдаетъ за постройкой новыхъ казармъ, такъ какъ онъ заботится о хорошемъ помѣщеніи для офицеровъ и солдатъ. По возвращеніи онъ обѣдаетъ, послѣ обѣда катается въ коляскѣ; возвращаясь около трехъ-четырехъ часовъ, онъ зоветъ къ себѣ въ кабинетъ министровъ, генераловъ и лицъ, съ которыми желаетъ работать или бесѣдовать о государственныхъ дѣлахъ. Около шести часовъ онъ отправляется къ императрицѣ, гдѣ собираются лица, принятыя въ ея интимномъ кругу. Когда бываетъ представленіе въ театрѣ, то не устраивается игръ, спектакль обыкновенно начинается въ шесть часовъ; иногда на него приглашаютъ иностранныхъ пословъ и посланниковъ, а также нѣкоторыхъ вельможъ, которые не несутъ службы при дворѣ. Вотъ повседневная жизнь при дворѣ Павла I,

однообразное теченіе ея нарушается только праздниками или большими маневрами.

Существуетъ обычай, который не можетъ нравиться посламъ иностранныхъ дворовъ: когда въ воскресные и праздничные дни ихъ предупреждаютъ черезъ церемоніймейстера, что будетъ царскій выходъ, они къ одиннадцати часамъ утра собираются въ большомъ залѣ дворца: министры и русскіе вельможи образуютъ рядъ справа, иностранные послы выстраиваются слѣва. Императоръ, идя съ императрицей и августѣйшей семьей къ обѣднѣ, проходитъ между этими двумя рядами; возвращаясь, онъ обыкновенно говоритъ нѣсколько словъ съ иностранными послами; если онъ не проходитъ обратно, то аудіенція считается оконченной и начинается разъѣздъ. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ нашего пребыванія въ С.-Петербургѣ, Его Величество ни одного раза не прослѣдовалъ обратно. Намъ сообщили причину этого: когда Павелъ I недоволенъ нѣкоторыми дворами, онъ не возвращается черезъ эту залу, такъ какъ не можетъ не высказать своего недовольства посламъ этихъ дворовъ. Если Павелъ хочетъ отличить кого-нибудь, кто долженъ быть ему представленъ въ тѣ дни, когда онъ не проходитъ обратно, то онъ зоветъ его въ свой кабинетъ; такимъ образомъ представлялись до полученія публичной аудіенціи депутаты великой германской пріоріи. Въ царствованіе Екатерины II устраивались при дворѣ торжественные рауты, на которые приглашались иностранные послы. При Павлѣ I въ императорской резиденціи такихъ раутовъ болѣе не бываетъ, иногда онъ разрѣшаетъ ихъ въ то время, когда дворъ находится за городомъ.

Во время нашего пребыванія въ С.-Петербургѣ утверждали, что императору нравится нѣкая княжна Лопухина: она молода, довольно красива и остроумна, но думали, что она была скорѣе его другомъ, чѣмъ любовницей, такъ такъ было извѣстно, что она объявила императору, что любитъ молодого князя Гагарина и хочетъ выйти за него замужъ. Павелъ I согласился на этотъ бракъ; свадьба была блестяще отпразднована при дворѣ; императоръ подарилъ княжнѣ великолѣпный, богато обстановленный дворецъ. Графъ Шереметевъ, камергеръ Его Величества, родственникъ новобрачной, устроилъ въ своемъ роскошномъ дворцѣ празднество, стоившее сто тысячъ рублей: первый столъ на двадцать приборовъ, за которымъ надѣялись видѣть императора, былъ накрытъ золотой посудой, два другихъ на пятьдесятъ приборовъ—вызолоченой, а два послѣднихъ на пятьдесятъ приборовъ каждый—серебряной.

Длинная амфилада палатъ, обставленныхъ съ азіатской роскошью и европейскимъ вкусомъ, изобиловала брилліантами, драгоцѣнностями и разными диковинками.

Нѣкоторые русскіе вельможи, хорошо освѣдомленные объ интимной жизни Павла I, увѣряли меня, что этого могущественнаго и самодержавнаго владыку обычно мучатъ двоякаго рода опасенія, которыя обусловливаютъ деспотическій образъ его правленія и заставляютъ его примѣнять терроръ; этими необычайными опасеніями, какъ говорятъ, объясняются его приказанія, которыя менѣе освѣдомленные люди приписываютъ, одни—разстройству умственныхъ способностей, другіе—вѣчной смѣнѣ настроеній, властно

вліяющихъ на его волю. Павлу чудятся то заговоры при дворѣ съ цѣлью его низложенія, то тайное распространеніе иллюминатства и якобинства въ его имперіи,—моральной чумы, болѣе гибельной, чѣмъ всѣ болѣзни, посылаемыя намъ небомъ. Если этотъ фактъ вѣренъ, то легко объяснить себѣ, почему Павелъ I такъ внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы во дворцѣ и даже въ тѣсномъ кругу его семьи всѣ собранія происходили только въ его присутствіи.

Итакъ, нечего удивляться чрезвычайнымъ предосторожностямъ и безпрестанно возобновляемымъ суровымъ приказамъ, согласно которымъ не допускается въѣздъ и выѣздъ иностранцевъ безъ разрѣшенія, подписаннаго рукой самого императора, и воспрещается ввозъ книгъ, нотъ и всего, что посылается изъ Франціи или выходитъ изъ фабрикъ и мастерскихъ этой развращенной націи. Всѣ иностранныя газеты воспрещены. Тѣ, которыя получаются посланниками иностранныхъ дворовъ, подвергаются самой суровой цензурѣ; ихъ уничтожаютъ, если въ нихъ заключаются факты, которые желаютъ скрыть, или зачеркиваютъ въ нихъ то, что не подлежитъ огласкѣ. Несмотря на эти мудрыя и спасительныя мѣры, якобинство нашло способъ проникнуть въ дома вельможъ; иллюминатство достигло ступеней трона и прокралось въ кабинеты министровъ. Даже тѣ, кто отравленъ этимъ ядомъ, прикидываются ярыми врагами этихъ двухъ разрушительныхъ сектъ: они знаютъ, что если бы императоръ узналъ объ ихъ взглядахъ, надъ ними разразилась бы гроза, каковы бы ни были ихъ положеніе и таланты. Послѣ внимательнаго наблюденія, я отгадалъ ту руку, которая

соединяетъ звенья этой роковой цѣпи. Очагъ иллюминатства, который Карлъ-Теодоръ считалъ потушеннымъ и разрушеннымъ въ своемъ баварскомъ курфюршествѣ, разгорѣлся здѣсь послѣ его смерти. Главный министръ теперешняго курфюрста, графъ Монжеласъ, одинъ изъ самыхъ пламенныхъ пропагандистовъ, посредствомъ своихъ оффиціальныхъ сношеній съ баварскимъ посольствомъ въ С.-Петербургѣ, онъ сумѣлъ забросить искры изъ этого разрушительнаго очага, гдѣ онѣ таятся подъ пепломъ и могутъ, къ несчастью, когда-нибудь вызвать роковой пожаръ. Я раньше былъ знакомъ съ графомъ Монжеласомъ.

Таковы наблюденія, которыя я былъ въ состояніи сдѣлать за время моего шестимѣсячнаго пребыванія въ С.-Петербургѣ. Я записалъ ихъ для памяти, чтобы впослѣдствіи легче было представить себѣ общую картину.

Въ концѣ мая, какъ только Павелъ I отдалъ приказъ своимъ войскамъ и эскадрѣ на Средиземномъ морѣ отдѣлиться отъ англичанъ и снять осаду съ Мальты, императоръ велѣлъ сообщить депутаціи великой германской пріоріи, что она можетъ уѣзжать. Вслѣдствіе этого великій рыцарь баронъ Пфюрдскій и баденскій командоръ были призваны въ кабинетъ Его Величества,—первый—для принесенія присяги въ качествѣ посланника великаго магистра и главнаго сборщика въ великой германской пріоріи, а второй,—чтобы быть произведеннымъ въ рыцари большого креста и получить орденъ.

По окончаніи этой церемоніи г.г. депутаты были освобождены отъ обязанности публиковать о своемъ отъѣздѣ въ „Вѣдомостяхъ“.

Имъ были присланы нужные паспорта. Они запаслись подорожными изъ полиціи. Эта подорожная представляетъ приказъ министра полиціи всѣмъ почтовымъ смотрителямъ доставлять количество лошадей, указанное въ этой императорской грамотѣ; безъ этого приказа, который надо предъявлять на каждой станціи, нельзя получить лошадей. Эта подорожная стоитъ столько копеекъ съ лошади, сколько надо проѣхать верстъ. У насъ было двѣнадцать лошадей, это составляло двѣнадцать копѣекъ съ версты. Семь верстъ составляютъ одну милю или два лье. За каждую лошадь по казенной таксѣ надо платить только двѣ копейки съ версты, но мы на опытѣ убѣдились, что почтовые смотрителя изыскиваютъ способъ заставить брать больше лошадей, чѣмъ указано въ подорожной, а иногда даже платить за нихъ дороже, чѣмъ полагается по таксѣ. Насъ заставляли на нѣкоторыхъ станціяхъ брать вмѣсто двѣнадцати лошадей шестнадцать и платить за нихъ четыре копѣйки съ версты вмѣсто двухъ, и вдобавокъ еще мы ждали по полдня. Вотъ уловка почтовыхъ смотрителей: они обязаны изъ тридцати лошадей держать всегда на конюшнѣ десять для курьеровъ и депешъ съ приказами Двора. Когда вы пріѣзжаете, они говорятъ вамъ, что у нихъ остались только лошади для казенныхъ надобностей, но что они могутъ достать лошадей у крестьянъ за четыре копейки съ версты за лошадь и при условіи, что путешественники возьмутъ то число лошадей, которое они укажутъ въ виду тяжелой дороги. Иностранцу, если онъ не желаетъ умирать съ тоски на этихъ почтовыхъ станціяхъ, приходится подчиняться этой произволь-

ной таксѣ. Удивительно, что правительство, которое не можетъ не знать этихъ порядковъ, не принимаетъ противъ нихъ никакихъ мѣръ.

Отъѣздъ и возвращеніе изъ С.-Петербурга.

Отъѣздъ депутаціи. — Рижскій почтовый смотритель.—Пребываніе въ Митавѣ.—Доброта Людовика XVIII.—Герцогиня Ангулемская.—Аббатъ Эджевортъ. —Аббатъ Эджевортъ въ С.-Петербургѣ.—Онъ привозитъ орденъ Св. Духа Павлу I-му.—Пріемъ и слова императора.—Подарки и пенсія, данныя аббату Эджеворту императоромъ.—Переѣздъ изъ Митавы въ Полангенъ. — Плохіе ночлеги. — Полангенъ—послѣдняя русская станція.—Казачій полангенскій офицеръ.— Его пріемъ.

Послѣ прощальныхъ визитовъ придворнымъ и сановникамъ, которые всѣ оказывали депутаціи прекрасный пріемъ, и иностраннымъ посланникамъ, которые были съ нею безконечно любезны, состоялся нашъ отъѣздъ въ понедѣльникъ, двадцать шестого мая, послѣ полудня. Въ этотъ день императоръ устроилъ большіе маневры для нѣкоторыхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ. По окончаніи ученья онъ уѣхалъ со всѣмъ дворомъ въ свой загородный Павловскій дворецъ, чтобы пробыть тамъ три недѣли, а оттуда переѣхать въ Гатчину.

Намъ пришлось снова ѣхать по той же дорогѣ, по которой мы ѣхали изъ Митавы. Разница была въ томъ, что возвращались мы на почтовыхъ, а пріѣхали на наемныхъ лошадяхъ. Единственное новое

наблюденіе состояло въ томъ, что на протяженіи этого пути въ шестьсотъ десять верстъ или восемьдесятъ восемь миль или сто семьдесятъ шесть лье у почтовыхъ смотрителей мы находили постели и ѣду, и что не приходилось, какъ въ Польшѣ и Литвѣ, спать на соломѣ въ общей кухнѣ и везти провизію и напитки съ собой. Но, къ сожалѣнію, часто приходится задерживаться на станціяхъ и подчиняться требованіямъ почтовыхъ смотрителей, какъ мы уже говорили. На первой же станціи, въ Стрѣльнѣ, намъ дали шестнадцать лошадей, заставивъ заплатить по четыре копейки съ версты за лошадь; это повторялось нѣсколько разъ и, между прочимъ, въ Ригѣ. Такъ какъ мы были въ пути круглыя сутки и дороги, хотя и песчаныя, были хороши и освѣщены луной, то мы въ восемь часовъ утра пріѣхали въ столицу Ливоніи. Почтовый смотритель объявилъ намъ, что у него совсѣмъ нѣтъ лошадей и что онъ сможетъ дать ихъ не ранѣе шести часовъ вечера. Мы пригрозили ему жалобой губернатору, но это, повидимому, его не испугало. Наконецъ, мы пришли къ полюбовному соглашенію. Намъ обѣщали доставить къ полудню крестьянскихъ лошадей за четыре копейки съ версты и лошади. Обѣщаніе это было исполнено и мы прибыли въ Митаву во вторникъ третьяго іюня, въ восемь часовъ вечера. Русскіе ямщики везутъ крайне быстро, почти все время лошади несутся вскачь, но такъ какъ они неискусные кучера, то постоянно рискуешь сломать экипажъ и опрокинуться, и приходится угрожать имъ для того, чтобы заставить ихъ ѣхать медленнѣе.

На другой день по пріѣздѣ въ Митаву, депутація

имѣла честь представиться королю Людовику XVIII.

Великій рыцарь баронъ Пфюрдскій долженъ былъ благодарить его величество за полученную ленту ордена св. Лазаря. Насъ приняли съ безконечной любезностью. Король, обращаясь ко мнѣ, сказалъ, что съ удовольствіемъ узналъ о пожалованномъ мнѣ Мальтійскомъ крестѣ и пенсіи. Гг. депутаты обѣдали съ королемъ. Графъ д'Авари, другъ короля, пригласилъ меня къ себѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что король поручилъ ему выразить мнѣ свое удовольствіе въ виду моего усердія и преданности интересамъ короля, которыя я выказалъ въ С.-Петербургѣ. Онъ прибавилъ, что его величество желалъ бы видѣть меня у себя за столомъ вмѣстѣ съ гг. депутатами, но изъ уваженія къ герцогинѣ Ангулемской не можетъ осуществить своего желанія.

Я замѣтилъ, представляясь герцогинѣ Ангулемской, когда мы проѣзжали въ первый разъ, что въ то время, какъ меня вызвали къ герцогинѣ, лицо ея измѣнилось до такой степени, что герцогъ Ангулемскій замѣтилъ это и прекратилъ аудіенцію. Я старался найти потомъ причину этого волненія. Мнѣ казалось, что я отгадалъ ее, но я никому не сообщалъ своихъ догадокъ. Вотъ онѣ: мое имя и мое присутствіе напомнили августѣйшей принцессѣ знаменитый процессъ кардинала де Роганъ, въ которомъ я принималъ живѣйшее участіе; этотъ процессъ, несомнѣнно, оставилъ слѣдъ въ ея чувствительной душѣ; она сохранила воспоминаніе о тѣхъ несчастіяхъ и униженіи, которыя отравили затѣмъ жизнь ея матери—королевы, и объ ужасномъ преступленіи, которое вновь совершили цареубійцы.

Какъ бы то ни было, при нашемъ возвращеніи изъ С.-Петербурга, увѣренный въ справедливости своихъ догадокъ, я послѣ аудіенціи у короля воздержался изъ уваженія къ принцессѣ отъ представленія вмѣстѣ съ г.г. депутатами герцогинѣ Ангулемской. Тогда графъ д'Авари сказалъ мнѣ, что король одобрилъ мою сдержанность и открылъ причину волненія, выразившагося на лицѣ герцогини. Аббатъ Эджевортъ, духовникъ короля, достойный довѣрія этого монарха, который умѣетъ цѣнить настоящія заслуги, признался мнѣ въ томъ же и прибавилъ, что мое уваженіе къ принцессѣ будетъ оцѣнено ею, когда ей доложатъ о причинѣ, заставившей меня по своему почину отказаться отъ чести представиться ей.

Аббатъ Эджевортъ, котораго раньше звали аббатомъ де Фирмонъ, обезсмертилъ свое благочестіе и мужество, сопровождая Людовика XVI на эшафотъ, послѣ того какъ исповѣдывалъ его въ Тамплѣ. Не имѣя возможности слѣдовать за королемъ на эшафотъ, онъ, какъ извѣстно, громко сказалъ ему: „Чадо Людовика Святого, взгляни на этого праведника, который простираетъ къ тебѣ руки съ высоты небесъ". Этотъ благочестивый духовникъ чудомъ спасся отъ ярости бѣшеныхъ цареубійцъ, рѣшившихъ его умертвить. Когда онъ оставилъ Францію, Людовикъ XVIII поспѣшилъ призвать его къ себѣ. Ставъ духовникомъ короля, онъ одновременно сдѣлался его совѣтникомъ и другомъ. Онъ соединяетъ съ глубокимъ благочестіемъ широкое образованіе и выдающійся умъ; его скромность равна его заслугамъ. Въ С.-Петербургѣ мнѣ удалось завязать съ нимъ дружбу.

Павелъ I послалъ орденъ первой степени св. Андрея Первозваннаго Людовику XVIII и попросилъ у него взамѣнъ орденъ Св. Духа. Аббатъ Эджевортъ былъ избранъ для передачи этого ордена императору. Павелъ I оказалъ ему изысканный пріемъ..... „Вы возбуждаете во мнѣ живѣйшій интересъ,—сказалъ императоръ,—видя васъ, я вспоминаю тотъ моментъ, когда вы у подножья эшафота заговорили съ несчастнымъ Людовикомъ XVI твердымъ и смѣлымъ голосомъ. Я буду благодарить Людовика XVIII за то, что онъ избралъ васъ, чтобы привезти мнѣ орденъ, который я просилъ у него".

Павелъ I, желая показать аббату Эджеворту свое августѣйшее благоволеніе, велѣлъ передать ему великолѣпную эмалевую табакерку со своимъ портретомъ, осыпанную чудными брилліантами, стоившую пять тысячъ рублей, и кромѣ, того, пожаловалъ пятьсотъ червонцевъ пособія, которое велѣлъ выплатить ему въ теченіе года въ возмѣщеніе расходовъ по его путешествію.

Въ моментъ отъѣзда изъ Митавы мы замѣтили, что нужно починить оглобли у экипажей; это задержало насъ еще на день; мы могли снова двинуться въ путь только въ пятницу, шестого іюня, послѣ обѣда. Мы направились въ Мемель.

Чтобы достичь прусской границы, надо было проѣхать всю Курляндію, задѣвъ уголокъ Самогитіи Дороги были сносны; мы рѣшили ѣхать ночью; везли насъ довольно хорошо, но почтовые смотрителя на этомъ пути не даютъ постелей; они предлагаютъ плохой и дорогой столъ; ихъ ржаной хлѣбъ съ примѣсью ячменя безвкусенъ. Мы сдѣлали такимъ обра-

зомъ тридцать пять миль или семьдесятъ лье до Полангена, мѣстечка Самогитіи, послѣдней русской станціи и казачьяго караула. Мы пріѣхали туда въ воскресенье, восьмого іюня, на Троицынъ день.

На всѣхъ русскихъ границахъ надо ждать суроваго осмотра; насъ отвели въ кордегардію; казачій офицеръ зналъ немного по-латыни; мы ему показали наши паспорта; онъ насъ принялъ очень предупредительно и спросилъ, не веземъ ли мы писемъ частнымъ лицамъ. Мы отвѣчали, что у насъ есть письма императора и его министровъ къ великому пріору. Мы показали ему ихъ также, какъ и императорскую грамоту, данную великому рыцарю Пфюрдскому, какъ посланнику. Онъ склонился въ знакъ уваженія передъ этими письмами и, провѣривъ наши паспорта, сказалъ намъ, что мы можемъ свободно переѣзжать границу и далъ намъ до заставы въ провожатые казака, который открылъ ее и на своемъ языкѣ пожелалъ намъ счастливаго пути, получивъ на чай.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Путешествіе въ С.-Петербургъ	1
Дорога изъ Кракова въ Брестъ, граница русской Польши	6
Дорога изъ Бреста въ Ригу (въ Ливоніи) черезъ Вильно (въ Литвѣ) и Митаву (въ Курляндіи)	24
Дорога отъ Риги до С.-Петербурга	51
Пребываніе въ С.-Петербургѣ	68
Набережная, каналы и улицы	111
Религія	125
Нравы	137
Правительство	138
Флотъ	170
Современная политика Павла I	173
Министерство полиціи	188
Сенатъ и генералъ-прокуроръ	196
Науки, искусства и образованіе	200
Петербургскій дворъ	206
Отъѣздъ и возвращеніе изъ С.-Петербурга	225

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

МОСКВА

Тверская, д. 29, кв. 46. Телефонъ 338—45.

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Т. I. Пер. съ франц. Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Ц. 2 р. 50 к.

Князь Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Т. II. Ц. 2 р.

П. Моранъ. Павелъ I до восшествія на престолъ. Пер. съ франц. Н. Ширяевой. Ц. 3 р.

Де Ремюза. Мемуары. Т. I. Редакція и вступит. статья С. Ф. Фортунатова. Ц. 2 р.

Де Ремюза. Мемуары. Т. II. (печатается).

Шуазель Гуффье. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Пер. съ франц. З. Мировичъ. Вступительная статья А. Кизеветтера. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Круковская. Н. А. Морозовъ. Біографическій очеркъ. Цѣна 40 к.

А. Изгоевъ. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Ц. 50 к.

В. Брусянинъ. Л. Андреевъ. Жизнь и творчество. Ц. 50 к.

Н. Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. Ц. 60 к.

Бекфордъ. „Ватекъ". Арабская сказка. Пер. Бор. Зайцева. Вступительная статья „Бекфордъ, авторъ Ватека" П. Муратова. Цѣна 80 к.

Ф. Кроммелинкъ. „Ваятель масокъ". Переводъ въ стихахъ К. Бальмонта. Ц. 50 к.

Кристоферъ Марло. „Трагическая исторія доктора Фауста". Пер. въ стихахъ К. Бальмонта. Ц. 80 к.

Ф. М. Клингеръ. Жизнь, дѣянія и гибель Фауста. Пер. съ нѣм. со вступ. статьей и примѣчаніями А. Лютера. Ц. 1 р. 80 к.

Новеллы Итальянскаго Возрожденія. Переводы и характеристики П. Муратова. *Томъ I. Часть I. Новеллисты Треченто:* „Новеллино"—„Цвѣточки св. Франциска Ассиз-

скаго"—Боккаччіо—Франко Саккетти—Серкамби—Серъ Джованни. *Часть II. Новеллисты Кватроченто.* Новелла о Столярѣ—Св. Бернардинъ Сіенскій—Илличини—Сермини—Мазуччіо—Корнаццано. Цѣна 2 р. 50 к.

Новеллы Итальянскаго Возрожденія. *Томъ II. Часть III. Новеллисты Чинквеченто.* Мольца — Банделло—Аньоло Фиренцуола — Граццини—Дони – Фортини—Джиральди—Парабоско — Де Мори—Страпарола—Малеспини—Баргальи. Ц. 2 р. 50 к.

Жераръ де Нерваль. Сильвія. Октавія. Изида. Аврелія. Пер. съ франц. Е. С. Уреніусъ. Редакція и вступительная статья П. Муратова. Цѣна 1 руб.

Гуннаръ Гейбергъ. Собр. соч. Авторизованный переводъ съ норвежскаго Р. Тираспольской. Вступительная статья гр. Де-ла-Бартъ. Т. 1 и 2. Цѣна каждаго тома 1 р.

Рихардъ Демель. Собр. соч. Авторизованный переводъ съ дополненіями автора для русскаго изданія. Вступительная статья Ю. Айхенвальда. Т. 1-й. Автобіографія. Спутникъ человѣческій. Трагизмъ и драма. Т. 2-й. „Странички жизни". Новеллы. Пер. съ нѣм. Л. Горбуновой. Цѣна каждаго тома 1 р. 20 коп.

Г. Жулавскій. Собраніе сочиненій. Т. I. На серебряномъ шарѣ. Ром. Пер. А. Зейлигеръ. Цѣна 1 р. 40 к.

Г. Жулавскій. Собр. соч. Т. II. Побѣдитель. Ром., перев. А. Зейлигеръ (печатается).

Ж. К. Гюисмансъ. Собраніе сочиненій. Т. I. „Тамъ внизу" („Бездна"). Перев. Ю. Спасскаго. (Наложенъ арестъ). Цѣна 1 р. 25 коп. Т. 2. „Въ пути". Цѣна 1 р. 50 к. Т. 3. „Парижскіе арабески". Цѣна 1 р.

Е. Милицина. Разсказы. Томъ III. (Наложенъ арестъ). Цѣна 1 р. 25 к.

Н. Русовъ. Озеро. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Изданіе второе. Цѣна 1 р.

Н. Русовъ. Любовь возвращается. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Русовъ. Повѣсти. Цѣна 1 р.

Н. Клюевъ. Лѣсныя были. Книга 3. Ц. 60 к.

Н. Клюевъ. Сосенъ перезвонъ. Изданіе 2-е. Цѣна 60 к.

В. Эльснеръ. Современные нѣмецкіе поэты. Цѣна 1 руб.

И. Дружининъ. Право и личность крестьянина. Цѣна 1 р. 20 к.

Церковь Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ. Объяснительная статья Н. Первухина. Фотографіи И. Лазарева, П. Мосягина и С. Шитова. Рисунокъ обложки С. Малютина. Ц. 16 р.

Райнеръ Марія Рильке. „Замѣтки Мальте Лауридсъ Бригге". Т. I вышелъ изъ печати, т. II—печатается. Цѣна за 2 томика 1 р. 30 к.

Печатано въ типографіи К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ.

0. 95.
97.
102-103
106-107
109-110
221

12 К

XXXIV.

ЦѢНА 1 Р. 20 К.